

513 ВИКТОР
БОРОЗДИН

И ОПЯТЬ МЫ В НЕБЕ

Виктор Петрович Бороздин

И опять мы в небе

OCR, правка: Андрей Мятлишкин (amyatishkin@mail.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156716

И опять мы в небе: Молодая гвардия; Москва; 1990

ISBN 5-235-00628-3

Аннотация

Книга рассказывает о героическом полете дирижабля «СССР В 6», о комсомольцах 30-х, строителях и первых пилотах первых советских дирижаблей, об их подвигах в Великой Отечественной войне.

Содержание

Не ищите легких путей. И. Д. Папанин	5
Часть первая. Отдать корабль в воздух!	8
I	12
II	29
III	46
IV	68
V	88
VI	107
VII	128
VIII	151
IX	164
X	187
XI	205
Часть вторая. И опять мы в небе	209
I	212
II	219
III	224
IV	234
V	237
VI	240
VII	246
VIII	254
IX	261

X	263
XI	268
XII	270
XIII	273
XIV	275
XV	279
XVI	282
XVII	284
XVIII	291
XIX	298
Послесловие	308

Виктор Бороздин

И опять мы в небе

Сердечно благодарю ветеранов воздухоплавания – участников Великой Отечественной войны, а также друзей и родных участников героического полета на дирижабле «СССР В-6», поделившихся со мной воспоминаниями.

Автор

Не ищите легких путей. И. Д. Папанин

Сейчас мало кто помнит, что когда-то в нашей стране летали отечественные дирижабли. Повесть Виктора Бороздина возвращает нас к довоенным тридцатым годам, когда комсомольцы-дирижаблисты своими руками создавали первые эти огромные воздухоплавательные корабли. Они же и летали на этих кораблях, были их пилотами. Когда же встала необходимость лететь в далекую тогда Арктику на помощь оказавшимся в очень трудном и опасном положении людям, эти парни одними из первых откликнулись и подняли в воздух самый мощный корабль эскадры дирижаблей – «СССР В-6».

Люди, на помощь к которым они спешили, были мы – четверо полярных исследователей, участники первой совет-

ской дрейфующей научной станции «Северный полюс»: гидробиолог Петр Ширшов, магнитолог-астроном Евгений Федоров, радист Эрнст Кренкель и я, начальник научной станции.

Наша экспедиция была первой экспедицией, занимающейся исследованиями Центральной Арктики, мы были первыми «жителями» полюса, поэтому никто не мог предугадать путь нашей льдины и все встретившиеся на этом пути неожиданности. Когда на девятом месяце дрейфа нашу льдину стремительно вынесло в Гренландское море, где непрерывные штормы разломали льды, встал вопрос о немедленном снятии нас с обломка льдины.

На помощь нам вышли ледокольные пароходы, подводные лодки. Вылетел и дирижабль.

Я не был лично знаком с дирижабLISTами, но Эрнст Кренкель, в свое время летавший радистом на дирижабле В-3, не раз нам рассказывал об этих смелых, бесконечно увлеченных своим делом – созданием эскадры дирижаблей и освоением воздушных дирижабельных трасс – людях. Да и сам их отважный полет говорил о многом.

Они жили увлеченно, трудно и прекрасно. Они смело мечтали и осуществляли свои мечты. Товарищество, взаимовыручка даже ценою жизни были присущи им, были неотъемлемым их качеством.

Мне дорога память об этих замечательных людях, и я хотел бы, чтобы сегодняшняя молодежь оглянулась на своих

сверстников, комсомольцев годов тридцатых.

Мне хочется сказать сегодняшней молодежи: как и те прекрасные парни, патриоты нашей Родины, не ищите легких путей, идите туда, где трудно, но интересно, где вы нужнее всего. На любом участке, куда бы ни направила вас Родина, непочатый край славных и нужных дел.

Наша молодежь доказала не раз свое трудолюбие, отвагу, бесстрашие и героизм – на фронтах Великой Отечественной войны, в далеких экспедициях, на всех стройках, куда бы ни посылала партия.

Вы, молодое поколение, наша смена. Вы будете продолжать дела, начатые старшим поколением. На вас, верных сыновей и дочерей нашей Родины, надеется наша родная партия Ленина и Советское правительство. Верю, что вы, мои дорогие юные браточки, и в будущем не подведете.

Иван Дмитриевич ПАПАНИН, дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук

Часть первая. Отдать корабль в воздух!

Он поднимался по крутому скользкому склону, оступаясь в скрытые под мхом, наполненные водой промоины, хватаясь за ветви деревьев, за шершавые стволы, перелезал через замшелые, источенные дождем и ветром каменные глыбы. Моросивший дождь шелестел, ударяясь о хвою, и немного умерял пыл наседавшей мошки. В гуще деревьев пахло извечной сыростью и грибной прелью.

Ударом молотка он откалывал куски обнажившейся породы, то серо-лиловые, то розоватые, то кроваво-красные, разглядывал прожилки, вкрапления. Плитки слюды отделялись целиком – плотно спрессованные десятки прозрачных пластинок. Большинство обломков он отбрасывал, другие клал в висевший за спиной рюкзак. Что таят в себе недра этой вскинувшейся почти на полкилометра, поросшей хвойным лесом Небло-горы?

Геолог карабкался вверх к видневшемуся среди ветвей большому скальному обнажению. В какой уже раз поскользнувшись на мокрой крутизне, он схватился за торчащий из земли корень. И вдруг, приглядевшись, увидел, что это совсем не корень, а красный от ржавчины конец стального троса. Откуда, каким образом попал этот трос сюда, на высоту, в

эту чашобу? Тут к подножию горы и то не подойти, все завалено валунами, прорезано глубокими расселинами, на двадцать километров в округе нет жилья.

Он с силой потянул трос. Тот не поддался. Проследив, куда тянется трос, он стал торопливо карабкаться за ним вверх. И, наконец взобравшись на высокий уступ, остановился, пораженный...

Перед ним высилась скала, та самая, к которой он шел, – сумрачная и голая, холодно поблескивающая струйками бегущих по ней ручейков. А у ее подножия, в проломленной среди густого леса просеке, на поваленных, вывороченных с корнем черных обгоревших деревьях, словно скелет гигантского доисторического чудовища, лежал огромный, изогнутый и изломанный стальной хребет с торчащими из него в стороны стальными ребрами. По сторонам, вблизи и на расстоянии, даже высоко на горе валялись заброшенные туда какой-то могучей силой искореженные обломки ферм, ржавые баки, скрученные трубки, обломки огромных стабилизаторов и рулей с какого-то непонятного, никогда не виданного им корабля. Уткнувшись в высокую траву обгорелыми ручками, лежал штурвал с намотанной на шестерню ржавой цепью. Рядом – спекшийся кусок плексигласа.

По бокам остова, черные и обугленные, висели мертвые стволы деревьев. Один, могучий, в два обхвата, ствол, оголенный, с отставшей корой, лежал поверх, как бы прикрывая собой искалеченный остов, защищая его. А чуть в сто-

роне, красуясь белизной тонких стволов, лопотали листьями березы. Одна, молодая и гибкая, выросла в узком просвете лежащей на земле металлической фермы и, выбрасывая свежие побеги, не подозревала, что скоро ей, стиснутой металлом, уже некуда будет расти. Дальше тянулась вверх поросль еще небольших пушистых елей – все молодое, зеленое густо поднялось на этом опустошенном, выжженном когда-то до тла месте...

Что же это за корабль? Когда, как и почему случилась с ним страшная катастрофа? В том, что здесь произошла катастрофа, сомнений не было...

Геолог потянул трос, должно быть, тот самый, что первым попался ему под руку. И трос опять не поддался, да и не мог поддаться, он глубоко врос в дерево, став его пленником.

Сколько же понадобилось лет, чтобы дерево обволокло трос толстым слоем древесины?.. Деревья на Севере, на вечной мерзлоте, растут медленно...

Вероятно, это произошло давно, тридцать... сорок лет назад?.. Тогда над этими местами еще не пролегла постоянная воздушная трасса. Полет был необычным. Корабль мог сюда залететь только в силу какой-то особой необходимости.

К какой цели стремился он?.. Какие смелые люди летели на нем?..

Глаза геолога искали: может, что-то подскажет ему разгадку? Эти высокие ели, эта голая скала – они же все видели!.. Все, что даже трудно себе представить...

Рука потянулась к шапке, медленно стянула ее, обнажив голову.

I

В тот день, как назло, разыгралась метель, да еще с морозом. Ветер завывал в водосточных трубах, свистел в проводах. Снежные заряды били в помутненные стекла окон, вихрились, поземкой неслись по улицам поселка. Быстро росли непролазные сугробы, и лишь на перекрестках, открытых на все четыре стороны, по-прежнему мерцал в слабом свете фонарей полированный наст.

На взлетном поле ветер особенно разгулялся. С трудом удерживаемый стартовой командой, дирижабль вздрагивал всем своим стометровым корпусом, норовисто приподнимал тупой нос, потом, медленно раскачиваясь, опускал его. Лучи прожекторов, упершись в серебристые бока дирижабля, высвечивали название: «СССР В-6 Осоавиахим». Поблескивали плексигласовые окна и иллюминаторы гондолы, серебрились натянутые стальные тросы, идущие от киля корабля к стартовой команде.

Провожающие, а их, несмотря на непогоду, собралось как никогда много, тесной толпой стояли за цепочкой стартовой команды вблизи трапа. Родные, близкие, друзья-дирижаблисты, экипажи других кораблей. Только маленький В-1 провозжал в воздухе, кружил над взлетным полем, изредка попадая в свет прожекторов. Прячась от пронизывающего ветра в поднятые воротники, родные высматривали в окнах гондолы

мелькающие силуэты мужей, братьев, сыновей...

Они уже больше часа здесь. Видели, как корабль вывели из эллинга – громадного сооружения, где дирижабли стоят, когда они не в полете. Из-за поднявшейся метели корабль выводила не только своя стартовая команда, но и специально прибывшее для этого воинское подразделение.

Плечом к плечу более ста человек наперекор ветру, бьющему снегу тянули корабль, крепко держа его за поясные канаты, прoderнутые в кольца тросов. Даже в тихую погоду нужно большое искусство, чтобы вывести дирижабль из эллинга. А тут...

Как огромный наполненный парус, корабль рвался из рук. Идущий впереди стартер заглядывал то по одну его сторону, то по другую, застуженным голосом отдавал в рупор команды:

– Кормовые – дать слабинку! Носовые подтянуть!

– Есть носовые подтянуть! – отзывались идущие по бокам помощники.

Корабль вывели, развернули против ветра. И он немного уgomонился, уже не кидался из стороны в сторону.

Потом его долго как бы взвешивали, сбрасывая на снег мешочки с песком-балластом, – статически уравнивали подъемную силу водорода в оболочке с весом корабля.

– Еще, еще давай, – коротко командовал высунувшийся из окна рубки управления командир Гудованцев. Наконец корабль поднялся метра на полтора и завис покачиваясь. Стар-

тер выждал, когда ветер немного стих, и, схватившись за угол гондолы, потянул вниз. Потом подставил плечо и без всякого труда, одним движением приподнял всю эту махину – корабль уже ничего не весил.

– Хорош! – махнул рукой Гудованцев и задвинул окно.

Смахивая с лица снег, стартер отошел.

Стали запускать моторы. Заглушая свист ветра в такелаже, взревел кормовой, порывисто, с надрывом. Но тут же, усмиренный, заработал ровно, прокручивая винт на малых оборотах. Гулом рванул бортовой. Смолк. Через минуту снова рванул. Стал подавать голос и второй бортовой.

Провожающие, зачочнев, топали ногами, хлопали рукавицами. Снежная пылюга стегала по лицу, рвала полы одежды, врываясь в лучи прожекторов, металась в них, уносилась в темноту.

Нелегкий путь предстоит экипажу В-6. Все это понимают. Волнуются. И завидуют. Каждый из дирижаблистов был бы рад очутиться сейчас на этом корабле. Но если уж не судьба лететь, то хотя бы проводить его, пожелать ребятам доброго пути.

Полет будет далеким, очень трудным и опасным. В штормовую погоду по совершенно неизведанной трассе. И все же летят с радостью, они сами ходатайствовали перед правительством о разрешении им этого полета. Они спешат на выручку оказавшимся в беде людям.

Четыре дня назад, 1 февраля, радио принесло тревож-

ное сообщение с дрейфующей уже почти девять месяцев во льдах Северного Ледовитого океана первой в мире научной станции «Северный полюс» под руководством замечательно-го полярного исследователя Героя Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина¹.

«В результате шестидневного шторма, – радировал Папанин, – в 8 часов утра 1 февраля в районе станции поле разорвало трещинами от полуметра до пяти. Находимся на обломке поля длиной 300, шириной 200 метров. Отрезаны две базы, также технический склад с второстепенным имуществом. Из затопленного хозяйственного склада все ценное спасено. Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. Координаты сообщу дополнительно; в случае обрыва связи просим не беспокоиться».

«...Просим не беспокоиться...» Но это невозможно. Всем ясно, насколько серьезна там сейчас обстановка.

2 февраля пришла новая радиограмма:

«В районе станции продолжает разламывать обломки полей протяжением не более 70 метров. Трещина от 1 до 5 метров, разводья до 50. Лдины взаимно перемещаются. До горизонта лед девять баллов. В пределах видимости посадка самолета невозможна. Живем в шелковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время

¹ В июне 1937 года, когда четверо папанинцев находились на дрейфующей станции «Северный полюс», постановлением правительства И. Д. Папанину было присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда же П. П. Ширшов, Е. К. Федоров и Э. Т. Кренкель были награждены орденом Ленина.

связи на другую льдину».

...Девять месяцев ветры и течения носили по Ледовитому океану льдину, на которой обосновались четверо смелых полярных исследователей: Иван Папанин, Петр Ширшов, Евгений Федоров, Эрнст Кренкель. Все это время люди нашей страны с гордостью и волнением следили за работой небывалой экспедиции. Начался дрейф у далекого и недоступного Северного полюса, куда экспедицию доставили самолеты, а заканчивается в бушующей ураганами «ледорубке» Гренландского моря, куда вместе со всей массой льда их вынесло буквально в последние дни. Помощь нужна срочно, каждый час промедления может привести к катастрофе.

В тот же день начальник Главсевморпути академик Отто Юльевич Шмидт послал папанинцам ответную радиограмму:

«Ваша телеграмма доложена правительству. Все восхищены вашим мужеством, большевистской выдержкой, в столь тяжелый для вас момент. Все шлют вам горячий привет и уверены, что в героической борьбе со стихией победителем будет ваш отважный коллектив. Правительство утвердило ряд новых мер по оказанию вам большой помощи. «Таймыр» выйдет третьего. «Мурманцу» поручено обязательно пробиться к вам. Срочно готовится «Ермак». Я выхожу на «Ермаке».

Ледоколы... Но сколько времени им понадобится, чтобы

пробиться сквозь паковые льды²! Самолеты могли бы долететь быстрее, но из-за разлома льдов посадка там невозможна. Только дирижабль имеет возможность оказать быструю помощь. Дирижаблю не нужна посадочная площадка. В случае необходимости он может обойтись и без швартовой команды – сбросив в разводье причальный якорь, зависнуть над льдиной. (Ведь благодаря статической подъемной силе, которую придает дирижаблю содержащийся в оболочке газ, он может с выключенными моторами зависать в воздухе.) Людей можно будет поднять в гондолу лебедкой.

В-6 – самый мощный корабль эскадры дирижаблей, вмещающий в свою оболочку около двадцати тысяч кубометров водорода, с тремя моторами общей мощностью восемьсот десять лошадиных сил. К моменту получения тревожной радиограммы корабль был почти готов к полету, в ближайшие дни он должен вылететь на освоение новой воздушной трассы Москва – Новосибирск, весной намечается открыть на этой трассе первую в стране дирижабельную грузо-пассажирскую линию.

В корабле они уверены. Он надежен, не раз испытан в сложных полетах. Но метеообстановка сейчас уж очень тяжела. И все с нетерпением ждут последнюю метеосводку: что она скажет? Что ждет их на трассе?

В экипаж отобрали лучших людей эскадры, самых знающих командиров, штурманов, бортмехаников. Все девятна-

² *Паковый лед* – многолетний, дрейфующий в полярных бассейнах лед.

дцать человек опытные аэронавты-дирижабисты, хотя еще очень молоды. Все, включая командира корабля – командира эскадры дирижаблей орденоносца Николая Гудованцева, – комсомольцы.

Шесть тонн горючего залито в восемнадцать баков, подвешенных вдоль всего стометрового киля корабля. Четыре двухсотлитровых балластных бака наполнены антифризом – смешанной со спиртом водой. Погружен трехмесячный запас продовольствия, комплекты теплой одежды, палатки, ружья, много другого снаряжения. Полет предполагается совершить за несколько дней, но Арктика требует предусмотрительности. Только что к кораблю подвезли ящики с пиротехникой – в Арктике сейчас полярная ночь, немало придется выпустить в темноту осветительных ракет, чтобы в хаосе искореженного льда отыскать обломок, на котором держатся папанинцы.

Из гондолы спустились по дюралевому трапу первый и третий помощники командира – Сергей Демин и Тарас Кулагин. Немного неуклюже в меховых унтах, увязая в снегу, зашагали вдоль корабля, чтобы в последний раз осмотреть его. Запрокинув головы, привычно оглядывали туго наполненную газом оболочку – нет ли морщин, вмятин. Прошли ближе к корме, осмотрели вынесенные в стороны от киля моторные гондолы с идущими к ним подвесными мостиками, множество расчалок, которыми гондолы крепятся к килю, патрубки, тросы, трубки бензопроводов.

Заснеженные, с покрасневшими строгими лицами солдаты по-прежнему держали корабль за поясные. Они здорово замерзли и грелись, постукивая ногой об ногу. За их цепочкой, такая же заснеженная в своей меховой дошке и надвинутой на лоб шапочке, загораживая от ветра лицо уголком воротника, торопливо шла невысокая немолодая женщина. Кулагин, увидев ее, смущенно и обрадованно улыбнулся и каким-то по-детски смешным жестом потер нос.

– Мама!

Как она узнала, что они улетают?! Приехала из Тарасовки, с другого края Москвы, в такой холод! Он хотел сказать ей что-то, но она махнула рукой.

– Я только... пожелать вам счастливого пути.

Она хорошо знала: у сына дела, очень важные, предполетные. Не хотела мешать. И не могла не прийти. Он у нее один. Больше никого на всем свете. Они очень привязаны друг к другу. Как было не понять Полине Мартьяновне безудержную увлеченность сына, если сама она так же горячо и увлеченно прошла в жизни свой нелегкий, но самую ею выбранный путь. Профессиональный революционер, старый член партии, извела она бесконечные скитания, преследования полиции, аресты и ссылки. Там, в ссылке, в далекой таежной деревушке на Лене родился Тарас. Муж, тоже политкаторжанин, погиб в гражданскую, воюя с Колчаком. Нелегко ей было одной приглядеть за этим отчаянным мальчишкой. Для нее счастье, что он такой открытый, отзывчивый.

Всегда старается веселой шуткой унять ее тревогу.

Обойдя корму, Демин и Кулагин осмотрели крепления стабилизаторов, распластанных в стороны рулей глубины и вертикально стоящего руля направления. Проверили ходовые огни.

Уже на обратном пути увидели вдруг затерявшуюся за солдатами их лаборантку Катю Коняшину. Демин крикнул ей:

– Где ты пропадаешь? Твой Николай высматривает тебя. Он в моторной, у Бурмакина.

Демин вернулся. Дотянувшись, постучал краем планшетки по стенке моторной гондолы. Пусть хоть эти увидятся. Его-то Вере никак не прийти, у нее на руках полуторамесячная Алка. А раньше, если не летела с ним сама (помощником командира), провожала обязательно.

Дверца гондолы отодвинулась наверх, оттуда выглянуло озабоченное, забрызганное маслом лицо старшего бортмеханика Коняшина. Увидев жену, он заулыбался, высунулся по пояс, крикнул:

– Ты не уходи, не уходи, Катя!

– Что ты, куда я уйду!

Коняшин тут же скрылся в гондоле, а Катя осталась, поживаясь на ветру, маленькая, с выбившейся черной челкой, похожая в сдвинутой набок ушанке на подростка. Она не успела проститься с мужем там, в эллинге, потому что тоже была занята. Проверяла чистоту водорода в оболочке В-6.

Проверяла особенно тщательно и была рада доложить командиру: чистота 96, 4 процента, лучше не бывает! А потом бежала сюда, боялась, что не увидит Колю.

Мотор тарахтел, взывал на высокой ноте, потом вдруг, захлебнувшись, смолкал. И снова, набирая силу, рвал воздух.

По мостику из гондолы в киль пробежал бортмеханик Алеша Бурмакин и тут же вернулся, держа что-то в руке. Не глядя ни на кого, нырнул обратно в гондолу, Николай больше не показывался.

Из дальней кормовой моторной гондолы высунулось скуластое лицо бортмеханика Миши Никитина, лучшего Колиного друга. Он что-то прокричал Кате, из-за гула моторов она разобрала только несколько слов и поняла, что это об Ане, что она в Москве и не придет проводить.

– Я ей передам, ты не волнуйся! – закричала она в ответ и махнула рукой.

Он поднял руку.

«Они ведь только поженились, Миша и Аня, – с сочувствием подумала Катя, – и всегда неразлучны...»

– Дяденьки, пропустите, пожалуйста!

Худенькая девчушка, зачочневшая в своем коротком пальтишке, перебежала от одного солдата к другому.

– У меня брат улетает, он командир корабля, а я с ним не простилась, я в школе была...

– Нельзя, девочка.

От гондолы шагнул Сергей Демин. Посмотрел строго, но не выдержал, махнул солдатам.

– Пропустите девочку. Только ненадолго, – предупредил он Лиду. – И к Николаю не приставай, ему сейчас не до тебя.

– Да, да!

Лида взбежала по трапу, толкнула дверь, окинула взглядом гондолу. Брата здесь не было. Она бросилась к печурке. Необыкновенной печурке – каталитической! – в ней не горели ни дрова, ни уголь, не было раскаленной электроспирали, ведь огонь здесь держать нельзя – над головой водород, это даже она знала. А тепла!.. Намерзший на чулки и ботинки снег сразу начал таять.

В гондоле шла напряженная работа. Свободные от вахты бортмеханики Новиков и Матюнин – один высокий, здоровяк, другой худощавый, подвижный – крепили к стенкам тяжелые ящики. Непоместившиеся поднимали по трапу в киль³.

В гондоле много не разместишь – она всего пятнадцать метров длиной: тут и рубка управления – впереди, – и пассажирский салон с отгороженной радиорубкой, и находящиеся сзади кладовая и камбуз. Поэтому основной груз они размещают в киле. Там, на стометровой его длине, среди баков с горючим, маслом, балластных баков, подвешенных гамаков

³ *Киль* – идущая вдоль всего корабля от носа до кормы трехгранная металлическая ферма с поперечными шпангоутами и соединяющими их при помощи шарнирных узлов стрингерами. Сверху к киллю крепится оболочка, снизу – гондола.

со спальными мешками и прочего корабельного хозяйства найдется место и для этой кладки.

За штурманским столиком склонились над картами штурманы и главный синоптик порта. Добродушный, всегда с улыбкой на веснушчатых полных щеках синоптик Давид Градус сейчас, объясняя что-то и показывая на карте, был серьезен. Флагштурман эскадры Георгий Мячков, прямой и строгий, с выправкой моряка, внимательно слушал. Третий был знаменитый полярный штурман Ритсланд, что летал на Северный полюс. Раскрыв планшетку, он вносил в блокнот сообщения синоптика.

В открывшуюся дверь ворвался снежный вихрь. В гондолу вошел Гудованцев. Провел рукой по шлему, смахивая снег. Снежинки на бровях от тепла растаяли, смягчив напряженность озабоченного лица. Подойдя к штурманам, Гудованцев положил на стол лист бумаги.

– Последняя метеосводка. – Он немного помедлил. – Скверная.

Градус только взглянул на сводку. Последнее слово за ним, главным синоптиком дирижабельного порта.

– Командир...

Градусу трудно было сказать то, что сказать он был обязан. Потом он все же пересилил себя:

– Лететь нельзя.

Он пристально смотрел командиру в глаза.

Гудованцев понимал его. Погода явно нелетная. Штормо-

вой ветер, циклоны на всем протяжении пути до Мурманска. Корабль перегружен. Конечно, риск очень большой. И все же...

После первых тревожных радиogramм связь с папанинцами неожиданно оборвалась. Уже больше суток от них нет вестей. До сих пор такого еще не было – в течение всего дрейфа, несмотря на помехи, каждые шесть часов от них неуклонно поступали метеосводки. Кто знает, что могло там произойти за эти сутки?

Гудованцев был твердо уверен: медлить они не имеют права. Разве не идет на риск корабль, спешащий в шторм на помощь терпящему бедствие кораблю, когда даже приблизиться к нему опасно? Разве не рискует человек, бросаясь в огонь спасать другого человека? Это закон товарищества. И не могут они поступить иначе.

– Лететь надо, – сказал он, – ты сам, товарищ Градус, это понимаешь.

– Конечно, – сразу же ответил Градус. – Конечно.

– Надо, – отодвинув метеокарту, сказал Мячков, как всегда, сдержанно, немногословно.

Ритсланд молча кивнул.

Гудованцев знал: так думает каждый член экипажа. Только надо, как никогда, всем им быть внимательными, надо приложить все знания, умение, опыт.

Шагнув от стола, он крикнул:

– Устинович!

– Я тут.

С кия быстро сбежал в гондолу корабельный инженер. Перескочил через не убранный еще брезентовую скатку, остановился выжидающе.

– У тебя все в порядке?

– Все в порядке, командир. Материальная часть корабля в полной исправности.

– Скоро снимаемся, – сказал Гудованцев.

Он стоял рядом с притаившейся возле печурки Лидой и не замечал ее. Но вдруг его невероятно голубые глаза удивленно расширились.

– Лида?! Ты как сюда попала? А ну, марш отсюда! Мы же взлетаем!

Лида схватила сумку с книжками и бросилась к двери. Не сбежала – съехала по трапу на снег, снова в холод, метель. Обернувшись, увидела стоявшего в дверях гондолы Николая. Он напряженно искал кого-то среди провожавших. Искал и не мог найти. Лида сочувственно вздохнула – конечно, Лену... «Вернусь из полета, будет свадьба», – вспомнила она слова брата, сказанные с затаенной, старательно им спрятанной, но все равно видной всем радостью.

Моторы взревели все разом, словно проверяя свою силу. Заторопилась в стороне съемочная группа из кинохроники, нацеливая на корабль объектив. Оператор, в коротком пальтишке и шапочке пирожком, то крутил ручку аппарата, то тер замерзшие уши. Стоявшая возле гондолы группа людей

в летной и гражданской одежде, тоже забеленной метелью, – члены Правительственной комиссии по снятию папанинцев со льдины и все портовое начальство. – оживилась.

Гудованцев сбежал по трапу и, остановившись в нескольких шагах от комиссии, отрапортовал:

– Корабль к отлету готов. Ждем Вашего разрешения.

– Уверены в вас, – внимательно поглядев на Гудованцева, сказал, чуть ломая на кавказский лад слова, председатель Правительственной комиссии, член ЦК ВКП(б) Анастас Иванович Микоян. – Уверены и в корабле. Летите как можно быстрее и по кратчайшему пути.

– Весь экипаж готов задание партии и правительства выполнить с честью, – ответил Гудованцев.

– Николай Семенович, – уже неофициально обратился к Гудованцеву начальник Главного управления Гражданского воздушного флота Герой Советского Союза летчик Василий Сергеевич Молоков. – Снимете их, расцелуйте за всех нас, пусть знают, как мы их любим.

Гудованцев улыбнулся и крепко пожал протянутую Руку.

Через минуту уже с корабля громко прозвучала в рупор его команда:

– Приготовиться к взлету!

И команда стартера:

– Приготовиться к вытягиванию поясных!

У гондолы уже никого не было. Трапы убрали. Сброшено необходимое для взлета количество балласта. Раздалась по-

следняя наземная команда командира:

– Отдать корабль в воздух!

– Отдать поясные! – прокричал стартёр.

Солдаты разом вытянули из колец тросов поясные канаты. Освобожденный дирижабль чуть попятился и, покачиваясь, плавно пошел вверх. Басовито заработали моторы. Продолжая подниматься, корабль двинулся вперед. Лучи прожекторов закачались, неотрывно следуя за ним.

– До свиданья! Счастливого полета!

Все, кто был на поле, шли следом, запрокинув головы, неотрывно глядя вверх, махали руками.

Набрав высоту, В-6 делал прощальный круг.

И в это время, запыхавшаяся, с выбившимися из-под шапочки прядями светлых волос, прибежала и остановилась, беспомощно опустив руки, Лена. Она смотрела вверх на плывущий корабль, и он туманился от переполнявших глаза слез.

– Опоздали... – с трудом переводя дух, сказала, остановившись рядом, Колина сестра Нина. – А так бежали!..

Лида вдруг вспомнила, что она тоже так и не простилась с Колей. И хотя там, наверху, ее уже не могли услышать, она махала руками и все кричала:

– Коля, до свиданья! Коля, возвращайся!

Лена замахала рукой. Кричать она не могла. Рядом, сорвав с головы шапку, отчаянно махала ею Катя Коняшина.

Закончив третий круг, корабль плавно отвернул нос и по-

шел на север. Лучи прожекторов шли за ним, провожая, пока он совсем не растаял в аспидно-черном небе.

II

Едва поднялись, началась болтанка. Пол уходил из-под ног. Стоявший на штурвале глубины Сергей Демин, быстро перехватывая ручки штурвала, перекладывал его влево. Корабль то медленно выравнивался, то порывался лететь вверх. Стрелка вариометра⁴ беспокойно металась. Демин неотрывно следил за ней, резкими поворотами штурвала умирал корабль, удерживал на заданной высоте, одновременно не выпуская из поля зрения стрелки манометров, следя за тем, чтобы не превысило норму растущее с высотой сверхдавление газа в оболочке. Оно должно всегда чуть превышать давление атмосферы, поэтому и называется «сверхдавление». Повысится слишком – встанет угроза разрыва оболочки; упадет сверх нормы – на оболочке появятся вмятины, скорость корабля снизится.

За широкими окнами рубки неслись куда-то, белесо чертили темноту снежинки. Липли к окнам, срывались, опять липли... Справа, занимая почти треть горизонта, вскидывалось и уходило вниз огромное неясно-желтое пятно. Оно то светилось ярче, и тогда уже не казалось желтым, то тускнело. Москва с ее огнями. За снежной пеленой город как за матовым стеклом. Желтые пятна всплывали впереди по курсу, слева... Медленно проплывали под кораблем пригороды.

⁴ *Вариометр* – указатель скорости подъема и спуска.

Снаружи свистел ветер. Ледяные струи врывались в невидимые щели, холодили лицо, шею, а из-под шлема все равно выбивались капельки пота. Демин подвигал плечами, освобождаясь от напряжения. Повернувшись к стоящему рядом у штурвала направления второму помощнику – Владимиру Лянгузову, – сказал, взглянув в окно:

– Не скоро кончится.

Тот лишь мельком посмотрел на него, понимающе кивнул.

И снова все внимание вперед, по ходу корабля. И на стрелку компаса. Пружинисто упираясь ногами в неустойчивый пол, он чутко покачивал штурвал, стараясь держать корабль в узде.

Неожиданно взвыл, на все голоса запел в такелаже ветер. В окна хлестко ударила снежная волна. Корабль бросило в сторону, круто развернуло. Загрохотали, опрокидываясь, ящики в пассажирском салоне.

Лянгузов мгновенно переложил штурвал до отказа. Размашисто встряхиваясь, корабль стал выходить на прежний курс. Стрелка компаса возвратилась на место. Напряженное, с еле заметными рябинками лицо Лянгузова снова стало мягким. Руки неторопливо повели штурвал назад.

Управлять дирижаблем при помощи одного штурвала невозможно. Огромный объем оболочки делает корабль необыкновенно подверженным как горизонтальным, так и вертикальным воздушным течениям. Поэтому на дирижабле

стоят два штурвала глубины и направления. И ведут корабль одновременно два пилота.

– Товарищ Лянгузов, возьми три градуса ост, – поднялся из-за штурманского столика Гудованцев, – нас изрядно сносит.

– Есть три градуса ост!

Голос Лянгузова, удивительный звучный – слышался ли он на взлетном поле или в Воздухоплавательной школе, которой он сейчас руководит, – всегда вызывал немного восторженную зависть всех командиров. Сейчас, в тесной рубке, он прозвучал как-то особенно четко.

Гудованцев проверил показания приборов и отметил: несмотря на болтанку, все выдерживается в норме. Скорость – девяносто километров в час. Высота – сто пятьдесят метров. Израсходуется часть горючего – поднимутся до двухсот-трехсот. А пока что ребятам достается как следует – перегруженность, небольшая высота полета, следовательно, и опасная близость земли сильно усложняют пилотирование.

Лавируя между уходящими стенками гондолы, мимо опять устанавливающих ящики механиков к Гудованцеву подошел бортрадист Василий Чернов и протянул листок бумаги.

– Командир, радиограмма из порта. Запрашивают состояние корабля, настроение.

Гудованцев пробежал глазами листок. Понятно; в порту волнуются, переживают за них.

– Как слышимость?

– Отличная.

– Передай: корабль статически уравновешен в воздухе.

Материальная часть в полном порядке. Благодарим за добрые пожелания. Настроение...

Гудованцев поглядел на уверенно работающих штурвальных, на радиста. Усталое, как и у всех, с покрасневшими невыспавшимися глазами Васино лицо было полно радости.

– Передай: настроение отличное, – сказал Гудованцев. –

Приложим все силы для выполнения задания.

– Есть.

Чернов быстро записал и вернулся в радиорубку.

Настроение... Оно у всех приподнятое. Да и каким же еще оно может быть?! Они летят! Во всю мощь работают моторы. С каждой минутой полета, с каждым оборотом винта приближаются к цели.

Остались позади все земные хлопоты. А столько было всего за последние три дня! Обращение к правительству. Нетерпеливое ожидание ответа. И когда получили его, все до ломоты в ногах, но уже с легкой душой бегали по учреждениям, по складам, выписывали, подписывали, просили, требовали... Второй командир Иван Паньков прервал отпуск – до отдыха ли тут! Бортмеханик Николай Кондрашев больной поднялся с постели. Георгий Мячков, вывалив перед ним на стол груды ворошков и таблеток, сказал:

– Быстро поправляйся, Николай, болеть сейчас не ко вре-

мени!

Никто не мог оставаться в стороне. И сейчас не могут сидеть без дела. Свободные от вахты не отдыхают, а спешат навести порядок на корабле, поднимают в киль громоздкие тюки.

В темноте за окном бесконечное раскачивание затуманенной земли, сумятица снега. Гудованцев поглядел туда. Что-то беспокойно защемило внутри. Почему Лена не пришла? Не смогла? Ему так не хватало перед отлетом ее пристального и теплого взгляда, бесконечно верящего в его умение, знания, удачу... Лена! Она ворвалась в его жизнь, как врывается в полете ветер, свежий, уносящий, попутный...

Их встречи всегда были неожиданными. У него что ни день полеты, подготовки к ним, никогда не знал заранее, когда будет свободен. Вырвавшись, мчался к Лене в Москву и, оторвав ее от нескончаемых занятий, подготовок к сессиям на ее геологическом в университете, увозил в Долгопрудный. Тут в двух шагах лес. Они убегали на лыжах за тридевять земель, так что обратную дорогу находили с трудом. Возвращались затемно, покачиваясь от усталости, и до чего же рады были ожидающей их дома горячей картошке!

Бродить по лесу Лене не в диковину. Она, как и он, таежный бродяжка. С начала лета всегда в экспедиции. И ему ли, сибиряку, не знать, какво пробираться по таежному бездорожью с тяжелым рюкзаком! «Подожди немного, облегчим вам жизнь, – обещал он ей, – будем вас и ваше хозяйство

в самую глушь на дирижаблях забрасывать!» Все аэронавты уверены, что дирижабли и тут сослужат добрую службу.

Ясноглазая, светловолосая его Лена! Казалось, нет между ними этого все увеличивающегося расстояния...

...Снежные заряды за окнами рубки по-прежнему резали их путь. Ветрочет⁵ упрямо не хотел менять показания. Впрочем, Николай мог и не смотреть на его диск, и так было ясно: на корабль беспрестанно жмет боковой ветер. Корабль сопротивляется ему, кренится, бросается в стороны, идет наперекор.

«Во время остановки в Мурманске надо будет позвонить на главный почтамт, – подумал Гудованцев. – Лена наверняка догадается дать туда телеграмму».

– Как моторы, Николай? – спросил он сидевшего тут же, у корабельного телеграфа, старшего бортмеханика.

– В порядке, – обернулся к нему Коняшин. И уверенно добавил: – Моторы не подведут, командир, каждый час проверяю.

У штурманского столика с циркулем и тяжелой штурманской линейкой работал над навигационной картой первый штурман Алексей Ритсланд. Делал аэронавигационный расчет – учитывал ветер, снос корабля, выбирал курс. Уловив короткий миг относительно спокойного положения широко раскачивающегося корабля, умудрялся нанести на карте нужные линии. Подверженность дирижабля ветру из-за

⁵ *Ветрочет* – прибор, определяющий угол сноса корабля под влиянием ветра.

большой его парусности и сравнительно небольшой скорости заставляет непрерывно вносить поправки в проложенный курс.

Ритсланд, налетающий на самолетах больше десяти тысяч часов, на дирижабле летел впервые. Он быстро свыкся и с размашистой болтанкой, и с тишиной, которая сопутствует полету дирижабля – моторы гудели где-то далеко, снаружи, совсем не то, что в самолете, – и с ощущением необыкновенной легкости корабля. И уже чувствовал себя здесь как дома.

Его участие в этом полете было крайне необходимо. Испытанный полярный штурман, он до тонкости знал Арктику, избородил ее вдоль и поперек. На всем протяжении северного побережья страны от Берингова пролива до Баренцева моря нет, пожалуй, места, острова или островка, над которыми бы он не пролетал. Не раз, прихваченный пургой, «куропачил» – зарывался в снег, чтобы не замерзнуть. Проводя ледовые разведки в Баренцевом и Карском морях, часами летал над бесконечными однообразными льдами, когда глазу не за что было зацепиться, ухватить хоть малозаметный ориентир, и в слепящей белизне невозможно было понять, высоко летишь или лыжи самолета вот-вот зацепят за торос.

Когда его старый друг и наставник, замечательный полярный летчик Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков, вместе с которым он прокладывал северные воздушные трассы и вместе с которым совершил незабываемый полет на Северный полюс (за эти полеты Ритсланд был на-

гражден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина), предложил ему отправиться на дирижабле для спасения папанинцев, он с радостью согласился.

Люди, на помощь к которым они сейчас спешат, ему особенно близки. Он ведь сам причастен к тому, что они оказались в центре Арктики, на полюсе...

...Год назад, в марте 1937 года, с московского Центрального аэродрома поднялись четыре заново выкрашенных в ярко-оранжевый цвет четырехмоторных самолета и взяли курс на Северный полюс. На борту четверо полярных исследователей, которым предстояло, обосновавшись на льду Северного полюса, долгие месяцы вести там научные исследования.

Тогда, как и сейчас, они пробивались сквозь непогоду, их так же трепало, так же валил снег, только мокрый, с дождем. Правда, тогда можно было не так спешить, и они делали остановки, выжидали улучшения погоды. На Маточкином Шаре выдержали двенадцатибалльный шторм. Взбесившийся ветер валил с ног, забивал легкие, не давая дышать. Тяжелые самолеты подскакивали, рвались со швартовых. Чтобы не сорвало, пришлось крепить их якорями, вмораживая якоря в лед.

Последний бросок был с острова Рудольфа, самого северного острова архипелага Земля Франца-Иосифа. Первым к полюсу вылетел флагманский корабль Героя Советского Со-

юза Михаила Водопьянова. Остальные три машины смогли вылететь через шесть дней. Нелегко было отыскать среди бесконечных ледяных полей в нагромождениях торосов крошечный лагерь у полюса, который к тому же еще и не стоял на месте, а дрейфовал вместе со всей массой льда. Ритсланд первым из трех привел к лагерю их с Василием Сергеевичем Молоковым самолет.

Это были первые в мире самолеты, опустившиеся на лед Северного полюса.

За два месяца нелегкого пути до ледовой «макушки» земного шара и десять дней, проведенных там до возвращения самолетов на материк, крепко привязались они к четверке папанинцев. Люди эти были удивительные.

Начальник научной станции – деловитый, с хитринкой в глазах, не теряющийся в самые трудные минуты, заботливый и хлебосольный – настоящий «хозяин полюса» – Иван Дмитриевич Папанин.

Эрнст Кренкель – высокий, мощный, с густым хрипловатым басом бывалого полярника, с виду суровый, а на самом деле золотая душа, непревзойденный ас в своем радиоделе. И острослов! Не дай бог в чем-то оплошать, тут же попадешь к нему на язык.

Ненасытные исследователи Петр Ширшов и Евгений Федоров, молодые, горячие, наконец-то дорвавшиеся до своей заветной цели – этой недоступной точки Земли, – тут же поделили между собой два океана: Ширшов «завладел»

водным, с его неведомыми глубинами, течениями, дрейфом льда; Федоров – воздушным, с ветрами, циклонами, магнитными бурями. В нетерпении скорее начать исследования они, не дожидаясь прибытия остальных самолетов, которые должны были привезти оборудование, принялись за работу и заразили своим рвением всех, вплоть до летчиков, бортмехаников, штурманов, радистов.

Все вместе долбили они лунку во льду, ставили над ней лебедку. Пилили из крепкого, как сахар, снега метровые кирпичи, строили из них снежные домики для радиостанции и магнитной обсерватории. Поставили на льду ветряк с динамо-машиной, укрепив его вбитыми в лед костыльками с растяжками, установили жилую палатку, собрали ее из алюминиевых трубок, обтянули теплыми чехлами. Прямо в снежных завалах соорудили хозяйственные и продовольственные базы. Строительство шло с размахом, как на Большой земле. Скоро на льдине вырос целый научный городок с улицами: Самолетной, Складской, Советской...

6 июня 1937 года под трехкратный ружейный залп они подняли над полюсом Красный флаг Союза ССР, открыли первую в мире научную станцию «Северный полюс».

И сразу же, одно за другим, последовали научные открытия. С затаенной гордостью, как будто ничего особенного в этом не было, Кренкель отстукал ключом на Большую землю первую в истории человечества сводку погоды Северного полюса. С утра до ночи работающий со своей лебедкой Шир-

шов вначале даже не поверил приборам, когда обнаружил под двухсотметровым слоем холодной океанской воды мощный слой теплого течения Гольфстрим, пришедшего сюда, к самому полюсу, от тропического Карибского моря.

Совсем нечаянно сделал там научное открытие даже он, Ритсланд. Поймал на льдине пуночку, северного воробышка. Кроха сидела на вздыбленном торосе и распевала, доверчивая, непуганая. Он остановился, пораженный – живая пичуга в этой ледяной пустыне! Взял ее голыми руками. Когда показал всем, не поверили, решили, что с Большой земли на самолете ее прихватил. Но вскоре увидели, как над разводьем стремительно пронеслись, мелькая черными спинками среди голубых торосов, чистики. Потом, удивленно покрикивая, над их лагерем пролетела чайка-глупыш. Ширшов уже выуживал из океана множество всевозможных рачков, моллюсков... Существовавшее убеждение, что в центре Арктики нет никакой жизни, наглядно опровергалось.

Оставшись на льдине одни после отлета самолетов, четверо папанинцев работали за десятерых, не замечая времени и страшной усталости, часто в насквозь мокрой, покрывшейся льдом одежде – сушиться им было негде, в палатке, все отопление которой керосиновая лампа, мороз доходил до 15 градусов. По шесть часов подряд крутили они ручную лебедку, доставая с глубины пробы грунта, пробы воды. Сутками стояли у приборов в ледяной обсерватории, у лунки, к которой добирались в пургу, держась за протянутый от па-

латки канат. Все время им приходилось быть начеку. Дежурства вели круглые сутки. То и дело бросались спасать затопленные склады, перебирались на новое место, перетаскивали все имущество. И это в черноте полярной ночи, под вой неистового, валящего с ног ветра, под грохот ломающегося вокруг льда, когда льдина под ногами оживала, начинала раскачиваться, давая знать, что она всего лишь хрупкая корочка на четырехкилометровой толще океанской воды, что была под ней.

За девять месяцев дрейфа папанинцы собрали огромный научный материал, который послужит делу дальнейшего изучения и освоения Арктики, освоения Северного морского пути, крайне необходимого стране.

И сейчас, когда ледовые сжатия, следуя одно за другим, разломали их льдину, папанинцы, держа наготове нарты с уцелевшим аварийным запасом продовольствия и теплой одежды, особо, как зеницу ока, берегут собранный научный материал.

До сих пор они выходили победителями из всех ледовых схваток. Но сейчас, когда у них под ногами остался маленький, всего лишь в тридцать метров надтреснутый обломок льдины, а ураган продолжает свирепствовать...

– Здорово сносит?

Гудованцев остановился у штурманского столика и рассматривал только что нанесенные на карту линии маршрута.

– Порядком. – Ритсланд повернул карту поудобнее... – Новая поправка к курсу.

С первой встречи Николаю был симпатичен этот знающий, вдумчивый, необыкновенно скромный и обаятельный человек. Что-то было в нем близкое Николаю. Стремление все изведать, которое прорывалось во взгляде? Ненавязчивая решительность? Возможно...

– О чем задумался, Алеша?

Ритсланд доверительно поглядел на него.

– Вспомнил, как мы улетали с полюса. Знаешь, когда поднялись в воздух и увидели сверху эту пустыню льда и снега – от горизонта до горизонта – и четыре человеческие фигурки на льду, да еще пес Веселый с ними, мечется, бедняга, волнуется. Тут только по-настоящему поняли цену их подвига. Больше двух тысяч километров от Большой земли! Мы туда добирались два месяца.

– Хорошо, связь у них все время крепко налажена была, – кивнул Николай. – Если бы не это...

– Ну так ведь там же Кренкель! – многозначительно улыбнулся Ритсланд.

– Мы-то Кренкеля хорошо знаем, – неожиданно в тон ему объявил Гудованцев.

– Серьезно? – поднял брови Ритсланд.

– Вполне. Пять лет назад, когда мы еще только начинали, Эрнст был нашим первым бортрадистом. Не на этом корабле, правда, В-6 тогда еще не был построен. На В-3, «Ударни-

ке». Трудновато ему там приходилось с его ростом. В-3 – корабль небольшой, в гондоле тесно. Приткнется со своим приемником в углу, между мешков с балластом, канистр, швартовых канатов, согнется в три погибели, ноги девать некуда, колени до ушей достают. Должно быть, не понравилось. Вот и подался в Арктику.

Из радиорубки, только что получив из метеоцентра сводку погоды, вышел Давид Градус. Поймав на себе вопрошающие взгляды, виновато развел руками – ничего нового, что я могу сделать?!

И пошел к корме.

Ритсланд взглянул на висевший над столиком ветрометр. Да, самолеты сейчас стоят на приколе. А они летят...

Ему почему-то вспомнились слова отца, сказанные недавно не то с осуждением, не то с пониманием:

«Непоседливый ты, Алешка, перелетная ты птица! Тебя все куда-то тянет...»

Наверно, так и есть. Перед самым отлетом он неожиданно получил комнату, в Москве, на Суворовском бульваре. Первую комнату в своей жизни. И, по правде говоря, совершенно не представляет, когда будет в ней жить. Ведь он сегодня здесь, а завтра за тысячи километров, на другом конце страны. И так постоянно. С тех пор как мальчишкой ушел из деревни в Ленинград, имея в кармане несколько «миллионов» бумажных денег и несколько царских серебряных рублей (которые уже не ходили, а мама на дорогу все же да-

ла), жил только в общежитиях – и когда в артиллерийском училище учился, и в школе летчиков-наблюдателей. А стал летать, останавливался в комнатах летсостава. И впереди у него полеты и полеты... Он еще досыта не налетался.

Отец журил, что он совсем забыл их с матерью, в деревню глаз не кажет. А он не забыл. Столько раз собирался поехать, почти уже был в поезде... И всякий раз неожиданный и неотложный полет. Как сейчас.

Дал отцу слово: уж теперь-то, как только вернется, повидает их. Непременно. Отец говорит, мама очень ждет. Он и сам знает, как она ждет, как каждый день, затаив надежду, высматривает... Он тоже очень соскучился. По ней, по сверстникам, по веселому шуму родного дома. С отцом по свежей пороше сходят они на зайца, как когда-то. Ух, каких великолепных он приносил, когда был еще парнишкой! И ружьишко-то было допотопное, шомпольное. Осенью ходил на вальдшнепа. Места у них заповедные, дубы могучие, вязы... Пушкиным воспетые. Село Михайловское всего в сорока километрах. На охоту с ним всегда увязывалась длинноногая угловатая сестренка Наташка. Она была готова даже заменять ему сеттера – подкрадет к кустам, кинется с криком, птицы вспорхнут, и он бьет их на лету. А она, довольная, прыгает от восторга. За хороший «гон» разрешал ей выстрелить по цели.

...На ведущем в киль трапе появился вернувшийся с осмотра материальной части корабля Устинович. Помор-

щившись, сказал:

– Когда только Градус выдаст приличную погоду? Тоже мне метеобог! Заело, что ли, у него в небесной канцелярии? Или он вовсе и не бог? Тогда, братцы, зачем мы его взяли?

– А ты его за борт! – подмигнул Мячков.

– Придется. – Широким жестом засучил рукава Устинович.

– Вот только справишься ли? Додика, правда, расшевелить трудно, но уж если разойдется...

– Да, наш Додик в больших драках отличался, – многозначительно предостерег Новиков. – «Стенки» – слышали такое? Раньше, бывало, зимой на Москве-реке устраивали. И у них, в Астрахани, на Парбучьем бугре улица на улицу «стенками» ходила. Додик первым заводилой был. А знаете почему? Он же рыжий, а тогда вовсе огненный был. «Меня, – говорит, – за версту видно было». Как начнут мальчишки дразнить – рыжий, рыжий, конопатый! – тигром бросался.

– Ладно, не пугайте, я тоже не из робких, – хмыкнул Устинович. – Давайте сюда «бога»!

– Так вот же он, – кивнул в сторону кормы Коняшин.

Устинович обернулся... и замер. Из кладовой цепкой походкой, принаравливаясь к широкому раскачиванию корабля, держа в руках большущий поднос, уставленный снедью, выплыл разруганный Давид Градус – их синоптик, он же и добровольный их «кормилец», бессменный «шеф-повар».

– Смени гнев на милость да подкрепишь сначала, боец кулачный, – ставя на стол поднос, пробасил Градус.

– Ой, Додик, душа ты человек! – уже восторженно приветствовал его Устинович.

– Братва, ужин! – сдвинув шлем на затылок, крикнул, выбегая из радиорубки, Вася Чернов.

И, шумно восторгаясь, все обступили стол. Только сейчас они вспомнили, что, захваченные делами, с утра так еще ничего и не ели.

III

– Товарищ второй командир!

Слегка наклонившись, чтобы не задеть притолоку, весь заснеженный, раскрасневшийся от бушующего снаружи ветра, в рубку управления вошел первый бортмеханик Константин Шмельков, смахнул с лица и шлема снежные хлопья, одернул замявшийся комбинезон.

– Докладываю: в винтомоторной группе все в порядке. Горючее расходуется в норме.

Иван Паньков выслушал рапорт. От темных, чуть прищуренных глаз к скулам побежали морщинки.

– Как там ребята, никого не умурило?

– Что вы, Иван Васильевич! – вступился за бортмехаников Шмельков. – Я проверял, ребята держатся как надо.

А между тем озабоченность Панькова была понятна. Всю вахту бортмеханики сидят в крошечной, как клетушка, моторной гондоле почти неподвижно. Рев мотора, сгущенный узкими стенами, оглушает. Все дрожит, кажется, даже волосы шевелятся под шлемом. Перед глазами приборная доска, сигнальная лампочка. В любую минуту она может замигать и, прорезая грохот мотора, раздастся перезвон корабельного телеграфа – смотри на табло, выполняй приказ командира: прибавить обороты, убавить... К концу вахты усталость может затуманить внимание, вызвать дремоту. А перед этим

полетом ребятам и отдохнуть как следует не пришлось. Да еще качка...

Поэтому Шмельков чаще обычного ходил проведывать вахтенных. Пристегнувшись специальным замочком, что висит у пояса, за трос, протянутый вместо перил, шагал сквозь пургу по зыбким мостикам, идущим от киля корабля к моторным гондолам. Шагал, как по небу, по снежным крутящимся вихрям, которые били снизу, сверху, толкали, свирепоя в такелаже. Отодвигал дверцу гондолы. Ухо привычно ловило в вырывающемся грохоте мотора частоту пульса, ритмичность. Приборы подтверждали: все в порядке.

Бортмеханики были рады его приходу. Каждому хотелось, чтобы он побыл подольше. Всегда сдержанный и серьезный Кондрашев радушно уступал свое место, а сам, согнувшись в три погибели, садился на радиатор, готовый к долгой и обстоятельной беседе. Новикову с его габаритами потесниться было еще труднее. Он как-то вминался, освобождая крошечное пространство, кричал:

– Заходи, как там, на Большой земле?

Большая земля – это весь корабль. Моторная гондола – отдаленный островок.

Словоохотливый Никитин готов был «байки травить» хоть всю вахту. У него и историй разных припасено, и шуток-прибауток... Но у Шмелькова не было времени. Крикнув:

– Идем точно по курсу, – кивал: – Счастливо!

И отправлялся обратно. За ребят он был спокоен, не подведут, напрасно Паньков беспокоится.

– Потише, Костя, расступись, дай дорогу другим.

В рубку протискивался Тарас Кулагин. Со вкусом потер широкие ладони, словно хотел сказать что-то необыкновенно радостное. Шумно выдохнул:

– Васильич, докладываю: материальная часть корабля в полном порядке. Никаких нарушений в устройствах управления, в воздушных и газовых клапанах не наблюдается.

Докладывал он как-то по-свойски, между прочим, словно это была только присказка, а сказка будет впереди.

Паньков укоризненно глянул на третьего помощника. Ему была немного не по нутру эта мальчишеская, беззаботная разухабистость Кулагина. Посторонний человек мог бы подумать, что никуда Тарас не ходил, не осматривал корабль, сидел себе в пассажирском салоне и играл с кем-нибудь в шашки, а пришло время, встал и вот докладывает. Конечно, это было не так, Паньков знал это хорошо. Тарас и в институте таким был. Казалось, о зачетах он и не думает. Веселый, любил на танцы сбегать, отчудить что-нибудь особенное, так что все потом долго вспоминали. Другие, если пробовали подражать ему, обычно на зачетах заваливались. А он всегда сдавал отлично. Потому что занимался, работал всерьез и азартно. Это только его неумная жизнерадостность создавала впечатление несерьезности. И сейчас Паньков был уверен: поднимись он сам в киль и осмотри, своими руками

пощупай все штуртросы, воздушные клапаны – если Тарас сказал: все в порядке, значит, ничего другого он там и не найдет. И, махнув рукой, усмехнулся – тебя не переделаешь!

Раскрыв бортовой журнал, стал записывать: «В винтомоторной группе все в порядке. Материальная часть корабля...»

Паньков был человек другого склада. Тренированный, худощавый, с обветренным смугловатым лицом, он был всегда сдержан, уравновешен. Чувствовал себя старше других, хотя разница была всего в два-три года. Возможно, сказалась нелегкая жизнь, что была позади.

Пробиваться ему приходилось одному, с невероятным трудом и упорством. Он был старшим сыном в многодетной и бедной мордовской семье. Первым стал помогать отцу, пошел по найму пасти скотину. В голодный двадцать первый год, когда у них в Поволжье все выгорело от зноя и ели они все одну лебеду, подался вместе с родителями в Сибирь, за хлебом. На какой-то станции разминулся с ними, потерялся. Долго бегал, искал, звал. Так и не нашел. Стал скитаться один. Кому дровишек нарубит, кому еще чего подсобит. Где-то приютят, где-то накормят... Лапти на ногах скоро изнасились, новые взять нигде было, так и ходил в разбитых. А тут начались лютые сибирские морозы. Обморозил пальцы на ноге (до сих пор прихрамывает). Долго провалялся в больнице. Там же, в палате, метался в тифозном бреде пожилой мужчина. Сиделок не хватало, и он стал ухаживать.

И выходил. Тот оказался необычайно сердечным человеком. Однажды, когда они оба уже поправились, сказал:

– Поедем ко мне, в Иваново. У нас большие текстильные фабрики. Получишь специальность. Жить будешь у меня, места хватит.

Он поехал. Стал работать смазчиком незнакомых, казавшихся ему удивительно умными машин. Малограмотный паренек, он не мог разобраться во всех хитросплетениях отдельных деталей, узлов – что для чего служит и от чего приходит в движение.

Захотелось постичь всю эту премудрость. Пошел учиться в вечернюю школу. Надо было начинать с азов. Он не побоялся. Потом был рабфак. Потом высшее техническое училище. И Московский авиационный институт. На жизнь зарабатывал, разгружая вагоны на железной дороге. Он был упрям. Мало спал, недоедал, но учебу не бросил. Никогда не давал себе поблажки. Когда друзья, прифасонившись, вечером звали в кино, с девчатами на танцы, он отмахивался.

Случилось так, что близко познакомился с воздухоплаванием, которое тогда только еще начинало развиваться. Увлёкся необыкновенно. В авиационном институте открылся дирижаблестроительный факультет – он тотчас же перешел на него.

Позже, когда уже стал командиром корабля, не раз, пролетая над Волгой, подумывал: свернуть бы немного в сторону, к Саранску, и низко-низко проплыть над родной дере-

вушкой, чтобы все увидели прекрасный, никогда ими не виданный воздушный корабль и командира корабля, бывшего их деревенского пастушонка.

...Гондолу по-прежнему сильно раскачивало. Жесткие подвески, которыми она крепилась к килю, словно сговорившись, поочередно скрипели – правые... левые... правые... левые... Снег то вился перед плексигласовым окном, то пропадал. Тогда впереди была лишь спокойная чернота. Видимости все равно никакой.

Шли по приборам, по радиомаяку. Сейчас их путь на Петрозаводск. Дальше пойдут на Мурманск. Радиостанция Петрозаводска специально для них непрерывно передавала музыку. Установленные перед самым отлетом на корабле два радиополукомпаса – нигде, даже в авиации, еще не применявшиеся навигационные приборы – принимали эту музыку, чутко реагируя на силу и направленность радиоволн. Стрелка индикатора радиополукомпаса тотчас показывала малейшее отклонение корабля от курса. Задача штурвального – следить, чтобы стрелка все время была на нуле – это означает, что они идут точно по курсу.

С первой же минуты, как они пошли по радиомаяку, все увидели достоинства этого прибора. Особенно эти достоинства скажутся в Арктике, где вблизи магнитного полюса Земли обыкновенный магнитный компас дает большие отклонения. Радиополукомпас легче и точнее сможет вывести их на радиостанцию Кренкеля.

Закрыв бортовой журнал, Паньков окинул взглядом тесную рубку, сосредоточенно работающих вахтенных. Все эти парни, что летят сейчас на В-6, были первыми советскими воздухоплатателями-дирижабистами. И строителями первых отечественных кораблей. Своими руками, по крохам, по кусочкам собирали их.

...В тридцатом году всех их, студентов дирижабельного факультета, направили учлетами для прохождения летной практики на дирижаблях Осоавиахима. Громко сказано: «на дирижаблях!». Дирижабли им предстояло еще построить. В то время на всю страну был один-единственный слабенький дирижаблик под названием «Московский химик-резинщик», да и тот больше стоял в ремонте, чем летал.

Молодой Советской стране, только оправившейся после разрухи гражданской войны и развертывающей строительство на всей огромной своей территории, дирижабли были очень нужны. Эти воздушные корабли, не требующие дорогостоящих посадочных площадок, могли бы перевозить грузы и пассажиров к самым отдаленным, недоступным для других видов транспорта местам.

Все они очень хорошо это понимали и за дело взялись с горячим пылом. Газета «Комсомольская правда» бросила призыв: «Даешь эскадру советских дирижаблей!» На стенах домов, на афишных тумбах, просто на дощечках, выставленных на перекрестках дорог, запестрели лозунги: «Постро-

им эскадру дирижаблей имени Владимира Ильича Ленина!»,
«Сэкономь пятак, опусти во всенародную копилку!»

В городах, поселках, деревнях звонко падали трудовые пятаки в жестяные кружки-копилки, с которыми ходили повсюду на сбор средств комсомольцы, пионеры. Было собрано двадцать восемь миллионов рублей.

Началось строительство. Будущие дирижаблисты прежде всего стали рабочими.

На заводе «Каучук» они прорезинивали специальный материал – перкаль, складывали втрое, пропускали через валки-прессы. Перкаль получался необычайно прочный, не пропускающий ни воду, ни воздух. Рулоны этого перкаля перевозили, трясясь на гремящих по булыжнику полуторках, на Садово-Черногрязскую, там, недалеко от Курского вокзала, в полуподвальном помещении бывшего трактира разместилась специальная пошивочная мастерская. Туда же отвезли они и раздобытые на военном складе, сшитые из такого же перкаля старые газгольдеры⁶, сохранившиеся еще с империалистической войны. Хлопотливые девушки-курсантки Воздухоплавательной школы кроили, клеили, строчили на машинках из всего этого материала оболочку дирижабля – огромный мешок, в который должно было войти две с лишним тысячи кубометров газа. Зачищали края перкаля, несколько раз промазывали жидкой резиной, сострачивали, прокатывали шов тяжелым валиком, чтобы накрепко

⁶ Газгольдеры в воздухоплавании – переносные хранилища для газа.

все склеилось. И снова проклеивали. И снова прокатывали.

Милые девушки в черных бушлатах с золотыми пуговицами (крылышки с пропеллером), в лихо сдвинутых набекрень беретиках – их будущие пилоты-штурвальные, борт-механики! Круглолицая, с ямочками на щеках, то и дело взрывающаяся смехом Вера Митягина (Демина). Худенькая, с копной темных волос и строгим взглядом карих глаз Люда Эйхенвальд (Иванова). Статная, даже несколько величавая, с мягкой улыбкой на пригожем лице Женя Ховрина. Непоседливая, как воробей, по-детски доверчивая, полная желания все сделать хорошо Катя Чадаева (Коняшина). Они были неутомимы. Горы простроченного перкаля вырастали вокруг них. Им тоже хотелось как можно скорее увидеть корабль в воздухе и самим подняться в нем.

Гондолу изготовили в ЦАГИ. Мотор им дали списанный с самолета. Добровольное общество Осоавиахим – организация хоть и полная энтузиазма, но любительская, отсюда и возможности.

Собирали дирижабль в подмосковном пригороде Кунцево, в глубоком овраге, перегородив его брезентом от ветра. Даже сотрудники «Комсомолки» приезжали туда, помогали.

Над головой небо. По бокам оврага в обе стороны лес уходил. Казалось, Москва отсюда далеко, ее не видно и не слышно. Голоса людей, стук топоров и молотков перекликались с птичьими голосами.

Мастерили высоченные стремянки – они понадобятся, ко-

гда оболочка, наполнившись газом, «вырастет» и надо будет ее оборудовать. Вкапывали в землю столбы – причальные мачты. Заготавливали балласт. Только при сборке дирижабля, чтобы удержать его у земли, балласта понадобится больше двух тонн.

На берегу Москвы-реки оказался отличный рассыпчатый песок. Девушки насыпали его в небольшие, но становившиеся увесистыми мешки, а парни тащили мешки к месту сборки. Сережа Демин взваливал на спину сразу три. Шел вразвалку, не спеша и не останавливаясь. Еще и покрикивал:

– А ну, кому подсобить?

– Сами с усами! – задиристо отвечали ему. И, поднажав, пытались обогнать. Но это редко кому удавалось.

Сережа к тяжелой работе привык с детства. В годы гражданской войны, когда отец ушел драться с Колчаком, они – мама и трое мальчишек – одни бедовали в Казани. Мама подрабатывала шитьем. Их, ребят, на работу не брали – малы еще. Они зарабатывали, вскапывая чужие огороды, сажали картошку, морковь. Пололи. Все лето сторожили. Осенью убирали урожай. Часть урожая им отдавали за труд. Когда кончилась гражданская война, воинскую часть, где служил отец, перевели в Москву. Переехали и они. В Москве тоже еще было туговато. Зарабатывали чем могли. Утром впрягались в тележку, развозили с Болотного рынка, который был рядом, разным хозяйкам корзины с овощами. А днем отстраивали в полуразрушенном доме на Полянке свое жильё.

Отец мог приходиться только изредка, но он делал все очень умело и здорово, учил их стелить полы, потолки, вязать двери, рамы... Давал им задание, и они выполняли его самостоятельно. Самое трудное Сережа брал на себя, он был старший.

...Мешки укладывали вокруг сморщенной, пока еще безжизненной оболочки, крепили к ней тросиками. И вот она уже в плену этих тяжелых, туго набитых колбасок.

Наконец можно было начинать сборку. Прямо на траве разложили чертежи. Стоя, сидя, приткнувшись кто как мог, сгрудились вокруг. Началась работа, которую они так нетерпеливо ждали – переносить всю сложную конструкцию стабилизаторов, рулей, газовых клапанов, системы тросов, управляющих ими, с чертежей на расprostертую перед ними оболочку будущего корабля. Рулевое оперение, катушки со стальным тросом, дюралевые трубки – все уже было под рукой. Они взялись за дело, ничего не замечая вокруг.

Руководил всеми работами замечательный человек, отлично знающий дирижабельное дело, старейший русский воздухоплаватель Евгений Максимилианович Оппман, еще в империалистическую войну летавший командиром «Зодиака», одного из четырех закупленных перед войной царским правительством во Франции дирижаблей. С этого дирижабля он сбрасывал бомбы на вражескую австрийскую крепость Перемышль – в империалистическую войну такое еще было возможно.

Подвижный, энергичный, как ни странно, без следа военной выправки, мягкий в обращении человек. К дирижаблю он относился нежно, знал все его повадки, все особенности каждого его элемента. Сам очень точный в работе, он невольно вызывал и у других такое же отношение. Ясно и наглядно раскрывал перед ними всю суть нового, пока еще известного им только в теории необыкновенно увлекательного дирижабельного дела. Сразу оживали чертежи, становилось понятным, куда и для чего тянется каждая расчалка, где ее надо крепить, какую нагрузку ей предстоит выдерживать.

Раскрутив десятиметровые рулетки, они ползали по обложке, отмеряли, размечали...

Иногда им казалось, что кое-что здесь можно сделать иначе, лучше, стоит только немного поломать голову. Они тут же начинали чертить на клочке бумаги новые схемы. Демин пробовал перекраивать по-своему. Гудованцев прикидывал что-то свое. Они доказывали друг другу, опять брались за рулетку...

– Схватились, «теоретики», – смеялся над ними Володя Лянгузов.

Нехотя подходил, заглядывал через плечо. И... тут же включался. Теребя густую шевелюру, иронически приглядывался Володя Шевченко. Их окликали, звали заняться другим, сейчас более нужным делом. Они не слышали.

Оппман только довольно посмеивался: «Давайте, давайте, орлы!» Он считал: это хорошо, что ребята во все вникают,

фантазируют.

Мотор еще на заводе был укреплен на специальных кронштейнах позади гондолы. Там же, на заводе, его и испытали. Но и здесь надо было проверить не один раз. Бедный мотор! К нему липли все: и будущие бортмеханики, и будущие инженеры. Как-никак он их динамическая сила, которая поведет их в воздухе! Уж отладить, чтобы заводился с пол-оборота и работал на совесть! Его смазывали, протирали, зачищали... В замызганных майках, насквозь пропитанные бензином и маслом мотористы колдовали вокруг него. Миша Никитин, который обычно двух минут не мог побыть на месте, тут становился невероятно усидчивым. Без конца развинчивал, завинчивал...

– Анастасьич, как там зажигание? – распрямлял спину Коняшин.

– В порядке, – довольно усмехался Никитин.

«Анастасьич» – это в шутку так звали его по имени матери – тети Насти, шустрой и неунывающей, как и он, ткачихи с ситценабивной фабрики. Рано потерявший отца, Миша был всегда трогательно нежен к ней.

– Запускаю. Костя, дай подсос. Крутани.

Шмельков брался за конец винта:

– Контакт.

Резкий рывок, второй... Лопатки под Костиной рубахой ходили ходуном.

– От винта! – громко командовал Коняшин. И прокручи-

вал ручку магнето.

Мотор простуженно кашлял.

С ближних деревьев шумно взлетали птицы. А мотор смолкал...

– Искры нет. Свечи надо зачистить, – спохватывалась аккуратная Женя Ховрина, – серьезно вам говорю.

– Да нет, свечи в порядке, – возражал Никитин.

– Тут в подаче горючего дело, жиклер продуть надо, – убедительно вставлял Шмельков и, открыв карбюратор, начал копать.

– Не спорьте, мальчики.

Голос у Жени ровный, певучий. И настойчивый. Спорить с ней невозможно, да и бесполезно. Она уже вывернула две свечи и промывала в бензине.

Через минуту снова слышалось:

– Крутани! От винта!

И мотор вдруг начинал работать – мягко, ритмично. Все с затаенной радостью вслушивались в его оглушительно-нежное биение.

– Коля, прибавь оборотов.

Мотор ревел гуще, всю гондолу трясло, как в лихорадке. Мотористы с трепетом и надеждой вслушивались в его работу.

– А ведь, кажется, не болен. Здоров, голубчик!

Они вставали с солнцем (жили тут же, в палатках), по росе бежали вниз, по оврагу, всплесками разбудив сонную воду,

бросались в Москву-реку. И в течение дня не раз еще бегали окунуться, набраться новых сил. Стихала работа, когда уже темнело.

Обед им привозили на лошади, всегда с опозданием, остывший, но они не замечали – аппетит у всех был отменный.

Еще издали слышался расхлябанный перестук тележных колес по кочкам и хриповатый окрик возчика – дяди Феди:

– Н-но, клятущая, н-но-о!

Тут же несколько голосов сразу провозглашали:

– Харч едет! Кончай работу!

Немного позже, когда хорошенько познакомились с соседями – вблизи расположилась воинская часть, – те сжалились, пригласили питаться в их столовой. После того как кончали обедать солдаты, оттуда раздавался громкий клич:

– Совиахи-и-им! Обе-еда-а-ать!

Овраг сразу пустел, оставались лишь дневальные. Все остальные моментально строились по четыре в ряд.

– Шагом марш! – командовал Оппман. – Запевай!

И правофланговые, они же самые голосистые, оба светло-русые, бравые, Костя Шмельков и Саша Иванов, расправив грудь, зычно запевали:

Оружьём на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей...
Все во много голосов ухали:
По улице пыль поднимая,

Проходил полк гусаров-усачей.

Правда, усы, да и то не гусарские, а небольшие, подстриженные, были лишь у Евгения Максимилиановича. У остальных они только пробивались. А сверкали на солнце у них вместо оружия заткнутые за пояс алюминиевые ложки. Вообще-то ложку солдату положено держать за голенищем сапога. Но дело в том, что голенищ, да и самих сапог в то время у них не было. «Пыль поднимала» босоногая команда, не по форме в то время снаряженная, но от этого не менее удалая.

Вечерами уютно шумел над костром закопченный «по уши» чайник. Совсем рядом, в густой листве выводил неповторимые коленца соловей. А где-то в конце оврага тревожно кричала иволга...

Сколько песен было пропето у вечерних костров!

Запевал обычно Костя Шмельков. Костя любил петь. Дома у них пели все: мать, отец, сестры (а их было восемь), он с братом Алешкой. Сидели они, бывало, отец и сыновья, на низеньких табуретках, сапожничали, тачали просмоленной дратвой женские башмачки на французском каблуке рюмочкой, постукивали молотком, вгоняя деревянные гвоздики в подошву. И пели. Отец знал много песен – все больше старинных, раздольных, ямщицких... Научил сыновей – и петь ладно, и работать мастерски. Пригодилось не только в сапожном деле...

Мандолина, гитара, особенно балалайка – на ней почти

каждый умел играть – переходили у костра из рук в руки. А скрипач у них был один, Ваня Ободзинский. Когда брал он скрипку, все замолкали, пристраивались поудобнее.

Музыкант Ваня был отличный, недаром его из родного города Умань направляли учиться в Киевскую консерваторию. А он «прирос» к дирижаблям и отстать от них, видно, уже не сможет. И скрипку забыть тоже не может.

Он взмахивал смычком и начинал. Все инструменты шли за ним. Они играли старинные романсы, арии из опер и, конечно, песни. Потихоньку разливали по оловянным кружкам пахнувший дымком чай, пили, стараясь не хрустеть сахаром, обжигая губы, чтобы не причмокивать.

Неожиданно, хитро глянув на Мишу Никитина, Ваня переходил на что-нибудь безудержно-веселое. Миша сразу подскакивал, будто только этого и ждал. Выделявая ногами невероятные кренделя, поворачивался то к одним, то к другим, вызывая.

Ай, дербень-дербень Калуга,
Дербень Ладога моя!

Бросая направо-налево насмешливый взгляд, оттопывала бисерные дробушки Катя. Кругом все ходуном ходило, топало, кружило...

А Катя заведет всех и исчезнет.

Хватятся:

– Где же она?

– А Женя где?

– И Коняшина нет.

А трое в это время тихонько шли по краю оврага, раздвигая тянувшиеся к ним ветки, наугад обходили обступивший кустарник. Молчали. Слушали затаенный лесной шорох. И так беспокойно было у них на душе! «Он Катю любит, – думала Женя, и холодок бежал у нее по спине, – она девчонка вон какая огневая!» «Женю он любит, – с грустью думала Катя. – Разве я могу тягаться с ней? Вон она какая – видная, красивая...»

Забегая немного вперед, надо сказать, что Катя проявила однажды характер: приняла решение, от которого всю ночь проревела в подушку, но не изменила его – отпросилась у начальства и уехала в Ленинград. А через три дня получила от Жени письмо: «Коля любит тебя, приезжай, Катя, – писала Женя, – знала я это, а теперь и он сказал». Катя не поверила, не вернулась. И тогда прислал письмо Сережа Демин: «Приезжай скорее, беглянка, Николай без тебя совсем голову потерял, чуть под винт не попал...»

И правда. Веселый, чуть бесшабашный Коля Коняшин, как только не стало рядом Катюши, в момент понял, что нет ему жизни без нее!

...Никто прежде не знал, что Володя Лянгузов любит стихи. А тут, как-то на заре, у догоравшего уже костра обычно молчаливый Володя, вдруг отбросив смущение, стал читать.

Негромко, вроде для себя. А все заслушались. И стали просить еще.

Стихов Володя знал много. Еще мальчишкой читал их, звонко выбрасывая слова, во дворе собравшимся вокруг ребяташкам, своим сверстникам, черноглазым пацанятам в расшитых ярких тюбетейках. Жили они тогда в Казани. Отец работал курьером в Казанском университете. Много ему приходилось видеть ученых людей, профессоров, одолевающих науку студентов. И очень хотелось, чтобы и его дети стали образованными людьми. Он приносил домой книги. Володя часто из-за книг и про игры забывал. Лермонтов навсегда стал любимым поэтом.

– Э-эй, полуночники, спать пора, – слышалось от палаток. – А то утром вас не добудишься!

– Кто это – Вера? Люда? Уж кто бы говорил! Они и сами-то неизвестно когда спят.

И все же парни покорно поднимались. Своих девчат они слушались беспрекословно. «Наши мадонны!» – говорили они, показывая на прищипленные на видном месте в их палатке фотографии своих удивительных девушек – первых в стране девушек-аэронавтов. «Мы на них утром и вечером молимся!»

Молитвы, видимо, не пропадали даром. Стоило только кому-нибудь подойти к девичьей палатке и сиротливо запеть:

Позабы-ыт, поза-абро-шен... —

как девушки тут же откликались:

– Пуговица оторвалась? Рубаху зашить? Давай сюда.

Парни шли к ним и со всеми сердечными невзгодами, изливали душу, когда казалось, что жизнь впереди сошлась одним лишь клином. Девушки были умные, отзывчивые и – недаром они мадонны – всегда умели помочь.

...Большим событием для всех стал тот день, когда в овраге появились газгольдеры с водородом. Двадцать пять газгольдеров по сто кубометров газа в каждом вели с Угрешской через всю Москву ночью. Шагали без помех по середине мостовой. Поблескивал от света фонарей умытый дворниками булыжник.

Странный это был груз – его не поднимать, а все время тянуть вниз приходилось. Каждый газгольдер вело четыре человека – двоих он бы запросто потянул в воздух.

Прибыли в овраг на рассвете. И, не откладывая, принялись заполнять оболочку газом.

До сих пор пустая, неподвижная, она сразу ожила, зашевелилась, округлые волны побежали по ней. Она раздувала бока, расправляла морщины, наполнялась газом. Наконец выросла, поднялась над землей, огромная, сорокаметровая, почти до краев заполнив овраг, и закачалась, удерживаемая мешками с балластом и швартовыми канатами.

Она была очень «живописная», эта оболочка, словно лоскутное одеяло, вся сшитая из желтых, зеленых, бурых ку-

сочков перкаля. Никого это не смущало – ведь все эти кусочки были пригнаны, проклеены, прострочены их стараниями. Это было их создание! Запрокинув головы, они любовно осматривали оболочку, трогали туго натянутый перкаль.

Вот он, их будущий корабль, в нетерпении рвущийся ввысь! По пестрому полю оболочки крупными буквами было выведено название: «Комсомольская правда». Имя своей комсомольской газеты, чей голос первым ратовал за строительство дирижаблей, дали они первому кораблю будущей эскадры.

Без гондолы и мотора, с одним лишь рулевым оперением на корме, он больше походил на гигантскую рыбу. Это сразу определили кунцевские мальчишки, гурьбой собравшиеся на краю оврага и азартно переживавшие все происходящее.

– Вот это рыбина! – восторженно кричали они, толкаясь и перебегая с места на место.

– Рыба-кит!

– Дядя Сережа, а она не лопнет? А когда вы полетите?

Сережа Демин, сам весь в нетерпении, взмокший, с прилипшими ко лбу мягкими волосами, радостно кивал им:

– Теперь уже скоро!

Он был своим среди пацанов. Когда поднимался к ним из оврага, они облепливали его, как мухи. Он рассказывал им о воздушных кораблях, о далеких плаваниях... С ребятами Сережа всегда сходилась моментально, ему понятен был их

беспокойный, ершистый, полный ещё не решенных вопросов мир. Всего год назад он сам носил красный галстук пионервожатого.

Вокруг поднявшейся над землей оболочки деловито суетились люди. К ней уже пододвигали ранее казавшиеся гигантскими, а теперь только-только достававшие до стабилизаторов стремянки. Впереди была сложная и кропотливая работа: подвешивание и крепление гондолы, усиление дюралевыми трубками мягкого носа оболочки, оснащение рулевого управления.

IV

Папанинцы молчат. Москва сообщила: «За дрейфующей станцией «СП» установлено круглосуточное наблюдение всех арктических советских станций. Радиоцентры Архангельска и острова Диксон, радиостанции о. Рудольфа, Баренцбурга, Новой Земли и Амдермы слушают на всех волнах, на которых обычно работает «РАЕМ» и «УПОЛ»⁷.

Последнее время, кроме метеосводок, Кренкель передавал много статей и научных материалов. «Условились, что будем больше писать в газеты, – говорил в одной из своих корреспонденции Папанин. – Следует учитывать возможные неприятности с нами, тогда хоть предварительные научные выводы дойдут до Большой советской земли и труд наш не пропадет даром».

Чернов не отходил от приемника. Прислонившись плечом к стенке гондолы – так меньше надоедала болтанка, – слушал. В эфире мешанина звуков. Чернов поворачивал ручку. Широко, зазывно врывался вдруг ликующий голос Руслановой: «...Окрасился месяц багрянцем...» И тут же: «перекличка городов... передача труженикам села...»

В рубку заглядывали командиры, штурманы, молча ждали. Понимали: в Арктике все непросто, в том числе и связь.

⁷ «РАЕМ» – личные позывные Кренкеля с челюскинской эпопеи. «УПОЛ» – позывные Кренкеля после высадки экспедиции на Северном полюсе.

И все же...

Снимал наушники бортрадист лишь на несколько минут, когда нужно было уступить место другим. Потирая онемевшие уши, выходил. Его кресло занимал Давид Градус. Он настраивал приемник на синоптический центр и начинал записывать цифровой код, по привычке уже мысленно расшифровывая, представляя, где лягут на карте границы циклона.

Последняя метеосводка вселяла надежду. Закончив прием, Давид разложил на столе карты, сравнил показания – в момент вылета из порта, три часа назад, два часа... Если ничто не изменится, циклон должен уйти в сторону, освободить им дорогу. Но надолго ли? Пока трудно сказать. С Атлантики движется новый циклон. Возможно, они все же успеют проскочить. Во всяком случае, сейчас к ним идет улучшение погоды. Делая свои расчеты, вычерчивая волнообразные, причудливые ходы циклона, Давид не замечал больше ни качки, ни свиста ветра. К утру все это должно прекратиться.

Удивительная у него профессия – заглядывать в завтра, в не известный еще никому день! Вот сейчас – на улице непогода, ребята хмурятся, а он может уже их порадовать. Ему это по душе.

Конечно, иногда своевольная стихия поворачивает вдруг по-своему, путая их прогнозы. Это обычно вызывает со стороны его друзей бурный поток нелестных острот в адрес его, «бога погоды». Но Давида это не обескураживает. Со временем синоптики, безусловно, научатся предугадывать и эти

неожиданные повороты. Он еще ни разу не пожалел, что связал свою жизнь с такой ветреной, непостоянной партнершей – стихией.

А было время, когда он и не думал об этой профессии. Парнишкой работал в пекарне, запудренный мукой, в белой куртке и белом торчащем колпаке замешивал, разделявал пузырящееся тесто, стоя у жаркой печи, вкидывал в нее сложенные рядком на двухметровой лопате воздушные пшеничные колобки. И все было хорошо. А во время службы в армии его вдруг направили учиться в школу синоптиков. Он поехал с охотой, хотя о сути работы синоптика не знал еще ничего. Но что-то предстояло новое и, по всей вероятности, интересное.

Военком, пряча лукавинку, сказал на прощание:

– Желаю удачи, товарищ Градус! Кому, как не тебе, ставить погоде градусники?!

Едва вышел из радиорубки Градус, как ее «оккупировал» радиоинженер Арий Воробьев. У него тут своя аппаратура – та самая, новейшая, которую установили на корабле перед отлетом, – и свои заботы.

Воробьев, как и Ритсланд, на В-6 впервые. Правда, летать на других кораблях ему уже приходилось, когда делал дипломную работу по радио – и электроприборам дирижаблей. Предложение участвовать в этом полете он принял как само собой разумеющееся. Только позвонил домой, сказал притерпевшейся уже к таким неожиданностям жене, что задер-

живается в «командировке» на несколько дней.

Один из радиополукомпасов, установленный здесь, в радиорубке, дает возможность определять местонахождение корабля в любую погоду, без солнца, луны и звезд, необходимых при определении секстантом – по радиопеленгу двух радиостанций.

Воробьев поворачивал вмонтированный в стенку гондолы небольшой штурвальчик, и укрепленная снаружи, под килем, рамочная антенна тоже поворачивалась, ловя радиоволны с двух направлений – от Петрозаводска и Архангельска. Взяв пеленг, он провел на карте две линии. Точка их пересечения показала местонахождение корабля. Дальше уже была забота штурманов – делать поправку к курсу.

Работал Воробьев неторопливо, внешне могло бы даже показаться медленно, на самом же деле просто очень внимательно и четко: взгляд на прибор, пометка карандашом, поворот штурвальчика, снова взгляд на прибор, и опять запись. Рассиживаться в его деле было нельзя, ведь корабль не стоит на месте.

– Все, – закончив расчеты, сказал он внимательно следившему за его манипуляциями Чернову. В дальнейшем, после Мурманска, Чернову самому надо будет проводить такие определения.

Пассажирский салон опустел. Совсем недавно слышались здесь шутки, усиленная работа крепких, еще не пломбированных зубов, обгрызавших куриные ножки, а сейчас там

тихо. Все свободные от вахты поднялись в киль. Некоторое время оттуда еще слышались голоса, потом все, устроившись в разложенных в гамаках меховых спальных мешках, при-
молкли. Перед новой вахтой можно было часа три поспать.

А Вася Чернов еще долго шарил по эфиру. Снова в наушниках возникали и уплывали обрывки фраз своей и чужой речи, всплески музыки... Все такое ненужное сейчас, угрожающее то единственное сообщение, которое он ждал. Чувствовал и напряженное ожидание находящегося рядом, в командирской рубке, Гудованцева.

Заныла спина, помимо воли стали опускаться отяжелевшие веки. Вася тряхнул головой, крепко потянулся, прогоняя усталость и сковывающий холод. И вдруг так и застыл с поднятыми плечами. Схватил карандаш, стал быстро записывать. Увидя внимательный взгляд подошедшего Гудованцева, радостно крикнул:

– Есть! Нашлись!

– Ну, ну, что там?

Гудованцев шагнул к нему.

Чернов записал что-то еще, потом сорвал наушники, выключил приемник.

– Товарищ командир, откликнулись! Из-за магнитных бурь была непроходимость радиоволн. Только что они передали четыре метеосводки, сразу за все сутки. Вот последняя: «Станция «Северный полюс». 5 февраля, 18 часов. Широта 74°03' сев., долгота – 16°30' зап. Сплошная облачность,

сильный снегопад, северо-восточный ветер 7 баллов. Температура минус 13°, давление 998, 9 миллибар».

– Командир! – Вася вдруг остановился. – Ветер семь баллов со снегопадом – это же сумасшедшая пурга.

– И спрятаться от нее негде, – задумчиво сказал, обернувшись к ним, Мячков. – «Живем в шелковой палатке на льдине пятьдесят на тридцать метров...» – вспомнились слова папанинской телеграммы. Это было три дня назад.

– А Федоров прислал жене телеграмму, – покачав головой, махнул листком Вася. – «Не беспокойся. Устроился хорошо».

Гудованцев вздохнул:

– Нам надо торопиться!

Взглянув на большие штурманские часы на руке, сказал Чернову:

– Пойди поспи, у тебя осталось совсем немного времени. Скоро надо будет выходить на связь с портом.

Он прошел в рубку управления, порадовал хорошей вестью стоявших у штурвалов Панькова и Демина.

...Да, над папанинской льдиной зло, остервенело металась пурга. Гнулась антенна, стальные растяжки звенели как струны. Непривычно близко плескалась вода. Льдины толкались, напирали, хрустко жевали ледовое крошево. На отколовшемся обломке уплыла лебедка.

А папанинцам в эту лихую непогоду пришлось оставить

свою добрую, верой и правдой служившую им больше восьми месяцев жилую палатку. Трещина выбегала из-под нее с двух сторон, тонкая, еле заметная, местами засыпанная снегом. Хотелось надеяться: может, еще обойдется? Но внутри палатки была уже вода...

Откапывать ее, всю заледенелую, поверх крыши заваленную смерзшимся снегом, не было сил. Пришлось поставить запасные, шелковые. В одну перенесли хозяйство Кренкеля, в другую – Ширшова. Шелк мало защищал, но, по крайней мере, не так забивало все снегом. А сами ни в палатках, ни за нагруженными нартами не находили спасения от пронизывающего ветра. И чтобы как-то согреться, спускались в свою обжитую, старую. Трещина пока не разошлась, и они, не раздеваясь, дремали на койках, лежа как над пропастью, чутко прислушиваясь к каждому шороху, к каждому поскрипыванию льдины...

...Гудованцев вслед за Черновым поднялся в киль. Сейчас часа два на отдых было и у него.

В киле здорово сифонило. Ветер, врываясь в гайдропный люк, дыбил медвежью шерсть на спальнях мешках, сквозняком мчался к корме. Все здесь спали, утомленно раскинувшись в своих гамаках. Спал и Вася Чернов, подложив под щеку ладонь. Поразительно: только-только нырнул в спальняный мешок...

С этим неугомонным упорным парнем Гудованцев уже

много летал на В-8 и других кораблях. Был всегда в нем уверен, знал, что никогда Чернов не подведет, не поддастся усталости.

Вася, как и он, сибиряк, только с Алтая. Одними морозами они прокалены, одними метелями обвеяны... Большеглазый, с тонким девичьим лицом, длинный и худой – по молодости не набрал еще плотности, – Вася обладал какой-то спокойной, неброской смелостью. Ребята рассказывали: дома, в Барнауле, к нему никакая шпана не привязывалась, хотя любителей покуражиться, подраться на их 5-й Алтайской, неосвещенной, немощеной окраинной улице было немало. Вася драк не любил, без нужды в них не лез, но, если видел, что задирают слабого, вскипал мгновенно и тут уж дрался отчаянно. А если учесть, что Черновых было пять братьев, и все один к одному, то, как правило, справедливость торжествовала.

Несмотря на валящую с ног усталость, Гудованцеву спать не хотелось, трудно было сразу отключиться от неотпускающих забот. Казалось, что-то осталось несделанным, что-то надо еще продумать... Холодный ветер мазнул по лицу, успокоил. Да нет, все сто раз проверено, ничто не упущено. Он стал неторопливо стаскивать унты.

До чего же хорошо вытянуться на мягкой шкуре, освободить напряженные мышцы! Николай закинул руки за голову и с минуту лежал неподвижно, блаженно отдаваясь бездействию. За перкалевой стенкой суматошно бился ветер, дроб-

но клевал, царапал снег. Убаюкивающе поскрипывали, качаясь, гамаки. Мягко, с притаенным шуршанием скрипели в шарнирах шпангоуты и стрингеры. Редкие лампочки дремотно высвечивали в киле куски выступающих металлических конструкций, округлые бока бензобаков, нити различных трубок.

У кормы вспыхнул огонек фонарика. Погас. Снова вспыхнул, немного ближе. Николай Коняшин. Его длинная фигура маячила вдалеке. Он шел не спеша, чуть вразвалку, останавливался у баков с горючим, светил фонариком на бензомеры, проверял подачу горючего в моторы, равномерность расходования его из всех баков – правильное распределение груза на корабле должно строго соблюдаться.

В киль приглушенно доносился гул работающих моторов. Густой, надежный. Подтверждающий, что на корабле все хорошо. И на душе у Гудованцева наконец-то стало как-то успокоенно и легко.

Еще с босоногих беззаботных лет моторы притягивали его своей таинственной, покоряющей силой. Когда учился в Омском индустриальном техникуме, довелось ему столкнуться с неизвестно как попавшим туда старым авиационным мотором. Норовистый, он заводился не когда нужно, а когда хотел. Бывало, на них рубахи взмокнут, сто раз прокрутят ручку пускового магнето, сто раз проверят свечи зажигания: контакат – не контакат... А он только чихает на них, и все.

Зло возьмет, плюнут, отойдут. А потом: «Ну давай в последний раз!» Крутанули, он и заработал.

Однажды, роясь на складе в куче старого железа, случайно нашел там винт к мотору. Сразу пришла мысль: «Что, если соорудить аэросани?» Тут же с приятелем взялись за дело. Приспособили старые розвальни, на которых возили с реки бочку с водой. Приладили к ним руль, укрепили мотор. Мощнейшее сооружение получилось.

В воскресенье уселись в эти сани и с оглушительным треском помчали за город. Там, у крутого берега реки, было полно лыжников – больно хорошо там с крутизны съезжать! Они с форсом подкатали, взметая винтом снежные вихри, развернулись и махнули вниз. Ветер так резанул, что слезы выступили, скорость невероятная! От непривычки внутри все сжалось. До чего ж хорошо!..

Вмиг докатили донизу, развернулись, дали газ и с ревом понеслись обратно, в гору. Все поспешно расступались, давая им дорогу, с завистью поглядывая на них. И вдруг мотор заглох. Удручающая тишина... Сколько ни возились с ним, сколько ни крутили винт, так и не завелся. И это на глазах у стольких людей! Поднимавшиеся в гору лыжники останавливались, давали обстоятельные советы, подшучивали. А у них огнем пылали уши. Ох, как ранено было тогда их мальчишеское самолюбие!

Впрочем, шутки принесли не только огорчения. Когда было объявлено, что стране нужно сто тысяч летчиков, Нико-

лая первого из учащихся техникума вызвали в райком комсомола, и секретарь райкома сказал ему:

– Слышал я, Гудованцев, что ты уже летал по земле, тебе летать и по воздуху.

И выписал, словно знал его мечту, путевку в Московский авиационный институт.

...И вот приближался первый полет.

«Комсомольская правда» была уже собрана. Настоящий воздушный корабль, с подвешенной на стропах гондолой, с мотором, у которого все еще возились мотористы, с отрегулированным рулевым управлением. Наполненная водородом оболочка, густо покрытая эмалитом (алюминиевой краской, предохраняющей резину, которой пропитан перкаль, от воздействия солнечных лучей), мягко и празднично серебрилась.

Кажется, все уже готово было, а Оппман все не давал «добро» на полет. Он без усталости взбирался по стремянкам вверх, опять и опять проверял крепления, работу отдельных узлов, подсказывал, что еще надо сделать. Шла последняя доводка, кропотливая и поэтому самая трудная.

Гудованцев и Лянгузов работали молча, сосредоточенно, стоя на хребте покачивающейся оболочки, они слегка подкручивали, сдавали назад соединительные муфты туг, по специальному прибору тензиометру проверяли силу натяжения, упорно добивались, чтобы все крепления стабилизаторов несли равную нагрузку.

Сбоку, стоя на стремянке, которая ходила ходуном, весь изогнувшись, орудовал ключом Почекин.

Паньков, методично поджимая стропы, нет-нет да и бросал на Оппмана вопрошающий взгляд: ну когда же?!

– Не горюй, ребята, скоро всему конец, – слышался из-под брюха оболочки, где шли последняя регулировка и крепление гондолы, неунывающий голос Демина.

На земле было шумно, говорливо. Все были полны нетерпения. Погода, как на заказ, ясная, безветренная, только лететь! А надо было еще – в какой раз! – проверить точность распределения веса всего оснащения на оболочке.

Корабль освободили от балласта, и стартовая команда, притянув его за поясные к земле, разом вскинула руки, дав ему свободу – всего на секунду-другую. Корабль легко пошел вверх, и все, напряженно следя за ним, увидели, что ни нос, ни корма у него уже не задираются. Корабль поднимался в строго горизонтальном положении. Этого они и добивались.

Последние доделки заканчивали, работая почти без сна и «перекуров». Впрочем, как только в овраге появился водород, курение, костры, всякий другой огонь были отсюда изгнаны. Кому невтерпеж затянуться папиросой, беги к Москве-реке. За нарушение у Оппмана наказание было одно: снятие с полетов, которые вот-вот должны были начаться. Страшнее этого для них ничего не было.

Наконец наступил день – его запомнили все: 29 августа

1930 года, – когда Оппман, любовно оглядев корабль, сказал:
– Все, ребята, баста! Оттаскивай стремянки.

И тут же добавил:

– Да не ломайте, пригодятся.

Стремянки оттаскивали на почтительное расстояние. Быстро подобрали на земле все теперь уже ненужное: куски тросов, перкаля, доски...

Счастливицы, которым выпал жребий лететь первыми, едва касаясь трапа, взбежали в гондолу. Под пятью парами ног она зыбко закачалась.

Корабль еще был на швартовых, а у них уже ощущение, что они в полете. Даже странно – вчера, когда они тут допоздна работали, отлаживали приборы, статически уравнивали корабль, гондолу так же покачивало, а этого необычного, волнующего ощущения полета почему-то не было.

Все встали, где кому положено: у штурвалов, у приборов, у мотора. Стартовая команда – их друзья, которые полетят чуть позже, – вывела его из оврага на просторную поляну. Для первого полета надо бы оркестр! Впрочем, зачем? Внутри у каждого и так все пело.

Коняшин запустил мотор на малых оборотах.

– Отдать корабль в воздух!

Впервые прозвучала для них эта сразу ставшая привычной команда. В голосе Оппмана откуда-то взялись и металл и сила.

Скользнули в кольцах поясные, и корабль, чуть вздрогнув, неслышно пошел вверх легко и невесомо. Казалось, что они все тоже были невесомы. Поляна, кричавшие «ура» друзья, высокие деревья уходили вниз, быстро уменьшались.

Подвешенная на длинных стропах гондола – небольшая металлическая коробка – вольно покачивалась. Держась за борта, которые доходили всего до пояса, за стропы, они во все глаза смотрели на раскрывшуюся перед ними ширь. И от этого неохватного глазом простора, от разноцветия красок полей, лесов, куртин дух захватывало.

Коняшин прибавил газ. Мотор усилил голос. Внизу, молчаливо раскачивая зеленые волны, проплывал лес, сменяли друг друга желтеющие квадраты полей, уходил в сторону голубой изгиб Москвы-реки. По тонким полоскам рельсов, попыхивая дымком, тянул красные коробочки вагонов крошечный паровозик. Вдали беспорядочно громоздились, прядясь друг за друга, сборища серых крыш. Корабль шел плавно, без толчков. Лишь иногда, повинувшись каким-то невидимым потокам, поднимался выше, опускался...

Володя Лянгузов крепко, словно боясь, что он вырвется, держал штурвал глубины и, слегка переключивая его, сдерживал корабль.

Гудованцев, стоя за штурвалом направления, не отводил глаз от далекой полосы чуть затуманенного горизонта. Грудь распирало так, что казалось, сердце выскочит. Хотелось увести корабль далеко, за тот синеющий лес, за притаившиеся

между холмов дереvушки, за плывущие навстречу все новые дали...

Рядом, удивленно моргая, сосредоточенно жевал краюху хлеба, которую не заметил, как достал из кармана, Ваня Ободзинский.

– Следи за приборами, – легонько подтолкнул его Оппман, – забыл, что мы здесь не пассажиры?

Он постарался придать голосу строгость, но в усах пряталась сдерживаемая улыбка. Все отлично понимал.

Ваня мигом кинул взгляд на стрелки высотомера и манометров.

– Володя, идем выше заданного, – немного сконфуженно сказал он Лянгузову. – Дай отрицательный дифферен⁸.

Оппман, удовлетворенно поглядев на них, уселся бочком на борт гондолы, лишь одной рукой держась за стропу. Его спокойствие, непринужденная поза, небрежно сдвинутый на сторону шлем сразу сняли у всех напряжение. Первая растерянность, удивление стали проходить, уступая место одной только радости. Они плывут по воздуху на своем корабле.

Очень не хотелось возвращаться. Но ведь там, у оврага, другие с таким нетерпением ждут своей очереди. И Оппман уже дал команду. Скрепя сердце Гудованцев переложил штурвал.

Скоро показалась их поляна. Оппман помахал красным флажком, запрашивая посадку. Им охотно, горя нетерпении-

⁸ *Отрицательный дифферен* – положение дирижабля с уклоном на нос.

ем, выложили посадочное Т.

Первый полет продолжался всего двадцать минут. Но нестираемо остался в памяти на всю жизнь.

...Потом летали почти каждый день. Чаще под вечер. На улицах Москвы после окончания рабочего дня было полно народу. Проплывали над Парком культуры имени М. Горького. На высоте каких-нибудь двадцати метров зависали над Москвой-рекой. К вечеру ветер обычно стихает, а над водой вообще воздушные потоки минимальны, и корабль застывал в воздухе, поражая своей неподвижностью.

Толпы гуляющих, облепив берег, восторженно аплодировали дирижаблю, радуясь вместе с ними, что уже начали нарождаться советские воздушные корабли.

Из гондолы через громкоговоритель запускали танцевальную музыку, и, захваченная ею, кружила на берегу, перемещивалась пестрая людская сумятица.

Случалось им и в роли безбилетников пролетать над переполненным зрителями стадионом «Динамо», когда там шел футбольный матч, невольно внося замешательство не только в ряды болельщиков, но и игроков, прекращавших игру и азартно махавших им руками.

Когда дирижабельное дело из добровольного общества Осоавиахим перешло в государственные руки и был создан Дирижабльстрой, они, летая вокруг Москвы, стали подыскивать удобную площадку для строительства дирижабельного комбината. Облюбовали свободное от строений место воз-

ле станции Долгопрудная Савеловской железной дороги – земля эта в прошлом, при Николае I, принадлежала шефу жандармов графу Бенкендорфу. От того времени тут остались лишь церквушка на возвышении да часовня – семейный склеп. Потом тут располагались опытные поля сельскохозяйственной академии. Вбивая колышки первых палаток прямо на клубничном поле – сколько еще-здесь было клубники! – они не думали, что закладывают будущий город Долгопрудный.

Строить начали сразу всё: дирижабельную верфь, порт, эллинги, газовый завод, жилые дома. Кругом громоздились навалы труб, балок, горы кирпича и цемента, штабеля бревен, досок. Корчевали деревья, рыли котлованы. Без усталости махали ковшами экскаваторы, увязая в грязи на разбитых дорогах, рычали грузовики.

А в это время Осоавиахим продолжал строить новые дирижабли: В-2 («Смольный»), В-3 («Ударник»). Собирали эти корабли уже не в Кунцевском овраге, а под Ленинградом, в поселке Салези, где находился построенный еще до империалистической войны эллинг. Потом перегоняли в Москву. Оболочки этих кораблей вмещали уже по пять-шесть тысяч кубометров газа, на них стояло по два мотора. И все же корабли эти, еще не очень большой мощности, могли служить только в учебно-тренировочных целях, для подготовки летного состава. Летая на них, дирижабlistы овладевали искусством пилотирования, осваивали воздушные трассы, конеч-

но, в то же время не прерывая занятий в институте.

Когда строительство дирижабельной верфи в Долгопрудном было закончено, на ней были заложены первые более крупные корабли полужесткой конструкции: В-6, В-7, В-8. Если у кораблей мягкой конструкции, таких, как «Комсомольская правда», гондола крепилась прямо к оболочке, то у полужестких оболочка и гондола крепились к идущему вдоль всего корабля металлическому килю. Три мотора самого большого из них – В-6 – могли придать кораблю скорость более ста километров в час. Эти корабли, сравнительно недорого стоящие, обладающие намного большей по сравнению с мягкими дирижаблями грузоподъемностью и надежные в эксплуатации, могли покрывать без посадки огромные расстояния. Они сразу же оправдали все ожидания.

В эллингах готовили к пуску новые корабли. Все верили, что скоро уже не единицы, а десятки дирижаблей уйдут в далекие рейсы по всей стране – над таежными просторами Сибири, над почти еще не освоенными просторами Крайнего Севера, где на тысячи километров нет ни железных, ни шоссейных дорог, станут завозить в самые недоступные «медвежьи» углы строителей и грузы для новостроек.

И это только начало. Идут поиски новых, более совершенных конструкций. Испытываются новые материалы. Каждый следующий построенный корабль будет лучше, надежнее, послушнее в полете. Возможности улучшения качества кораблей велики.

Неуклонно веривший в большое будущее советских дирижаблей основоположник дирижаблестроения Константин Эдуардович Циолковский еще в 1892 году предложил систему цельнометаллического безбаллонетного дирижабля с изменяемым при помощи специальных тяг объемом. Этот корабль сможет поднимать в воздух 1300 тонн груза!

В Дирижабльстрое было создано специальное конструкторское бюро, консультантом которого стал Циолковский. Был построен цех, в котором изготовлялись летающие модели цельнометаллического дирижабля и где велась подготовительная работа по строительству дирижабля «Правда» конструкции К. Э. Циолковского.

К сожалению, тяжело больной ученый не мог бывать в Долгопрудном. Дирижаблестроители сами ездили к нему в Калугу за консультациями, держали с ним тесную связь. Трудно давалась подготовительная работа, ведь корабль Циолковского – это корабль будущего. Мысль ученого опережала возможности времени. Для постройки таких мощных кораблей пока еще не было нужных материалов, мало было опыта да и средств.

«К моим дирижаблям можно подойти путем долгой и трудной выучки, – говорил о своей конструкции дирижабля Константин Эдуардович, – зато и результаты будут отличные».

Впоследствии постановлением ВЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР дирижабельному учебному комбина-

ту было присвоено имя Константина Эдуардовича Циолковского.

V

После трудной ночи и изнурительной болтанки к утру, к позднему северному рассвету, погода дала передышку. Ветер умерил свой нор, должно быть, и ему пришла пора угомониться. До новой его «вахты».

Корабль уже не бросало в воздушные ямы, когда ноги переставали чувствовать пол, не подкидывало на воздушных кручах, экипажу не надо было постоянно за что-то хвататься, удерживая равновесие. Корабль скользил мягко, как в масле, без тряски и дрожи. Если бы не доносившийся снаружи приглушенный бас моторов, можно было подумать, что они стоят на месте, окутанные липучей патокой густого серого тумана.

Но они рвались вперед. Клубясь и скручиваясь в замысловатые спирали, туман неохотно уступал им дорогу. Сережа Демин, стоя у штурвала направления, бесплодно всматривался, щуря глаза, – даже трос-визир, протянутый от носа оболочки к гондоле, был виден только вблизи окна. Как и ночью, шли по радиомаяку.

Ждали: вот-вот восходящее солнце пробьет толщу облаков и разгонит туман. Парни достали термосы, подсели к приятно-устойчивому столу, а кто-то и прямо на ящиках примостился, и вот уже потянуло по всей гондоле вкусным ароматом горячего кофе. Пили не спеша, продлевая удоволь-

ствие и похваливая Градуса, еще с вечера пообещавшего им добрую погоду. Их рыжий «ветродуй» никогда не обманывает! Додик отличный парень и, бесспорно, лучший синоптик Советского Союза!

Пристроившись на мягком тюке, с удовольствием вытянув поперек гондолы длинные ноги – ничего, никто на них не в обиде! – бортмеханики Костя Шмельков и Николай Кондрашев блаженствовали перед вахтой. Термос стоял у них прямо на полу, и его даже придерживать не надо было.

Надевая на ходу шлем, кивнув всем: «Живем!» – прошел в радиорубку Вася Чернов. Через минуту эфир стал подавать невнятную трескотню, писк.

– Не забыть мне мой первый детекторный приемничек, что сам смастерил, – подливая в кружки кофе, сказал вдруг Кондрашев. – Помнишь, Костя, какие они были? Тычешь, тычешь тоненьким волоском по кристаллику... И вдруг в наушниках: «...Говорит Москва!...» Аж мороз по коже! Ты вон где, Москва вон где, а слышишь! В деревне про радио тогда никто понятия не имел, приходили все к нам послушать. Дивились. К приемнику относились уважительно, даже побаивались... Когда мужики проходили мимо нашего дома, еще издали сдерживали матерок: Кондрашевы Москву слышат, а уж нас-то подавно.

– А я раньше от техники очень далек был, – как бы повинился перед другом Шмельков. – Рисовать любил, даже в Строгановку поступил. И сейчас иной раз за краски взяться

хочется, особенно когда глянешь с высоты...

Оба невольно повернули головы к иллюминатору. Снаружи по-прежнему неповоротливо шевелился туман.

Штормовая ночь прошла для корабля благополучно. Материальная часть в полном порядке, никаких нарушений. Скорость хорошая – сто километров в час.

Об этом, словно выпуская крылатого почтаря с доброй весточкой, Вася Чернов отстучал в Дирижабельный порт. Уловив в радостной ответной морзянке почерк своей Ани и представив ее чуткую, легкую ладонь на ключе, быстро перевел связь на микрофон:

– Это здорово, что ты на дежурстве! Как Галочка? – закричал он громко, потому что слышимость по микрофону сразу стала хуже.

Она тоже закричала перехваченным от волнения голосом, и он услышал издали, приглушенно:

– Мы с Галочкой целуем тебя... Счастливого вам плавания!

Перед самым Петрозаводском туман стал редеть. В рваных прорехах чернобыльником на белом снегу мелькали кусочки леса и тут же снова укрывались пеленой. Потом в разрывах тумана появились крыши домов.

– Под нами Петрозаводск, – громко объявил Мячков.

Сквозь туманную дымку город разглядеть было трудно. Появлялись и исчезали неясные очертания домов, трубы заводов, выныривали и снова растворялись снующие по ули-

цам машины, неторопливые пешеходы.

Гудованцев дал приказ идти над городом по кругу. Сейчас, когда координаты города, над которым они находятся, а значит, и их координаты, точно известны, надо было устранить девиацию и уточнить курс дальнейшего следования.

Девиация. Сказалось ли на стрелке компаса влияние дополнительно взятого металлического груза или встретившихся на пути залежей в недрах земли железных руд – магнитных аномалий – только она была чуть отклонена от своего постоянного северного направления.

Мячков кончиком остро отточенного карандаша несколько раз чуть подвинул крошечный магнитик внутри компаса, пока стрелка, покачавшись, не замерла, показывая точно на север. Теперь можно было быть спокойным. Ведь малейшее отклонение от курса привело бы в конце пути корабль к отклонению на десятки километров.

Георгий удовлетворенно захлопнул крышку, конечно, не компаса, а компаса, как он по-морскому называет его. Друзья подшучивали над этой его приверженностью, а он в ответ лишь иронически усмехался. Прослужив пять лет в Севастополе, в гидроавиации, он и сейчас продолжал считать себя моряком. Возможно, он прав: воздухоплавание – сродни мореплаванию.

Стоящий на штурвале глубины четвертый помощник Виктор Почекин крутанул ручку телеграфа, давая приказ бортмеханикам снизить обороты. Ответный перезвон теле-

графа подтвердил: приказ принят. Гул моторов сразу умерился. Корабль, словно получив свободу, стал легко покачиваться, отдыхая от напряженного хода.

Надо было заново проверить статическую уравновешенность корабля в воздухе. За время полета часть горючего израсходовалась, корабль облегчился, и в то же время моторы, гондола, все металлические части обледенели, насколько-то утяжелив этим корабль. Статическая уравновешенность могла быть нарушена.

Почекин взглянул на стрелку альтиметра. Динамическая сила корабля сейчас почти на нуле, и стрелка сразу покажет тенденцию корабля – куда его потянет: вверх? вниз?

Стрелка, вздрагивая, колебалась возле нейтральной линии. Но для уверенности надо было проверить еще и на скорость подъема и спуска корабля – если корабль статически уравновешен, они должны быть одинаковы.

Штурвал заходил в руках Виктора. Корабль, приподняв нос, плавно шел вверх, потом так же плавно опускался. Виктор следил за показаниями вариометра. Работал сосредоточенно, не замечая доносившихся из пассажирского салона голосов, взрывов смеха. Порывы ветра играючи подбрасывали корабль и уносились дальше, путая все показания, и Почекин начинал выверять снова.

Резкая поперечная морщинка разрезала лоб, что-то неотступно упрямое проглядывало в четко очерченном лице. Характер у Почекина был беспокойный. Возникавшие в жиз-

ни препятствия вызывали обычно одно лишь желание: преодолеть во что бы то ни стало. Всегда, еще с мальчишества так было. Из-за этого нелегкие сложились отношения с отцом – инженером-путейцем, директором шпалопропиточного завода в городе Навле под Брянском, где они жили.

Первое столкновение произошло, когда они, комсомольцы, члены группы «легкой кавалерии», явились на завод для проверки работы. Взялись за дело рьяно, со всем комсомольским запалом и без особых сомнений. Отец, сощурился такие же, как у Виктора, цыганские глаза, холодно и сухо докладывал им о заводских делах.

А дома взорвался:

– Молокосос, сам еще ничему не научился, а учишь отца!

А Виктор был твердо убежден, что именно они, молодые, знают все самое важное в жизни, чего старшим никак не понять.

Второе столкновение, еще покрепче, произошло, когда Виктор, едва достигнув восемнадцати лет, вдруг, не спросив у отца ни совета, ни согласия, женился и уже после сказал об этом.

– На ногах еще не стоишь! – вскипел отец. – Специальности никакой не имеешь. На что жить будете?

Виктор молча покидал в чемодан свои вещи, и в тот же день они с Марусей уехали в Москву пытаться счастье. Ушел из дому, ни на секунду не задумавшись.

Трудностей пришлось хлебнуть по горло. Хотелось учить-

ся дальше. В школе учеба давалась легко. В кабинете отца было полно книг, Виктор читал их. Возможно, это помогло, девятилетку в Брянске, куда ездить приходилось каждый день полтора часа на паровичке, окончил с отличием. В Москве устроился работать ночным сторожем, чтобы днем учиться. Когда спал, одному богу известно. Жили с Марусей в разных общежитиях. Денег не хватало, но буквально на последние гроши, забыв про усталость, вечерами радостные бежали в театр, на галерку.

В этом они и сейчас не изменились, такими же театрами остались. К его приезду Маруся наверняка обежит все театральные кассы, раздобудет билеты.

...За два круга над городом закончили статическое уравновешивание, Мячков уточнил курс. Передали Петрозаводской радиостанции благодарность за отличную работу. И легли курсом на Мурманск.

К полудню облака, вдруг разорвавшись, поспешно разбрелись по сторонам, открыв чистейшую синь неба. Тумана словно и не было, растаял, не заметили как. Широко, во всю свою доброту, распахнулся горизонт – необозримый, видимость тридцать километров, куда же еще?! Для штурвальных благодать! Предсказание Давида Градуса полностью оправдалось.

Внизу неторопливо проплывали бесконечные карельские леса, неисхоженные, необжитые. Ни дорог, ни поселков, лишь топорщились острой щетиной деревья, и низкое солн-

це отбрасывало от них длинные синие тени на заснеженные поляны, на густо разбросанные повсюду гладкие блюдца озер. Поражал снег. Он сиял такой ослепительной первозданной белизной, что глазам больно становилось. В гондоле стало по-праздничному светло. словно играя в догонялки, по стенам бежали солнечные зайчики, перескакивали на потолок, снова на стену, на лица людей...

Пассажирский салон опять полон. Кому охота идти после вахты в киль, залезать в спальный мешок, когда здесь такая благодать! Ребята расстегнули куртки, шлемы... Посыпались шутки, острые словечки. Курильщики, лишенные папирос, с хрустом грызли леденцы, смачно посасывали. Щурясь от солнца, посматривали на четкую, казавшуюся очень близкой землю.

Вернувшийся с вахты в моторной гондоле Митя Матюнин совсем прильнул к иллюминатору. Вспомнилось родное липецкое приволье, где не только леса, а и поля просторные, сочные... Мальчишкой ему довелось их исходить вдосталь – пас скотину по найму. Шести лет остался сиротой – отец погиб в империалистическую. Потом довелось быть и землекопом и грузчиком... В Долгопрудный бортмехаником на дирижабль попал, когда уже закончил повышенные курсы механиков и индустриальный техникум. А до этого служил в военной авиации под Ленинградом. Там и полюбилась специальность моториста.

– Смотрю: хороши леса! – показал он в иллюминатор Но-

викову. – А наши – липецкие, воронежские – куда лучше, верно, Костя? Они же у нас густые какие! Орешника, калины сколько! А грибов летом...

Новиков даже развел руками:

– Еще бы!

– Сравнили кукушку с ястребом! – раскатисто рассмеялся Демин. – Да в ваших липецких лесах зайца порядочного не подстрелишь. А тут, я вам скажу, медведи... Под каждой елкой по мишке. Эх, прилететь бы сюда в другой раз да поднять косматого из берлоги...

– Ага, прямо из гондолы рогатиной, – подхватил Новиков.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Из гондолы же сподручнее. И безопаснее. –

Он лихо подмигнул. – Подцепил рогатиной и полетел.

В радиорубке умолкла морзянка. Вася Чернов прочитал последние сообщения:

– «В Кронштадте «Ермак» заканчивает ремонт. Две тысячи моряков спешно грузят уголь».

– Вот это аврал! – даже присвистнул стоявший у иллюминатора бортмеханик Бурмакин.

– Понятно, спешат, – сказал, подходя ближе, Новиков. – Счет времени сейчас идет на часы.

– «Таймыр» прошел половину пути до Гренландии»... – продолжал читать Вася. – У них там двенадцатибалльный шторм, им достается! Корабль здорово обледеневаает. Крен достигает пятидесяти семи градусов. Матросы привязыва-

ются веревками, чтобы не смыло волной, и обкалывают лед. Из Мурманска сегодня выходит ледокольный пароход «Мурман» с двумя самолетами на борту – летчиков Черевичного и Карабанова.

– А на «Таймыре» звено самолетов летчика Власова, – добавил Градус. И вдруг взорвался: – Только что там делать летчикам? Вот же, смотрите. – Он выхватил из-под пачки карт газету: – В папанинской телеграмме ясно сказано: «В пределах видимости посадка самолета невозможна». Это же Гренландское море! Подумайте только: там с Гренландских ледников адский холод жмет, а рядом теплое течение Гольфстрим. Представляете, какое там непрерывное столпотворение, как льды корежит?

– «Таймыр», «Мурман», «Ермак», сторожевой мотобот «Мурманец»... – перечислял Гудованцев. – Самолеты, гидросамолеты... Одновременно с нами вышли три подводные лодки Северного флота. Кто-то же должен пробиться! Главное – скорее. А кто это сделает?.. – Он немного помолчал. – Мы должны, – решительно сказал. – Мы прилетим раньше. Установилась бы у них погода денька на два, нам больше не надо.

...Временное, недолгое затишье было сейчас и на далекой от них папанинской льдине. Пользуясь им, четверо безмерно уставших людей спешно перетаскивали, укладывали на нарты все, что уцелело в этой бешеной ледяной ломке, – мехо-

вую одежду, коробки с патронами, считанные бидоны с продовольствием. Крепко увязывали ящики с научной аппаратурой, с бесценными образцами планктона, грунта.

Розовая нежная заря от еще не выходящего из-за горизонта полярного солнца освещала настороженный лагерь, взломанные океанские льды.

Взобравшись на торос, Петр Ширшов неожиданно увидел среди движущихся льдов чернеющую вдали их базу. Там уплывали основные запасы продовольствия, горючего. А сколько им еще придется блуждать на своем ледяном обломке? Скоро ли сможет прийти к ним помощь? Еще только начало февраля. Впереди лютые гренландские морозы, штормы!

Соскользнув с тороса, Ширшов побежал к базе. С ним побежал и Евгений Федоров.

Они отталкивались от обломанного скользкого края, перепрыгивали на новую льдину, карабкались на обломки торосов, бежали дальше, высматривая место поудобнее, выжидая подходящий момент, когда льдины сближались. Перепрыгнув, снова бежали, забыв про опасность, не думая, что их может унести от лагеря. Они видели только базу.

Как хорошо, что возле нее они всегда держали нарту! Погрузили бидоны с продовольствием, теплую одежду, мешок с керосином – это же горячая еда, это тепло, это жизнь! – и скорее в обратный путь. Льды ведь не шутят! Груз тяжелый, но все равно бегом! Нарта помогает. С разгона переки-

дывали ее через трещину, и какой-то момент она служила мостом.

А горизонт уже сгладил туман. Он наползает на лагерь. Только бы не сгустился, не скрыл лагерь совсем. До чего же он сейчас мал. Две палатки, ветряк, антенна да сбитые в кучу нарты...

...Все полностью были согласны с командиром – они должны прийти первыми! Но почему-то вспомнилась вдруг, всплыла притаившаяся давнишняя горечь. Ведь один раз они уже так же рвались на помощь попавшим в беду людям и опоздали...

В 1934 году в Чукотском море был раздавлен льдинами пароход «Челюскин», везший на полярные станции сменные зимовщиков. Сто четыре человека, среди них несколько женщин и детей, оказались на дрейфующей льдине. Вся страна тогда горячо переживала за них, были приняты все меры по оказанию им помощи. К берегам Чукотки направились ледоколы, самолеты. Рванулись на помощь и они, дирижаблисты. Разобрали дирижабли В-2 и В-4 (в таком виде они много места не занимают), погрузили в специальный вагон и поездом отправились на Дальний Восток.

От Владивостока до Петропавловска-Камчатского доплыли на пароходе «Совет». В Петропавловске перегрузились на ледокольный пароход «Смоленск». На нем должны были идти к мысу Уэллен и там, собрав дирижабли, лететь к лагерю челюскинцев. Но дойти до мыса Уэллен им не довелось.

Их ли в том вина? В Беринговом проливе вблизи необитаемого скального острова Матвея им преградили путь тяжелые льды. Вначале пароход кое-как продвигался, расталкивая льды боками. Но вскоре льды сплотились, и преодолеть их было уже невозможно. «Смоленск» пятился, с разгона ударял форштевнем по льдинам, крошил, подминал... и продвигался всего на несколько метров. А вскоре и совсем встал. Царственно-голубые, невероятно красивые льды были неумолимы. Жечь попусту уголь было ни к чему. Капитан дал команду гасить котлы. Надежда была только на ветер, может быть, он разгонит льды. Но шли дни, недели... Ничто не менялось. Только еще сильнее сжимали льды. Под их напором затрещали шпангоуты, обшивка корабля, появилась течь. Команда стала спешно ставить распорки, заплаты. Какая обида! Они спешили, чтобы вырвать людей из ледяного плена, а сами оказались в плену у льдов.

Челюскинцев тогда сняли со льдины летчики Ляпидевский, Слепнев, Молоков, Каманин, Доронин, Водопьянов, Леваневский – первые Герои Советского Союза. Они летали много раз, забирая со льдины по два, по три, по четыре человека. Молоков со штурманом Ритсландом умудрились вывозить сразу по шесть, они сажали людей даже под крыльями самолета, в ящики для парашютов. Последним был снят со льдины их старый друг, бывший бортрадист дирижабля В-3, теперь уже прославленный полярный радист Эрнст Кренкель. Тогда его и биолога Петра Ширшова, который тоже был

в той, челюскинской экспедиции, сняли другие. Теперь снимут они. Обязательно.

...Зимнее солнце, вроде и не горячее, пригрело оболочку, а значит, и находящийся в ней газ. Корабль стал быстро подниматься. Стрелки манометров резко пошли вверх. Сменивший Почекина на штурвале глубины Лянгузов, не глядя, протянул руку к висевшему на тросике костыльку. Рванул его. Потом второй, третий, открывая клапаны баллонета⁹. Воздух в баллонете, который регулировал давление газа в оболочке, стал выходить, давая водороду возможность расширяться. Стрелки манометров заняли нормальное положение.

Лянгузов взглянул на стоящего у штурвала направления Тараса Кулагина. Тот, перехватывая ручки штурвала, менял курс.

Прямо на них, быстро приближаясь, шло продолговатое, с кучевыми нагромождениями, похожее на плывущий айсберг облако. Оно рдело розоватым цветом, местами холодно синели в нем напоминавшие гроты провалы. Облако им не помеха, корабль, когда войдет в него, даже не ощутит этого, и все же лучше его обойти. Закроет оно своей ватой солнце, нагретая оболочка охладится, и корабль станет резко терять высоту.

Чуткость, большое мастерство, умение вовремя предви-

⁹ *Баллонет* – мешок для воздуха (на В-6 емкостью 7500 кубометров), находящийся в оболочке корабля под газовыми отсеками.

деть опасность и быстро принять решение необходимы командирам, пилотам-штурвальным, чтобы держать в повиновении корабль, необычайно остро реагирующий на перепады температур, атмосферного давления, восходящие и нисходящие воздушные потоки, изменение ветра. Даже в самую тихую солнечную погоду он требует неусыпного внимания.

...Всегда заразительно-компанейский Сережа Демин – без него и разговор не в разговор – что-то притих. Чертит в блокноте, высчитывает... Какая-то идея опять одолела, мучает его, «несчастливого».

– Бойтесь трех Сереж, – с ужасом говорил строгий и непреклонный бухгалтер Дирижабельного порта, – Сережу Демина, Сережу Попова и Сережу Егорова (Попов и Егоров тоже инженеры их порта, эксплуатационники). Их изобретения нас по миру пустят!

Бедный их старенький бухгалтер! Не в силах понять всю ценность и необходимость этих, как казалось ему, излишних «выдумок», он каждый раз с болью в сердце отрывал средства для их реализации.

А три Сережи просто не могли не изобретать. Они были неистощимы. К тому же молодое еще дирижабельное дело остро требовало новых и новых усовершенствований.

Идеями, как подсмеиваются над Сережей Деминым друзья, у него «полны» все одиннадцать карманов летного костюма. Сейчас кто-кто, а уж Кулагин и Градус не упустили бы случая вернуть, что ему надо срочно пришивать двена-

дцатый. Но Кулагин, отрешенно глядя вперед, стоит сейчас у штурвала, а Градус уткнулся в свои карты, мрачно сосредоточенный. Погода лучше не надо, а он чем-то недоволен... Чего мрачнеть, когда все так великолепно?..

Что деминские карманы полны идей, это, конечно, шутка – не таков Сережа, чтобы прятать их по карманам, он щедро раздает их: бери и пускай в дело!

Этому улыбчивому, необыкновенно располагающему к себе парню отказать в чем-либо при осуществлении его замыслов никто не мог – слесари, механики все делают для него с радостью. Коля Голиков – есть у них такой отчаянный пилот-штурвальный – первым испытывает на себе все эти вначале рискованные конструкции.

Уже применяется деминский якорь для посадки дирижабля на воду. Вместе с Гудованцевым и Шевченко на дирижабле В-8 они не раз испытали его на Плещеевом озере. Зачерпнув якорями воду, корабль мягко сел без швартовой команды на гладь озера и потом так же мягко поднимался.

Испытывается автопричал, который позволит так же без швартовой команды погасить скорость корабля в первый момент причала, приняв сброшенный с корабля гайдроп¹⁰ в стальную развилку.

Его лебедка для поднятия с земли горючего и людей без

¹⁰ *Гайдроп* – пеньковый канат 80 – 150 метров длиной. Во время посадки его сбрасывают с корабля, и швартовая команда, ухватившись за него, подтягивает корабль к земле.

посадки корабля (вот где крепко досталось при испытаниях Коле Голикову!) летит сейчас с ними и очень пригодится, когда они будут снимать папанинцев.

До сих пор не дает ему ни сна, ни отдыха разработка механического вывода дирижабля из эллинга. При выводе вручную даже усиленной стартовой команде, если дует боковой ветер, бывает трудно предохранить корабль от ударов и поломок. Предложенные Деминым движущиеся по рельсам вагонетки должны устранить эти трудности. Самым сложным оказалось рассчитать жесткое крепление корабля к вагонеткам. И Сережа даже сейчас, в полете, не упускает свободной минуты – делает новые и новые расчеты.

– Родиться бы тебе лет на двадцать раньше, – говорят ему друзья, – сейчас ты бы уже все осуществил.

– Да нет, – смеется Демин, – первые воздухоплататели родились за двести лет до нас, а до сих пор дел еще...

...Мечта подняться в воздух и парить в нем подобно птицам владела людьми издавна. Об этом говорят дошедшие до нас сказки, мифы... А вот осуществить эту мечту люди смогли не так уж давно.

В России первое упоминание в летописи о полете человека относится к 1731 году. В ней сказано: «1731 года в Рязани, при воеводе, подьячий Нерехтец Крякутный Фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганим и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше

березы и ударила его о колокольню, но он зацепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив...»

В 1783 году, в канун французской буржуазной революции, в городе Аннонэ, на юге Франции, братья Жозеф и Этьен Монгольфье, физик и инженер, наполнив сшитый из холста и оклеенный бумагой шар горячим дымом из подставленной под ним жаровни, запустили его ввысь. Шар поднялся на высоту больше километра.

Через полгода в Париже поднялись на воздушном шаре – монгольфьере (так эти шары были названы в честь изобретших их братьев Монгольфье) – первые воздухоплаватели Пилатр де Розье и д'Арланд. Сняв шляпы, они приветственно махали с высоты собравшимся.

В том же году французский физик Шарль запустил в воздух шар, наполненный более легким, чем горячий дым, газом – водородом. Шар унесся ввысь, но в разреженной атмосфере газ, не имея свободного выхода, разорвал оболочку, и она упала на землю. Тогда Шарль усовершенствовал свой воздушный шар (шарльер), сделав на верху оболочки клапан, открывая который можно было, постепенно выпуская газ, опустить шар на землю. Внизу этого шара была незавязанная кишка – аппендикс, – через которую шар наполнялся газом. Через это же отверстие излишек газа во время полета мог выходить наружу. Газовые клапаны и аппендикс предохраняли оболочку от разрыва газом на высоте, в разреженных слоях атмосферы. Эти приспособления до сих пор ис-

пользуются в аэростатах. Газовые клапаны используются и на дирижаблях.

Первый управляемый воздушный шар – дирижабль – с электродвигателем, работающим на аккумуляторах, был построен только через сто лет, в 1884 году, французскими инженерами Реннаром и Кребсом. Этот еще несовершенный аппарат мог летать лишь очень короткое время.

Только в последние годы XIX века, с появлением двигателя внутреннего сгорания люди смогли начать по-настоящему осваивать воздушный океан.

В 1892 году великий русский ученый К. Э. Циолковский опубликовал разработанную им конструкцию дирижабля с цельнометаллической, из волнистого металла оболочкой.

В 1900 году поднялся в воздух немецкий дирижабль с моторами внутреннего сгорания Ф. Цеппелина.

...Демин поудобнее пристроился в легком кресле. Карандаш вычерчивал в положенном на колени блокноте схемы. До вахты еще есть время. Под широкое, мерное раскачивание корабля можно собраться с мыслями.

VI

– Мам, а Москва скоро? А Коля нас встретит? Мам, ты думаешь, да? Про что?

Анна Федоровна обернулась.

– Сиди, сиди, – сказала она вертевшейся рядом Томке. – Коля встретит... если только он в Москве.

Анна Федоровна Гудованцева сидела на жесткой вагонной лавке, положив на колени тяжелые, непривычные к покою руки. В строгом, покрытом тонкими морщинками лице проглядывала тревога. Зачем она уехала? Коля настоял. «...Поезжай, мама, отдохни, сердце меньше болеть будет». И еще – это уже с улыбкой: «Будешь возвращаться, привези яичек, привези муки – будет свадьба!» Эти слова и сейчас не выходят из головы...

Кисловодск почти родной им город. Переехали туда из Сибири, со станции Каргат, когда тяжело заболел муж. Семен Григорьевич работал машинистом, водил поезда Омск – Новосибирск – Томск. Так надеялись, что теплый, с целебным климатом южный город поможет ему. Нет, не помог...

В Кисловодске у них друзья, добрые знакомые. И все же какой там отдых? Поехала на две недели – и недели не пробыла. Она привыкла провожать Колю в полеты. И терпеливо ждать. Но вот не волноваться, не прислушиваться к каждому стуку в дверь... Ни одной ночи не спала, когда Коля в поле-

те. Ничего с собой сделать не может, нету сна, и все. А тут уехала за тысячи километров...

Муку и яички она везет, стоят под лавкой две сумки. А на душе...

Анна Федоровна медленно провела ладонью по лбу. Чего ей тревожиться?! Лена красивая. Умная. Радость с собой приносит. Коле она бесконечно дорога – ей ли, матери, этого не видеть! А все же как-то не по себе. Ревность хоть и глупая, а куда от нее денешься?.. Нет, она сыну не враг, она сколько раз говорила:

– Что же, Коля, не присмотришь девушку, не женишься? Поди, скучно одному-то?

– Что ты, мама, – отмахивался он, – надо сначала всю эту мелюзгу поднять.

В двадцать три года, после смерти отца, сам еще в жизни не успев ничего повидать, взвалил себе на плечи все заботы о семье, о шестерых младших и о ней, матери. Он еще учился тогда в авиационном институте. И уже летал командиром корабля.

К нему, в Долгопрудный, в семнадцатиметровую комнату в «доме итальянцев» – так назывался двухэтажный деревянный дом, где жили приехавшие к ним из Италии специалисты-дирижаблестроители, – и прикатали они тогда из Кисловодска всем большим, шумным табором. Восьмерым в одной комнате тесновато, зато все вместе. Из мебели, кроме стола и нескольких табуреток, ничего не было. Спали на по-

ду, все рядком.

– Мам, ты опять думаешь? Ну о чем?..

Томка потерлась о мамино плечо.

– Да так... – встрепенулась Анна Федоровна. – Ты, верно, и не помнишь, как мы жили в «доме итальянцев»?

– А вот и помню, – вскинула глаза Томка. – Он весь дощечками был обшит, да? Так и так – елочкой. Мы жили внизу, а над нами красивая тетенька, Арабелла. Она громко песни пела. И говорила быстро-быстро... И еще... голубей кормила белой булкой!

Томка внимательно посмотрела на мать.

– Только я никогда не просила, вот честное...

Трудный был тот, первый по приезде год. Это сейчас Коля уже институт окончил, Нина и Саша на работу поступили. А тогда восемь человек на одну Колину зарплату.

– А как мы с Нюсей и Витькой из-за валенок дрались... – Томка даже подскочила, ударившись о верхнюю полку, и вжала голову в плечи.

– Ты-то чего дралась? – укоризненно посмотрела на нее Анна Федоровна. – Они же тебе по уши были.

– Ну и пусть. Коля для всех принес!

Он принес всего-то две пары. Вытряхнул из мешка – как все набросились, растащили по одному, стали мерить. Валенки взрослые, всем велики. Все равно как были рады! Ведь в школу бегали за три километра. Коля сам повесил над столом расписание: кому когда надевать. Проверял, не шельму-

ет ли кто.

Анна Федоровна вздохнула. Если бы не Коля, как бы она управилась со всеми? Случилась с Сашкой беда, школу стал пропускать. Мать – говори не говори – разве послушается? А Коля подсел как-то к нему:

– Мы с тобой взрослые люди. Объясни, почему пропускаешь школу?

– А я работать хочу. Хочу быть мотористом.

Коля не стал его уговаривать. А наутро разбудил не в семь, как обычно, в школу, а в шесть:

– Вставай, работничек.

Сашке ох как не хотелось вставать, а встал. Поработал недельку, другую. Промывал в керосине части от моторов, другой работы не доверяли. Вскоре уразумел: не очень-то это веселое занятие, а чтобы суметь в моторе разобраться, знаний не хватает. Седьмой класс Сашка закончил. А потом все же пошел работать на верфь мотористом.

Коля все дни в порту, в полетах. И дома до полуночи над чертежами сидит. Худой, вот как Томка. Хотела подкормить его получше – сил-то ведь ему надо много, один ведь работник, – стала готовить ему посытнее. Так чуть не рассорились. Подаст ему блинков, горячих, румяных. Он обязательно спросит:

– А дети ели?

– Ели, ели...

А что ребятам – они и картошки поедят, и каши, вон ка-

кую кастрюлю сварила, что тебе ведро.

Только Колю не проведешь. Подозвал Томку:

– Томусик, поди сюда.

Та рада, бежит. Все ее зовут – кто: «школа», кто «кощей», только Коля – Томусик!

– Вы это ели?

Томка глянула, повела носом – пахну-у-ут!.. Слюнки сразу потекли. Молчит. Только глаза моргают. Знает: скажет – не ели – от матери трепка будет, а неправду она Коле сказать никак не может.

– Мама, наверно, забыла нам дать...

Анна Федоровна только глянула на Томку.

Коля отодвинул миску.

– Я так и знал. Сколько раз я, мама, говорил, что всем, то и мне. Или я дома вовсе есть не буду.

Схватил миску и к ребятам.

– Ешьте, пока горячие.

Сейчас в их новой квартире, в доме инженерно-технических работников, у Коли уже своя комната есть. Анна Федоровна строго следит, чтобы ребята туда ни ногой. Колин письменный стол завален бумагами и чертежами. Во всю стену висит карта Союза, на ней флажки наколоты – это маршруты, по которым уже летали дирижабли и по которым еще предстоит летать, осваивать новые трассы. Москва – Ленинград, Москва – Смоленск, Москва – Киев... Харьков... Севастополь... Казань... Архангельск... Свердловск... Ново-

сибирск... Этих флажков все прибавляется, все дальше уходят они от Москвы. Ребят только впусти туда, они такие там свои «маршруты» наведут, все флажки перетасуют!

Томка смотрела на пробежавшие за окном столбы, обсыпанные снегом деревья.

В Кисловодске ох и скучно было, думает она, и поиграть не с кем. А дома!.. Их, ребят, там много, и всегда то игра, то драка. И в самый разгар – тут как тут – Коля! Идет по улице, в большущих унтах, заложив руки за спину, насвистывает свою любимую «Ноченьку». А в комнате!..

Все опрометью бросаются застилать сбившуюся постель, собирать все с пола, приглаживают всклокоченные волосы, вытирают носы.

Когда Коля входит, они все уже сидят на стульях, чинно, как на фотографии. И как он догадывается, что у них тут было?

– Когда уж вы научитесь в мире жить? – с горечью скажет Коля. И махнет рукой. – Марш по углам!

Он очень не любит драки и раздоры.

Хорошо Сашка уже большой, а то раньше у них и углов не хватало.

Коля достанет из кармана французский словарик, заглянет в него, заложит руки за спину и начинает ходить по комнате, повторяя:

– Л'анфан, ле паран, ле гарсон, ля физ...

Остановится, наморщит лоб, припомнит и опять:

– Ле гарсон, ля физ...

Французские слова ужасно смешные, Коля говорил их в нос и картавя. Наверно, трудно ему было, у него, должно быть, язык во рту переворачивался. Попробуй тут, удержишься, не засмеешься! Все терпят-терпят, а потом как прыснут разом. И остановиться не могут.

Коля смотрит на них растерянно, ничего не понимает. А строгости уже нет.

– Мама, – крикнет, – да возьми их, с ними много не работаешь!

А когда он приходит домой и у них по-настоящему мир, они все гурьбой бросаются раздевать его.

Томка с Нюсей стягивают унты – Томка всегда правый, Нюся – левый. Витька отстегивает тугие пуговицы комбинезона. Лида снимает шлем.

Раздевать Николая после полета стало у них обычаем, обязательным и приятным для всех. А началось это с того дня, когда он вернулся из полета с перебинтованными руками и долго потом не мог ничего ими делать.

Они тогда не сразу все узнали. Коля не хотел пугать их, главное, маму, и, придя домой, быстро прошел в свою комнату, запрятав руки в карманы. Ужинать не стал, сослался на срочную работу.

Анна Федоровна все же понесла ему в комнату поесть. Приоткрыла дверь... Коля сидел на кровати к ней боком, дул на ладони, осторожно снимая окровавленные бинты. Кожа

на пальцах и ладонях была содрана страшно. У Анны Федоровны потемнело в глазах, она схватилась за косяк двери.

– Ну что ты, мама, – стал успокаивать ее Коля, – это же я головешку у костра схватил. – И засмеялся: – И чего, дурак, хватал?!

Она не поверила про головешку. Потом его товарищи рассказали ей совсем другое. А вскоре прочитала в газете «Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР 9/Х с. г. постановил: «За героизм, проявленный при спасении дирижабля В-2 «Смольный» 6 сентября 1935 года, наградить командира дирижабля т. Гудованцева Николая Семеновича орденом Красной Звезды».

...Это был один из многих агитперелетов, которые они совершали в разные города, чтобы множество людей своими глазами могли увидеть, каков он, дирижабль, какие огромные возможности таит он в себе. Об этом дирижаблисты увлеченно рассказывали прямо на аэродромах, в клубах, Дворцах культуры, на предприятиях, куда их приглашали.

Полет был по маршруту Ленинград – Донбасс. Последним пунктом был Донецк. Корабль медленно плыл над городом, над возвышавшимися прямо посреди улиц копрами шахт, черными конусами терриконов. Они сбрасывали идущим внизу людям пачки листовок, тоненьких брошюр. Сверху видно было, как кидались к ним люди, подхватывали на лету. Останавливались, читали. Задирали головы, махали

этими листовками.

На аэродроме было полно народу. Сбежались посмотреть на дирижабль, а может, и помочь. Начальник аэроклуба – в спортивной майке и форменной фуражке с «крабом»¹¹ на бритой голове – энергично отдавал распоряжения наскоро организованной им швартовой команде. Тут же рабочие порта ввинчивали в землю метровой длины авиационные штопоры. Причальной мачты на аэродроме еще не было, эти штопоры должны были временно заменить ее.

Посадка прошла вполне благополучно. Десятка три хлопцев ловко подхватили сброшенный с дирижабля гайдроп, а потом и причальные тросы, подтянули корабль к земле.

Большая часть экипажа сошла с корабля. Гудованцев отдал рапорт о завершении агитперелета. Восторженные возгласы, громкие аплодисменты были ему ответом.

Экипаж занялся швартовкой. Корабль без экипажа значительно облегчился и, натягивая канаты, тянул вверх.

– Эй, хлопчики, – окликнул Николай толпившихся тут же, тарасивших глаза мальчишек, – хотите в гондолу?

Ребята замерли.

– А можно?

– Можно, влезайте, заодно балластом будете.

Они засверкали голыми пятками по шаткому трапу.

Несбыточной мечтой было их желание хотя бы одним гла-

¹¹ Эмблема, помещенная на головном уборе летного состава, в просторечии именовалась «крабом».

зом заглянуть внутрь. И вдруг влезайте!..

Их набралось в гондоле больше десятка. Разбежались по сторонам, все осматривают, дивятся.

Неожиданно вдали гроыхнуло. Небольшое облачко у горизонта, которое они видели еще до посадки, разрасталось в тучу. Надвигалась гроза.

Гудованцев посматривал на нее, на рабочих, которые ввинчивали последние штопоры. Их уже было ввинчено больше полусотни. Руководил работой начальник аэроклуба.

– Быстрее, ребята, – поторапливал он, – надо кончать швартовку. – Илья-пророк не будет ждать!

Он то и дело стаскивал фуражку, вытирал вспотевшую голову. Было невероятно душно и как-то отрешенно-тихо, ни малейшего ветерка...

И тут, в один миг, закрутив, перемешав все, на них обрушился шквал. Вздрыбился серый вихрь пыли, сухой травы, хлестко ударил в лица людей, в дирижабль мгновенно все пришло в движение, забились платья, рубахи, всплеснули сорванные с голов платки, тут же затерявшись в несущейся колючей мути. Свист ветра, испуганные голоса детей, женщин, треск лопающихся канатов и чей-то пронзительный крик:

– Держи-и-и!!

Дирижабль, этот шестидесятиметровый парус, метнулся в сторону. С силой ударила о землю гондола. Люди шарахнулись. Новый шквал, и, вырывая штопорные якоря, обрывая канаты, сбрасывая последние путы, дирижабль рванулся

ВВЫСЬ.

– Держи-и-и!! – Крики людей потонули в вое ветра.

Перед Николаем мелькнул конец пляшущего в серой мгле каната. Мгновенно решившись, он кинулся к нему и схватился. Его рвануло и понесло.

В воздухе оказалось еще два человека: милиционер и начальник аэроклуба. Они все еще надеялись удержать корабль.

– Прыгайте! Отпускайте скорее! – кричали им снизу.

А они оглянуться не успели, как были уже на десятиметровой высоте. Разжали наконец пальцы и хлопнулись на землю. К ним на помощь кинулись люди.

Николай висел на размашисто раскачивающемся канате и карабкался вверх. Ему во что бы то ни стало нужно было быть там, на корабле. В гондоле оставались три члена экипажа и мальчишки. Он в ответе за них, за корабль.

Гондола чиркнула по какой-то крыше. Николая швырнуло в сторону и тут же вынесло выше всех крыш. Дома стремительно уходили назад. А на него так же стремительно надвигалась возвышавшаяся над ними заводская труба. Ржаво-бурая, в черно-сажевых натеках, она быстро выростала, приближаясь. Стиснув зубы, Николай лез по канату. Перехват руки... еще перехват... еще... Край трубы наступает. Дирижабль кинуло вверх, и нацеленное в небо черное жерло прошло совсем рядом. Краем глаза Николай успел увидеть его нутро, мерцание облитых черным глянцем стен.

Все тяжелее становилось тело. Руки отказывали. Николай сжимал их, собирая последние силы. Только не останавливаться! Вверх. Еще. На далекую, затянутую вихрями пыли землю он не смотрел. Сейчас земля была не для него. Он слышал испуганные ребячьи голоса в гондоле. Он напрягал все силы. Ладони горели так, словно он поднимался по раскаленному тросу. Только бы там, наверху, не убрали трап!

В гондоле было смятение. Когда шквал сорвал дирижабль со швартовых, рвануло так, что все полетели на пол, друг на друга, кто куда и как попало. Когда смогли подняться, ребята кинулись к иллюминаторам, к двери, зовя на помощь.

– От двери! – громко и решительно прозвучал девичий голос.

Штурвальная Людмила Эйхенвальд мгновенно взяла командование на себя. Решение надо было принимать немедленно. Не понимая, что дирижабль летит уже выше домов, ребята могли начать выпрыгивать из гондолы.

– По местам! Поднять трап! Закрывать дверь гондолы!

Не видя никого, кто мог бы выполнить ее приказ, Люда сама бросилась к трапу. К ней на помощь подбежал какой-то паренек. Заглянув вниз, он вскрикнул. Там, раскачиваясь на канате, карабкался вверх человек.

Люда не узнала, скорее угадала, что это был командир. Затаив дыхание, боясь помешать ему, она, прильнув к косяку двери, еле слышно шептала:

– Ну давай, Коля, давай, совсем еще немножко... До трапа

действительно оставалось совсем немного.

Ему надо помочь. Как?.. До каната из гондолы не дотянешься.

Еще последнее усилие.

– Коля, держись!

Николай дотянулся до трапа, схватился одной рукой. И замер. Силы были на исходе, и он копил их по крохам. С минуту висел так, потом резким броском схватился и другой рукой.

– Коля, держись, держись крепче! – сначала тихо, потом громче, чтобы он услышал, крикнула Люда. – Мы тебя вытянем!

Она, паренек и подоспевший на помощь бортмеханик быстро втянули трап, на котором висел Николай, в гондолу.

Николай тяжело дышал. Прислонившись к стене, он оглядел гондолу, ребят. Притихшие, они смотрели на него во все глаза. Тыльной стороной руки он смахнул со лба струйки пота. С ладоней капала кровь.

Неожиданно огненным всполохом гондолу осветила молния. Осветила лица невероятно ярким неестественным белым светом. И почти в то же мгновение, казалось, прямо по гондоле ударил гром.

– Заводить моторы! – громко отдал команду Николай и, чуть качнувшись, оторвался от стены. Прошел в рубку управления. Бортмеханик мгновенно кинулся к мотору. А Люда, схватив в аптечке бинты, бросилась в рубку.

Дирижабль летел неуправляемый, по воле ветра. И продолжал подниматься. Высота уже восемьсот метров. С минуты на минуту появится угроза повышенного сверхдавления в оболочке. Вспышки молний продолжались. Случись молнии пронзить оболочку, и шесть тысяч кубометров водорода вспыхнут огненным факелом. От грозы надо было уходить как можно скорее.

Снова прокатился гром. Ливень гулко зашумел, ударяясь о зонтичные водоотводы гондолы. Задержись Николай хотя бы на минуту там, на канате, и отяжелевшая от дождя одежда не дала бы ему подняться.

Негромко, словно не решаясь заглушать шум дождя, заработал мотор. Вскоре был запущен и второй. Николай взял забинтованными руками штурвал глубины.

– Курс норд-норд-вест!

– Есть норд-норд-вест!

Люда уже стояла у штурвала направления.

Скоро внизу стала видна желто-серая стерня уже убранных хлебов. Вспышки молний были уже не такими яркими, и раскаты грома доходили с большим опозданием. От грозы они уходили. Хотя серые клубы туч висели сплошной пеленой, ливневого дождя уже не было. Моросил лишь мелкий дождик.

Быстро темнело. На земле сизо сгущались сумерки. В окнах домов загорались светлячки. Корабль проплывал над поселками. Что это были за поселки, они не знали. А карты в

планшете у штурмана, там, на земле.

– Товарищ командир!

Николай обернулся. Перед ним стоял веснушчатый, с выгоревшими на солнце волосами паренек и вопросительно, с надеждой смотрел на него.

– Товарищ командир, если нужно что сделать, вы только скажите.

– А что ты умеешь? – улыбнулся Николай. Парнишка весь зарделся:

– Все. Почти все. Я в кружке Осоавиахима занимаюсь.

– Вон как? – Николай заинтересованно глянул на него. – Тебя как звать-то?

– Ваня. Ваня Ветренко.

Мальчик замер, ожидая, что скажет командир.

– Ты здешний? – немного подумав, спросил Николай.

– Ага.

– Ну тогда давай, помогай нам. Становись к окну и, как только увидишь знакомую местность, поселок, городок, тут же докладывай. Ясно?

Глаза парнишки заблестели.

– Есть смотреть, узнавать местность, докладывать, – очень серьезно отчеканил он.

Все ребята, намаявшись, приткнулись друг к другу прямо на полу, уже спали.

Ваня не отходил от окна. Всмотривался.

Они пересекли железную дорогу. Рельсы, поблескивая в

темноте, уходили вправо. Слева показалось множество огней. Город. Николай повел корабль к нему.

Вдруг Ваня радостно вскрикнул:

– Товарищ командир, это Макеевка, точно, Макеевка! Я узнал. Вон две трубы и еще одна... Это мартеновские печи.

– Не ошибаешься?

– Нет, мы летали здесь. Макеевка это.

– Тогда все в порядке, – обрадованно сказал Николай. –

От Макеевки по компасу дойдем.

В три часа ночи, прокружив над полями и долами пять часов, на последних литрах бензина подошли они к Донецкому аэродрому.

Их там ждали. Вовсю светили прожекторы. Когда луч ударил в окно гондолы и осветил все очень ярко, проснулись разом все ребята, бросились к окнам.

– Где мы?

– Домой прилетели.

– Ну, Ваня, – Николай крепко обнял мальчишку. Так по сердцу ему он пришелся, даже расставаться жалко было. – Что я тебе скажу: глаз у тебя приметливый, смелость есть, в беде не теряешься. Будешь летчиком. От души желаю¹².

...Каких только полетов не бывает у дирижаблистов! На дирижаблях, на аэростатах... Но разве это все? Тут еще ша-

¹² Иван Яковлевич Ветренко действительно стал летчиком. В годы Великой Отечественной войны сражался с гитлеровцами на штурмовиках Ил-2 и Ил-10.

ры-лилипуты или, как их еще зовут, шары-прыгуны, появились. Зачем их только придумали?! Когда Анна Федоровна видит в воздухе эти маленькие, словно игрушечные, шары и под каждым сидящего просто на дощечке, свесив ноги, как на качелях, аэронавта, у нее сердце совсем обмирает. Иной раз они летят прямо над домом, и Коля кричит ей оттуда:

– Мама, готовь наши, сибирские, пельмени, скоро придем впятером!..

Махнет ей рукой, и ветер унесет его.

До чего же любят они эти полеты! И не только парни, девочки не меньше. Усядутся на дощечке, оттолкнутся от земли ногами и пошли вверх, сбрасывая по горстке-другой балласт (песок) из мешка. И так, видно, хорошо им там, в вышине! Анна Федоровна только дивится, глядя на них...

А понять их можно. Это ведь совсем особое ощущение, когда аэронавт высоко в небе один на один со стихией. Тут-то и вырабатываются необходимые аэронавту быстрота реакции, мастерство. Шар плывет в свободном полете по воле ветра и со скоростью ветра. Внизу лес шумит, макушками машет, а здесь никакого движения, положи на колени листок бумаги – не улетит... Регулировать направление невозможно, а высоту вполне. Сбросил побольше балласта – пошел вверх, стравил газ – стал опускаться. Правда, бывает, воздушный поток подхватит и бросит шар на сотни метров вверх или вниз. Дух захватит, в ушах засвистит, земля дыбом встанет, а аэронавт зорко следит за приборами.

Бывает, полет продолжается пять, шесть часов, ветер уносит их за сотни километров. В воздухе шары то сходятся, то расходятся. Они перекинутся словечками, и опять ветер разбросает их. От долгого сидения ноги устанут болтаться. А рядом облако, взбитое, как перина, чистое. Прилечь бы на него. Только обманчива эта перина: дотянулся, взял горстку облака, а оно между пальцев ушло...

На закате, в тишине с земли особенно ясно все слышно. Как женщины ведрами гремят у колодца, голосисто переговариваются, собаки лают, балалайки бренчат...

Когда пролетают над деревней, вызывают несусветное удивление, а то и переполох. Николай рассказывал: надо было ему как-то срочно сообщить в порт о месте приземления, а телеграфных столбов не видно. Он снизился и закричал:

– Эге-е-й, где у вас телефо-о-н?

Все сразу стихло: и ведра, и женщины, и балалайка, даже собаки лаять перестали...

– Скажите, где у вас поблизости телефо-о-н?

В ответ ни звука. Как вымерло все. И вдруг:

– Ша-а-р! Воздушный ша-ар!! – завопили мальчишки и бросились вдогонку вдоль улицы.

– Ну и напужал, нечистая сила! – загорланил мужик. – Вертай наза-а-ад, там сельсовет и почта-а-а! А сельпо уже закрыто, ничего уже не купишь!

Легко сказать; вертай назад! Что он, на дирижабле или на самолете?!

Мужик сорвал с головы шапку, замахал:

– Спускайся скорее, самовар у нас поспел!

– Спасибо за ласку, но нужен телефон, обязательно.

Высыпал остаток балласта и пошел вверх.

– Улета-а-а-е-т!!.

В голосах мальчишек слышалось разочарование, даже обида...

Потом Николай жалел: надо было, наверно, ему опуститься не в большом селе, где сельсовет и почта, а в той заброшенной среди лесов деревушке, где так душевно были ему рады.

...Сибирских пельменей Анна Федоровна крутила не на пять человек, а целую гору. Друзей у Коли много, приходили запросто. Молодым, еще не устроенным в жизни ребятам было хорошо в обжитом семейном доме, где хозяйка угостит по-домашнему, а если когда и отчитает за что, видно, так и надо. Характер Анны Федоровны они знали – что думает, скрывать не станет, выложит все до конца – и не обижались.

Заходили и позаниматься перед экзаменами, и когда готовились к полетам. Народу в комнату набьется полно, на кровати, на стульях, на подоконнике примостятся. Спорят, спорят... К шуму Анне Федоровне не привыкать, у нее все равно от своих ребят он в доме не прекращается.

Когда нарабotaются, устанут, запустят патефон. Поставят на подоконник, чтобы дальше слышно было, а сами вниз.

Сверху, прыгая через две ступеньки, уже сбегает Костя

Новиков вместе со своей Тоней и, подхватив ее высоко на руки, кружит. А потом опустит на землю и осторожно ведет в танце. Уж очень много у него силушки, так и рвется наружу, а Тоня хрупкая, тоненькая.

Когда-то, еще в империалистическую войну, Костю, пятилетнего, потерявшего родителей, совсем обессиленного от голода, подобрали и приютили бездетные Меланья Григорьевна и Павел Андреевич Новиковы из села Волоконовка, что под Воронежем. Дали ему свою фамилию, отчий дом, материнскую и отцовскую любовь, А жизнерадостный характер у него, может, от рождения такой.

Алеша Бурмакин танцует небрежно, как бы с лентой, изредка встряхивая свесившимся на глаза русым чубом: я, мол, и не так могу!

А Тарас Кулагин подхватит хорошенькую Нюсю, плутовски подмигнет Николаю:

– Красивые у тебя сестренки, Коля. Подрастут, всех разберем, ни одной тебе не оставим.

Нет, видно, не станет Тарас дожидаться Колиных сестренок. Закружил, завертел Нюсю, так что у той косички взметнулись от восторга, и нет уже Тараса... Понятно! Есть тут одна девушка, синоптик их порта – Нина...

...В вагоне было тихо. Свернувшись калачиком, не раздевшись, уснула на верхней полке Томка. Анна Федоровна раздела ее, сонную. За окном метель туманила бегущие по обочинам деревья. Светлое пятно их окна скользило по су-

гробам.

Подсевший под Орлом летчик в новом синем мундире со скрипучими ремнями и крылышками на рукавах, как у Николая, взглянув на Анну Федоровну, спросил:

– Что, мамаша, пригорюнились?

Анна Федоровна замялась. Летчик совсем не походил на Николая. Ниже ростом, плечистее. И глаза не голубые, хотя такие же внимательные. А вот взглянула на него и еще больше растрожилась.

– Сын у меня в полете, – доверительно сказала она.

– Что вы, мамаша! – удивленно собрал на носу морщинки летчик. – В такую-то погоду?! Вы уж поверьте мне, ваш сын сейчас наверняка дома, пьет чай. Или, еще лучше, с девушкой в кино.

Анна Федоровна покачала головой:

– В полете он, чувствую.

И, сев на лавку, прикрыла глаза, слушая дробный перестук колес. Скорее бы Москва!..

Летчик был лишь в одном прав. В эту разгулявшуюся непогоду все самолеты действительно были на приколе. А дирижабль В-6 продолжал свой полет.

VII

Плыли на высоте двухсот метров. За окнами гондолы снова за клубилась, неохотно отползая, белесая масса. Солнце покинуло их, и надвинувшаяся толща облаков все упрямее прижимала корабль к земле. Снег потускнел, и уже не мчались от него навстречу мириады искорок.

Пока была видимость, старались держаться под облаками, временами цепляли оболочкой за их взлохмаченные уступы, без всяких усилий таранили свисающие на пути бесформенные глыбы.

Внизу, в серой хмурости дня, виднелись все те же заснеженные, покрытые лесом холмы. Сверху казалось, что кто-то перепахал всю эту землю, а заборонить и засеять не успел. И выросли на вывороченных глыбах бурьян и игрушечные елочки.

Неожиданно буераки, навалы снежных сопок расступились, показалось гладкое заснеженное поле – Янд-озеро. Ого, где они уже – скоро Кольский полуостров! Не успели поравняться с озером, как снова вошли в облака.

Снаружи доносился ровный гул моторов. Несмотря на меховые комбинезоны, всех понемножку стал пробирать холод. Поеживаясь, все чаще разминались, чтобы согреться. Сказывалось, что в полете они уже почти сутки.

Запела морзянка, в эфир вышел Мурманск. Ободзинский.

«Коля, имей в виду: не четыре, а две тысячи. Погода изумительная. Играет северное сияние. Команда на месте. Горючее на месте. Что тебе еще надо?»

Как только было получено от правительства разрешение на вылет В-6, Иван Ободзинский специальным самолетом вылетел в Мурманск. По дороге сделал остановку в Ленинграде, подобрал в Управлении Главсевморпути карты Кольского полуострова, необходимые в дальнейшем полете карты Скандинавских стран, Норвежского и Гренландского морей, Исландии, Гренландии, Шпицбергена. За два дня подготовил в Мурманске стартовую команду, подвез на Кильдин-озеро, где В-6 должен швартоваться, горючее, газгольдеры.

«...Не четыре, а две тысячи...»

Гудованцев нахмурился. Впереди Хибины, чтобы пройти над ними, надо будет подняться на высоту тысяча пятьсот метров, а для этого придется сжечь часть газа. И тех двух тысяч кубометров, завезенных на Кильдин-озеро, будет недостаточно. Очевидно, больше газа там нет. Был бы, Иван бы из-под земли достал. Выход искать придется им. Скорее всего надо будет облегчить корабль, отказавшись от какой-то части груза, оставив его в Мурманске. Это не так просто. Все взятое крайне необходимо.

– Передай: пусть приготовит поесть и обогреться, – сказал он ожидавшему ответа Чернову. – Долго задерживаться не будем.

– Есть.

Чернов чуть помедлил.

– Николай Семенович, – вдруг сказал он, – а помните северное сияние на подлете к Свердловску, в декабре, когда мы летали туда? Вдруг среди ночи будто заря занялась, и мерцает то сильнее, то тише... Я сначала ничего не понял.

– Еще бы! – сразу откликнулся Гудованцев. Он посмотрел в окно на появляющийся вдали и исчезающий в облаках горизонт. – Вот так, слева по курсу сияние горит, а справа, помнишь, темнота, и в ней огни новостроек рассыпаны. Удивительное зрелище!..

– Как думаете, застанем в Мурманске? – с надеждой спросил Чернов. – Там же оно во все небо!

– Обязательно, – понимающе кивнул Николай. – Если не в Мурманске, то уж дальше-то увидим, мы же в Арктику летим. Там оно куда более мощное!..

Вася Чернов снова подсел к передатчику. Необыкновенная, фантастическая картина северного сияния захватила воображение. Представились сказочные, неправдоподобные, почти живые нити красок, в трепетном непрекращающемся движении уходящие в бездонную высоту... Очень хотелось увидеть наяву.

...С мальчишеских лет не давало ему покоя желание увидеть, что скрывается там, в далекой неизвестной дали, где он еще не бывал. Родной город Барнаул на Алтае. Летом во время каникул, взвалив на спину рюкзак, отправлялся вместе

с друзьями-одноклассниками в глубь этого дикого, полного тайн края. Они шагали по охотничьим тропам и без троп, стараясь идти по отметинам копыт диких косуль – где прошел зверь, там и человеку легче.

Рядом в прорези гор пенно металась Чара, кричала им:

– Поборемся!

– Поборемся! – отвечали они.

И, раздобыв у местных жителей лодчонки, крепили к их бортам бревна – для устойчивости – и неслись вниз по норовистым перекатам, с головы до ног окаченные ледяными брызгами. Гнулись в их руках шесты, отводя удары о камни.

Гудованцев подошел к Ритсланду и, увидев, с какой озабоченностью тот рассматривает навигационные карты, спросил:

– Что у тебя?

Алексей поднял голову:

– Старые карты, командир, неточные. Большие расхождения с рельефом местности. И они все равно что плоскостные. Смотри. – Ритсланд кивнул в окно. Вдали, в дымке медленно плыли покрытые лесом холмистые гряды. – А на карте одна зеленая низменность.

– Других карт нет, – с сожалением сказал подошедший к ним Мячков. – Мы с Николаем в институте геодезии все переворошили.

– Пока видимость есть, не страшно, – подумав, сказал Гу-

дованцев. – Стемнеет, пойдем выше. Но до Хибин гор здесь не должно быть.

...Забравшись под бьющий заледенелыми краями брезент, Ширшов и Федоров прикручивали к лыжным палкам магниевые ракеты, готовили факелы. Если опять начнет ломать лед, надо же хоть что-то видеть – куда, на какой мало-мальски надежный обломок перебираться.

Угомонится ли хоть немного этот сумасшедший ветер?! С двадцатиградусным морозом он нестерпим, словно теркой сдирает на лице кожу.

Неожиданно ветер выхватил из-под брезента бидон с удовольствием и погнал к полынье. Эрнст метнулся к нему, успел схватить, но, не удержавшись, сам покатился. Только у края льдины сумел ухватиться за спасительную ледышку. Подлетевший Папанин так рванул за малицу¹³, что крепкая оленья шкура затрещала.

– Ближко к краю не подходить, – объявил после этого всем Папанин. – Если что-либо случится с кем-нибудь из вас, считайте: пропали двое, мне тогда тоже нет смысла возвращаться на землю.

Быстро нашел в темноте нужный тюк – полярная ночь научила работать на ощупь. Достал связку черных флажков и тут же стал расставлять по краям льдины, отгораживая пропасть.

¹³ *Малица* – одежда из оленьих шкур.

– Теперь у нас один девиз: смотри да смотри!

...Иван Паньков шел по килю к корме. По бокам, у самой килевой дорожки, в метровые иллюминаторы лился снизу свет, и в них было видно, как под кораблем мерно покачивалась и уходила назад земля – все те же леса, снега... На киле было светло, и глаз привычно охватывал все сразу: отходящие от стальной балки киля шпангоуты, соединяющие их стрингеры – они шевелились на шарнирах, дышали вместе с оболочкой, – подвешенные на шпангоутах красные баки с горючим и маслом, голубые – с балластом, тянувшиеся через весь киль к рулям штуртросы, тросы газовых и воздушных клапанов, идущие к манометрам газовые трубки, трубки бензопроводов – все это кажущееся хаотичным, а на самом деле строго упорядоченное переплетение.

Придирчивым взглядом он осмотрел все до каждой мелочи, проверил натяжение штуртросов, наличие горючего в баках. Все было в норме.

Паньков уже четвертый год летает на этом корабле – с ноября 1934 года, когда В-6 был выпущен дирижабельной верфью. С тех пор корабль был много раз испытан в сложных и дальних полетах. Самое трудное испытание было пять месяцев назад, когда в штормовой ветер, туман, ливневый дождь корабль прошел без посадки и пополнения горючим пять тысяч километров, пробыв в воздухе сто тридцать часов.

Они установили тогда мировой рекорд длительности по-

лета, побив рекорды дирижаблей всех типов – норвежского «Норге» (конструкции Нобиле), английского R-34, немецкого LZ-127. И, возвратившись в порт, рады были увидеть, что корабль в полной исправности и они могут тут же отправиться на нем в новый полет.

Не сразу научились они строить такие мощные, сложные по конструкции корабли, как В-6. Не сразу научились водить их.

Специалистов вначале остро не хватало. Поэтому в Советский Союз были приглашены итальянские дирижаблестроители во главе с прославленным конструктором дирижаблей и командиром-пилотом Умберто Нобиле.

Возглавив конструкторское бюро, Нобиле взялся за дело с горячностью итальянца и деловитостью ученого. Он никогда никому ничего не перепоручал, сам ходил между столами и кульманами, проверял, помогал найти лучшее решение. Порою был упрям, отстаивал свое, непримиримо спорил, как-то особенно чеканно выговаривая трудные для него русские слова. Советские конструкторы, набираясь опыта, с каждым днем все больше предлагали своего и тоже отстаивали. Особенно убежденно отстаивал свои конструктивные предложения ведущий инженер по сборке дирижабля В-6 комсомолец Михаил Кулик. Уловив что-либо ценное, Нобиле отбрасывал горячность и заинтересованно вникал в предложенное.

В-6 по своей конструкции подобен итальянским дирижаблям «Норге» и «Италия», созданным Нобиле. Но он стро-

ился уже из иных материалов, с иной технологией. Для металлического кия, шпангоутов, стрингеров, носового и кормового усиления была использована лучшая, не поддающаяся коррозии легированная сталь отечественного производства. Сварка заменила устаревшую, менее совершенную пайку. В специальной лаборатории каждый узел корабля проходил сложные испытания на прочность.

Итальянцы приехали в Долгопрудный с семьями. Привезли с собой по-южному темпераментную речь и не менее темпераментную жестикуляцию. К непонятному, быстрому и в то же время напевному говору раньше всех привыкли, приняли его как что-то свое дети. Они быстро перезнакомились, в общих играх легко перемешивались русские и итальянские слова, азарт игры сглаживал все недомолвки. А когда из раскрытых окон разносилось: «Марьуча-а! Кончита-а-а! А каза, престо!!!» – все понимали: это же наше – Маша-а, Катя-а, домо-о-й!!

Нобиле приехал без семьи. Только некоторое время спустя, уехав ненадолго в Италию, вернулся оттуда с дочкой – пятнадцатилетней, синеглазой, черноволосой красавицей Марией. На рукаве у него появилась черная траурная повязка: в Италии он похоронил жену.

Жил он замкнуто. Вечерами можно было видеть его неторопливо шагающим по дощатым тротуарам поселка (ни булыжника, ни тем более асфальта тогда еще не было). Он уходил по улице далеко, к самому парку, а вернее, к их долго-

прудненскому лесу, по-прежнему густому, тенистому, с пробитыми уже кое-где аллеями.

Худощавый, подтянутый, с седеющей головой и пронизательным взглядом черных очень живых глаз, в которых пряталась никогда не оставляющая его боль пережитой трагедии – катастрофы дирижабля «Италия».

Из-за отворота серого английского кроя пальто, поблескивая золотым зубом, выглядывала его любимица – маленькая белая с черными пятнами собачонка. Титина! Он с ней никогда не расставался, она была как бы его талисманом, во всех полетах неизменно была с ним.

Он спускал ее на землю, она носилась, задиристо лая, а вокруг нее крутились ребятишки, в восторге крича:

– Титина, покажи свой зуб!

Незаслуженно униженный за постигшую его неудачу, преследуемый фашистским правительством Муссолини, Нобиле на советской земле нашел понимание и достойную оценку своей работы, таланта конструктора – создателя дирижаблей. В ответ на бескорыстную помощь, которую оказала ему Страна Советов в страшную минуту постигшей его экспедицию катастрофы, он отдавал все свои силы и знания советскому дирижаблестроению.

...Нобиле довелось дважды участвовать в арктических полетах на дирижабле к Северному полюсу.

Первый на дирижабле «Норге» состоялся в 1926 году. Организовал и возглавил его великий норвежский исследова-

тель Руал Амундсен (за год до этого Амундсен пытался достигнуть полюса на двух гидросамолетах, но его постигла неудача).

Дирижабль «Норге» конструкции Нобиле был куплен в Италии на деньги американца Элсворта, который сам принял участие в полете, Нобиле летел командиром корабля.

Старт состоялся в городе Кингсбей (архипелаг Шпицберген). Нобиле благополучно провел дирижабль над Ледовитым океаном, над Северным полюсом и посадил на Аляске. За этот полет ему был присвоен чин генерала.

В 1928 году Нобиле предпринял второй полет к Северному полюсу, уже как руководитель экспедиции и командир дирижабля «Италия».

Стартовал опять из Кингсбея. Полет этот закончился трагически. Долетев до Северного полюса, дирижабль два часа кружил над ним. Сильный ветер так и не дал возможности высадить на лед группу ученых для проведения океанографических и астрономических наблюдений, как это предполагалось сделать. На обратном пути к Шпицбергену дирижабль неожиданно стал резко терять высоту. Никакие принятые меры не помогли. От страшного удара о торосы гондола оторвалась, и десять человек (в их числе и Нобиле) оказались выброшенными на льдину. Один из них – моторист Помелла – был убит при падении. Остальные в разной степени ранены. Шестеро из экипажа были унесены облегченным дирижаблем и бесследно исчезли. По счастливой случайности

сти на льдине вместе с уцелевшими людьми оказались запасы продовольствия, палатка и запасной коротковолновый радиопередатчик.

Десять дней мир ничего не знал о судьбе дирижабля и находившихся на нем людей. Радиостанции многих стран, тысячи радиолюбителей с волнением искали в эфире, звали исчезнувший корабль. Ответа не было. И вдруг на десятый день молодой советский радиолюбитель из деревни Вознесенье-Вохма Северо-Двинской губернии комсомолец Коля Шмидт своим самодельным коротковолновым приемником поймал неясные обрывочные позывные дирижабля «Италия» и «SOS».

Корабли и самолеты Норвегии, Швеции, Финляндии, Советского Союза, Франции поспешили на помощь терпящей бедствие в Ледовитом океане экспедиции. Советский Союз направил в предполагаемые районы катастрофы ледокольные пароходы «Малыгин», «Седов», «Персей» и самый мощный в мире ледокол «Красин». На борту «Малыгина» и «Красина» находились самолеты лучших полярных летчиков: Михаила Сергеевича Бабушкина и Бориса Григорьевича Чухновского.

Одно лишь фашистское итальянское правительство не спешило с оказанием помощи своим соотечественникам. С самого начала отказавшись субсидировать эту экспедицию, оно отнеслось к ней как к частному мероприятию и даже создавало немало препятствий при ее подготовке. Правда, в

случае удачи, как это было уже при полете «Норге», успех экспедиции был бы тут же приписан фашистскому режиму и считался бы успехом этого режима. В случае же неудачи...

Нобиле было отказано в получении двух гидропланов, которые могли бы стоять в Кингсбее наготове на случай беды, хотя авиационная фирма согласна была предоставить их бесплатно. А когда беда случилась и норвежское правительство предложило Италии поставить во главе спасательных работ Руала Амундсена, как никто другой знавшего сложные арктические условия, итальянское правительство отказало и в этом. Прилетевшие из разных стран на Шпицберген летчики вынуждены были действовать в одиночку, несогласованно, каждый по своему усмотрению. Амундсен все же вылетел на поиски Нобиле на французском самолете «Латам». Но до Шпицбергена он не долетел. Самолет бесследно пропал, потерпев аварию где-то в океане.

Командир стоявшего у Шпицбергена вспомогательного итальянского судна «Читта ди Милано», которое являлось базой экспедиции, полностью бездействовал. Радиист с «Читта ди Милано» выходил на связь с лагерем Нобиле лишь раз в сутки, да и то на такое короткое время, что радиист лагеря не всегда успевал сообщить координаты. А из-за непрерывного дрейфа льдов они все время изменялись.

Почти месяц прошел, прежде чем летчикам удалось обнаружить затерявшийся во льдах лагерь потерпевших катастрофу. Еще через четыре дня шведский летчик Лундборг

смог опуститься на своем легком самолете на льдину и вывезти раненого, с переломанной ногой Нобиле.

Как и положено командиру, Нобиле намеревался покинуть льдину последним, так он и записал в составленном им списке очередности вывоза людей. Но Лундборг наотрез отказался взять на борт кого-либо другого, заявив, что у него приказ командования вывезти в первую очередь именно Нобиле. Нобиле заколебался. Зная о полной бездеятельности капитана «Читта ди Милано» Романья, он рассчитывал, что, прилетев в Кингсбей, получит возможность принять самые действенные меры по спасению своих товарищей – и тех, что сейчас находились с ним на льдине, и группы шведского ученого Финна Мальмгрена, месяц назад ушедшей из лагеря по льду в направлении земли, и тех, кого унес при катастрофе искалеченный, неуправляемый дирижабль. Посоветовавшись с товарищами, он согласился лететь. Какой же ценой пришлось ему потом расплачиваться за это решение!

Едва он очутился на «Читта ди Милано», как тут же был отстранен от всех дел. По существу, он очутился под домашним арестом. Отдавать распоряжения он уже не мог, его советы игнорировались. Он мог лишь умолять летчиков лететь – во имя человечности! Он просил взять его с собой, потому что лучше кого-либо другого мог навести самолет на лагерь! Но и в этом ему было отказано. Все действия по спасению потерпевших катастрофу людей намеренно затормаживались.

Вся надежда оставалась на советские ледоколы и советских летчиков. Ледокол «Малыгин» шел с восточной, наиболее трудной в ледовом отношении стороны Шпицбергена. Летчик Бабушкин, проявляя чудеса в искусстве пилотирования, непрерывно летал в разведывательные полеты. Но частые туманы препятствовали поискам, ему приходилось делать вынужденные посадки на незнакомый, уже сильно подтаявший лед. Пятнадцать раз он совершал такие посадки, пока не доломал лыжи на самолете и вынужден был прекратить вылеты.

А Чухновскому выпала удача. Ледокол «Красин», шедший с западной стороны Шпицбергена, сумел пробиться сквозь тяжелые льды до таких широт, куда до него не доходил еще ни один корабль. У ледокола сломалась лопасть винта, повредился руль, в любую минуту льды могли проломить его стальные бока. Аварийный запас продовольствия и горючего, палатки и спальные мешки уже были сложены на палубе на случай катастрофы. А они все пробивались. Понимали: если не пройдет «Красин», никакому другому кораблю тут уже не пройти.

Через полтора месяца со дня катастрофы, 10 июля, на трехмоторном самолете «Красный медведь» поднялся в воздух летчик Чухновский. Пролетав в безрезультатных поисках более двух часов, он уже повернул назад, когда бортмеханик Шелагин, чуть не задохнувшись от радости и волнения, вдруг закричал: «Люди!» Это была никем еще не об-

нарушенная группа Мальмгрена, о судьбе которой после ее ухода из ледового лагеря не было абсолютно ничего известно. Посадить тяжелый самолет на мелкобитый лед Чухновский не мог. Из-за налетевшего тумана не смог он и вернуться к ледоколу. Горючее было на исходе, и ему пришлось сделать вынужденную посадку на ледяном припае у пустынного острова Вреде, поломав при этом шасси и винты. Но он сумел передать на «Красин» по радио координаты увиденных им людей. От помощи себе категорически отказался. «Считаю необходимым «Красину» срочно идти спасать Мальмгрена», – радировал он. «Целую Чухновского!» – пришла короткая радиограмма от Нобиле.

Через два дня «Красин» поднял на борт двух итальянских офицеров – Цаппи и Мариано. Мальмгрена уже не было в живых. Раненный при катастрофе, он не вынес тяжелого перехода через ледяные торосы и погиб в пути. В тот же день «Красин» снял со льдины и основную группу пострадавших – пять человек. Радости спасенных и тех, кто пробивался к ним чудовищно трудным ледовым путем, не было границ...

«...Бог спас их руками безбожников», – сказал об этом потом папа Пий XI.

Судьба третьей группы, унесенной дирижаблем, – группы Александрины – продолжала оставаться неизвестной. Несмотря на полученные повреждения, «Красин» готов был продолжать поиски. Руководитель экспедиции Рудольф Лазаревич Самойлович обратился к капитану Романья с прось-

бой выделить ему два самолета, без которых продолжать поиски было невозможно. Капитан Романья отказал, ответив: «В соответствии с указанием моего правительства не считаю необходимым идти на поиски третьей группы».

«На фоне этих гнусных поступков еще ярче сверкает легендарный подвиг «Красина», подвиг, который останется в анналах истории полярных исследований непревзойденным примером солидарности людей», – сказал впоследствии Нобиле.

При возвращении «Красина» все встречавшиеся с ним корабли поднимали флаги в знак великого уважения к отважным, самоотверженным морякам Страны Советов.

Устранив в Норвежском порту полученные повреждения корабля и самолета Чухновского, «Красин» снова ушел во льды Арктики и искал группу Александрины до поздней осени, избородив многие километры ледового океана. Только когда арктические морозы стали накрепко сковывать льды и дальнейшие поиски были уже совершенно невозможны, ледокол повернул назад.

За неудачу экспедиции Нобиле был сразу же лишен генеральского чина, который он получил за полет на «Норге». А по возвращении в Рим был даже судим. Вскоре был подписан приказ о его отставке. Герой, потерпевший неудачу, фашистскому правительству был не нужен. Тем более что Нобиле никогда не скрывал своего неприязненного отношения к фашистскому режиму. (Долгое время он был в эмиграции,

вернулся на родину только после падения фашизма. В 1946 году Нобиле баллотировался в Учредительное собрание как независимый, по списку коммунистов.)

...Когда В-6 был построен, Нобиле много летал на нем, консультировал экипаж в полете. Летал и когда необходимость в консультациях отпала, когда командиры и штурманы полностью освоили особенности вождения этого корабля. Нобиле любил летать, у него сразу поднималось настроение, как только он входил в гондолу. Он был горд, когда видел красивое решение командирами и штурманами какой-либо аэронавигационной задачи. Был строг в соблюдении дисциплины, зная, как важна она в полете. И все же одну вольность, недозволенную другим, себе разрешал. Не дожидаясь посадки корабля, еще на стометровой высоте, распахнув дверцу гондолы, стоял в проеме, наслаждаясь прекрасным ощущением полета – какой-то очень легкий, праздничный, в своем неизменном синем свитере, с развевающимися на ветру густыми волосами. Титина, преданно поглядывая на него, вертелась тут же, у его ног.

Ох уж эта Титина! Удивительно, как свято верил Нобиле в инстинкт и чутье своей собачонки. Он, и садясь в корабль, первой пускал ее, и входил в гондолу лишь после того, как Титина вскарабкается туда по трапу. Если же она не желала лезть, крутилась возле гондолы и всячески увиливала, он даже отменял полет. Он говорил: «Если бы я послушался Титину тогда, в Кингсбее, не было бы того несчастья...»

А на корабле от этой неугомонной собачонки никому не было покоя. В течение всего полета она шныряла по тесной гондоле, лезла под ноги, мешала работать.

Как-то Миша Никитин перед отлетом возился с масляными фильтрами, протирал, очищал их. А Титина тут как тут – лезет, нюхает, фыркает от неудовольствия...

– Топай, топай отсюда, – внушал он ей.

Только прогнал, а она вынырнула с другой стороны, маленькая, настырная, поблескивает золотым зубом, словно подсмеивается. А потом хватъ лапой, и смахнула все фильтры на пол.

– Ну, погоди, я тебя проучу! – не выдержал Миша. – Митя, встань, загороди, чтобы никто не видел, – попросил он Матюнина.

И когда тот, заговорщицки усмехнувшись, загородил его собой, схватил собачонку за шиворот, сунул в мешок и отнес в кладовку.

– Посидишь весь полет, может, поумнеешь.

Но не тут-то было. Нобиле сразу же хватился своей любимицы. Заволновался, стал искать.

– Где Титина?

– Нет Титины.

– Пока не найдется, не вылетим.

Пришлось вытряхнуть торжествующе залаявшую собачонку из мешка. Только после этого корабль пошел в воздух.

...Проработав в Долгопрудном около пяти лет, Нобиле

возвратился на родину. К тому времени на дирижабельной верфи уже были заложены новые корабли еще большей мощности по проектам советских конструкторов – ДП-16, ДП-9 (дирижабль полужесткий) емкостью 28 тысяч кубометров.

«...Пребывание в России принадлежит к счастливейшим периодам моей достаточно трудной жизни», – сказал позже о своей жизни и работе в нашей стране Умберто Нобиле.

...Плотно застегивая комбинезон и шлем, в рубку вошел Устинович. Окинул взглядом открывшийся перед ними широкий обзор. Солнце еще не село, лишь впереди, у горизонта, сгущались темные краски. Земля была видна хорошо. Сплошные облака немного приподнялись, дав кораблю какой-то простор.

– Иду на хребет, – сказал он штурвальным.

Те согласно кивнули. Значит, будут особо следить за ровностью хода корабля, не давать ему вскидываться.

Поднявшись в киль, Устинович прошел на нос корабля. В мягком свете плафона слегка поблескивало нержавеющей сталью ажурное переплетение носового усиления оболочки. В колодец между газовым отсеком и носовым усилением уходила вверх веревочная лестница. Перехватывая дюралевые перекладины, Устинович полез по ней. Он лез на самый купол летящего дирижабля. Этого требовала его работа корабельного инженера.

Добравшись до верха, открыл люк в оболочке, высунул

наружу голову, плечи, привыкая к упругости ветра, который ударил его в затылок. Перед ним простирался покрытый снежной коркой хребет корабля, он мерно покачивался, опускался в глубину, снова всплывал, как огромная океанская рыба. По хребту, вдоль всей оболочки тянулся пеньковый канат, сейчас он был облеплен жестким снегом.

Устинович нащупал с боку лесенки мешочек с песком, взял его и, схватившись за канат, вскарабкался на оболочку. Постоял немного, входя в ритм движения корабля, и, слегка наклоняясь, принаравливаясь к бьющему в спину ветру, пошел, пружинисто ступая. Снег звонко захрустел под ногами. Снежные корочки, разламываясь, с шуршанием заскользили по пологим бокам, сначала медленно, потом все ускоряя бег, пока где-то на крутизне не срывались стремительно в пустоту. Володя видел перед собой далеко уходящий к корме хребет корабля и каким-то вторым, боковым зрением эти скользящие кусочки снега, пустоту с обеих сторон, далекие контуры горизонта...

Он шагнул в сторону от каната, нагнулся, очистил от неподатливого снега небольшое углубление – колодец, где находился клапан, – послушал, не свистит ли, вырываясь сквозь щелку, газ. И, убедившись, что не свистит, все же постучал легонько мешочком с песком по клапану, чтобы предупредить образование малейшей щелочки.

Вернулся к канату. Пошел дальше, просматривая целость перкаля. По всей длине оболочки В-6 расположено десять

клапанов. Кроме носового и кормового, они стоят попарно.

Газовые клапаны, пожалуй, самое уязвимое место в конструкции дирижабля. Большие встряски корабля, треплющий его ветер беспрестанно влияют на них, нарушая герметичность. Как знать, может, именно из-за них произошла катастрофа с дирижаблем «Италия»?.. Конструкторы немало поломали над ними головы и в конце концов сконструировали более надежные, автоматические. Их уже ставят на вновь строящихся кораблях. Но на этом корабле пока еще приходится, поднимаясь на хребет, заботливо ухаживать за постоянно требующими к себе внимания устройствами.

Устинович шагал по хребту этого почти «живого», лениво шевелящегося великана, настороженно следя за ним. Корабль вел себя дружелюбно, лишь иногда, как бы подразнивая, заваливался немного набок. Устинович осмотрел четвертый и пятый клапаны, шагнул к следующей паре. И вдруг его резко качнуло. Он увидел, как корма, вздыбливаясь, пошла на него горой. Вздыбились и метнулись в сторону облака. Реакция у него сработала мгновенно, он кинулся грудью на канат, вклеивая тело в оболочку, схватил канат руками, а ноги, отыскивая упор, скользили, не находя его. Нет, не зря он был все время настороже! Хребет дирижабля не палуба морского корабля. Там есть леера (перила), а здесь, кроме лежащего на хребте каната, ничего...

Корма остановилась на мгновение, плавно повела рулями и, как бы вздохнув, пошла вниз. Корабль выровнялся и как

ни в чем не бывало поплыл дальше. А Устиновичу пришлось расстегнуть ворот комбинезона – несмотря на мороз и ветер, стало жарко. Выждав немного, он поднялся и зашагал дальше.

Дойдя до кормы, обошел стабилизатор, проверив на ощупь натяжение расчалок. И, усевшись на хребте, достал бинокль, приложил его к глазам. Находящиеся ниже его рули, идущие к ним штуртросы, ролики вплотную придвинулись к нему. Внимательно оглядел все. Главное – ролики, чтобы штуртросы не соскочили с них. Убедившись, что все в норме, убрал бинокль.

Над головой всклокоченные облака. Багровое пятно солнца, пробившись где-то у горизонта, кинуло на них розовые краски. Серые, нахмуренные, они вдруг зарделись. От них заиграла багряным цветом и оболочка корабля. Но ненадолго. Скоро все стало тускнеть. Внизу все затянуло сизой дымкой, накрывшей темные пространства лесов, снежные просветы полей. Там уже подступала ночь.

А здесь было еще светло и очень хорошо. И такой невероятный, хватающий за душу простор вокруг!

Корабль медленно поднимался и опускался на большом дыхании. Спокойно, по-прежнему дружелюбно, и не подумаешь, что только что он чуть было не сыграл с ним злую шутку!.. Ветер хотя и напористо, но приятно обдувал. Уходить с «крыши» не хотелось. Но темнело очень быстро, земля становилась почти невидимой. Устинович поднялся.

Спустившись в гондолу, доложил Гудованцеву:

– Командир, наверху порядок.

Гудованцев удовлетворенно кивнул. Потом сказал громко всем, кто был в гондоле:

– На Кильдин-озере нас ждут. Заправка займет полчаса.

И дальше, на север!

С кия после короткого отдыха спускались Паньков, Почекин, Мячков. Скоро смена вахт.

VIII

Двери квартир в этот день беспрерывно распахивались. 6 февраля – выходной, и все дома. Но у себя никому не сидится. Ведь в этом доме живут только дирижаблисты – волнения здесь одни на всех, и судьбы здесь так тесно переплелись, что каждый понимает другого без слов.

Вчера проводили в полет В-6. Ни один корабль не улетал еще в такую ожесточенную погоду. Но никогда еще и не было у них такого неотложного полета.

Все скрывали тревогу, прятали и от себя и от других. Женщины брались за домашние дела – их ведь всегда много, – старались только о них и думать.

Вернулась с дежурства Аня Чернова, радист их порта. Радостная, еще поднимаясь по лестнице, крикнула всем, кто там был:

– Полет идет хорошо. Прошли Петрозаводск. Погода наладилась. Я с Васей говорила. Всем привет!

И застучала ботиками к себе наверх.

– У Коли все в порядке! – крикнул сестрам Сашка Гудованцев и, перескакивая через две ступеньки, умчался на улицу.

Следом на площадку выскочила Нюся. Глянула по сторонам – подружек нет, кому бы рассказать хорошую новость. И, запахнув пальтишко, мурлыча Колину любимую «Ночень-

ку», тоже побежала вниз.

Вчера так же стояла она здесь, прислонившись к двери, когда Коля уходил, и смотрела ему вслед, ждала, когда на повороте лестницы он махнет ей на прощание. А в квартире патефон протяжно и грустно играл: «...Ах ты, ноченька, ночка темная!..» Коля попросил ее поставить эту пластинку, пока он собирается в дорогу. И она запустила ее – один раз, а потом во второй и в третий... А когда внизу, в парадном, за Колей захлопнулась дверь, она побежала в комнату и, взобравшись на окно, открыла форточку, чтобы Коле слышно было, когда он будет проходить мимо...

Из квартиры напротив, вытирая мокрые руки, выглянула Шура Панькова.

– Ой, слава богу, а то места себе не находила!

У Шуры день сегодня особенный, у них с Ваней сегодня праздник, даже двойной. Но сейчас она не хочет об этом думать. Вот вернется Ваня, тогда уж...

А пока дала дочурке тряпочку – помогай, будь при деле. А сама на кухню.

Во всей квартире сейчас пусто, кроме них с Люсей, никого нет. Давид Градус и Миша Никитин там же, на В-6. Валя Градус уехала с Ниночкой в Ленинград, к родным, она еще и не знает об этом полете. Аня Никитина, несмотря на выходной, уехала в Москву, на работу, вернется поздно. Она всегда поздно приезжает, Миша горюет: совсем не видимся. И мечтает:

– Летом, в отпуск, увезу тебя в Гагры!..

Долго Шура вдвоем с дочуркой быть не пришлось. В заброшенном на плечи пальто, принеся с собой морозный дух и снег на валенках, прибежала сестра Маруся, жена Володи Устиновича.

– Не могу дома одна, – поеживаясь, сказала она. У Маруси с Володей, можно сказать, еще не прошел «медовый месяц», они на ноябрьские праздники поженились. Тогда тут сразу две свадьбы играли: Маруси с Володей и Миши Никитина с Аней. Веселого шума было – на всех этажах, до самого верха!

– Это что за послание?

Маруся подняла упавший на пол листок бумаги. Шура расхохоталась:

– Ваня написал, прочитай-ка!

– «Шуруп, вернись, керосинку отмою. Ты не трогай».

– Это он утром молоко поставил, – объяснила Шура, – а сам стал бриться. И не углядел. Как же, буду я дожидаться!

Она уже терла толченым кирпичом закоптелые, в накипи бока керосинки.

«Как ему жалко всегда бывает упущенного времени, – думала Шура, – видно, это потому, что ему самому времени всегда так не хватает!»

Она вспомнила, как однажды, застав ее за штопкой огромной груды чулок, он покачал головой, а потом сказал:

– Эти часы из твоей жизни... Их не вернешь. Мы имеем возможность чулки купить новые.

Сгреб всю охапку – и в печку! (Они тогда еще в старом доме жили.)

Проводить Ивана в этот полет Шура не смогла. Не разрешил, как ни просила. Волновался за нее и за будущего сына. В том, что будет именно сын, оба уверены, только еще не решились, как назовут...

Она перебегала тогда от одного окна к другому, вслушивалась в свист ветра, стараясь уловить в нем гул моторов, высматривала ходовые огни поднявшегося корабля...

– Погода-то вон какая хорошая, гулять пойдем, – этажом выше говорила, заворачивая малышку в одеяло, Ксения Кондрашева. – Это вчера была метель, а сейчас и у них прояснилось. Не-ет, я за них спокойна. – Ксения приостановилась, глянула в подернутое инеем окно. – Ведь перед отлетом всю оболочку еще раз осмотрела, в эллинге на стремянках всю облазила, каждый шов, каждую связку проверила. Глупенькая, разве ты знаешь, что такое оболочка? Это ведь в корабле самое главное.

Ксения окинула взглядом комнату – ничего не забыла? Вдруг какой-то непроизвольной волной нахлынуло воспоминание: как они здесь поселились год назад.

Они были так рады, что получили свою комнату! Пришли в нее в первый раз – втроем (Колин брат Жора тогда с ними жил). В комнате ничегошеньки нет, пусто. Коля кинул на пол кожаный реглан, уселись на него. А что дальше?

– Так и будем сидеть сложа руки? – встрепенулся Коля. –

Ну-ка, Жора, бери деньги, беги в магазин, будем новоселье справлять.

И тут вдруг стук в дверь:

– Чего же на полу сидите? Вот вам табуретка, у меня лишняя.

И опять стук. Откуда-то стол появился. Потом топчан. Посуда самая разномастная... Когда Жора вернулся из магазина, стол уже накрывали по-настоящему. И все вокруг него.

Ксения вдруг встрепенулась:

– Нет-нет, нечего нам с тобой бояться, все у них будет хорошо! Коля нам обеим наказал, когда уходил: будьте всегда веселыми! И еще в дверях обернулся: – «Слышишь, Жучок, что бы ни случилось, всегда будь веселой!»

На улице зажмурилась от яркой белизны снега – за сутки его нанесло столько! По протоптанной глубокой тропке навстречу ей, смешно переваливаясь, катился пушистый меховой шарик. За красный шарфик, как за вожжи, придерживала этот «шарик» мама – Надя Лянгузова. Она нетерпеливо смотрела на Ксению.

– Все хорошо, не волнуйся, – поспешила успокоить ее Ксения, – они уже Петрозаводск прошли.

Над женщинами было ясное, чуть прикрытое дымкой небо. Они молча смотрели на него. Пусть оно все время будет таким для В-6! До самой цели!..

...Вечером, будто сговорились, к Вере Деминой одна за

другой стали приходиться подруги: Женя Ховрина, Люда с мужем Сашей Ивановым, Катя Коняшииа...

– Ой, девочки, как хорошо, что пришли! – обрадовалась Вера. – Так грустно одной было. Давайте чай пить. Люда, доставай чашки.

И побежала на кухню ставить чайник. Потом бережно собрала со стола брошенные там блокноты, исписанные листочки, переложила на заваленный грудой ватмана, угольниками, линейками письменный стол.

– Сережа сказал: «Ничего не трогай, прилечу, доделывать буду».

Придвинули к столу стулья. Завесили газетой абажур, чтобы свет не падал на спящую Аллочку. Только голоса приглушить было трудно. Они произвольно то и дело вырывались громче, чем надо.

Тут собралась почти вся их летная девичья компания. (Саша не в счет). Ведь теперь они – первый в мире женский экипаж дирижабля. Вера – командир дирижабля В-1. Люда – пилот-штурвальный. Женя их бортмеханик. Не хватает сейчас только бортрадиста Ани Черновой.

Они уже летают самостоятельно, своим экипажем.

В день 1 Мая участвовали в параде, в кильватерном строе дирижаблей проплыли над Красной площадью. А потом весь вечер низко летали над праздничной Москвой.

Сейчас всем им так хотелось бы быть на В-6! Очень уж трудно переживать со стороны.

Как там сейчас? Ведь В-6 первым летит в Арктику в зимнее время. Летавшие до него дирижабли «Норге», «Италия», «Граф Цеппелин»¹⁴ были в Арктике летом, когда там полярный день, все время светит солнце. В-6 полетел в полярную ночь, чтобы не опоздать.

У этих парней с В-6, своих товарищей, девушки учились мастерству вождения корабля, умению не теряться в непредвиденных обстоятельствах, а трудные ситуации у них бывают нередко, когда в доли секунды надо принять решение и действовать. Люда много летала пилотом-штурвальным у Гудованцева (теперь квалификационной комиссией присвоено ей звание помощника командира). Вера, до того как стать командиром, летала помощником командира у Демина. Хорошо было в небе с ним рядом, надежным, сильным и требовательным! Даст ей штурвал глубины, самый ответственный, и отойдет, будто не смотрит, справляйся! А сам весь начеку, готовый прийти на помощь. И ведет она легко, смело, сама не верит, что корабль ее слушается!

¹⁴ Экспедиция в Арктику на дирижабле «Граф Цеппелин» в 1931 году была совместной германо-советской научной экспедицией. Руководителем научной части экспедиции был советский ученый, полярный исследователь Р. Л. Самойлович. Кроме него, советскую группу представляли: известный аэролог, изобретатель первого в мире радиозонда профессор П. А. Молчанов, один из ведущих специалистов по дирижаблям, инженер Ф. Ф. Ассберг, и радист Э. Т. Кренкель. Стартовав в немецком городе Фридрихсгафене, «Граф Цеппелин» пролетел по маршруту: Земля Франца-Иосифа (делая остановку в бухте Тихой) – Северная Земля – мыс Челюскин – остров Диксон – Новая Земля и возвратился обратно в Германию.

А в начале-то даже поступить в воздухоплавательную школу девушкам было не так-то просто.

– Благодарю моего Колю, что тебя приняли, – рассмеялась Катя. – Они с Мишей Никитиным тогда в приемной комиссии сидели.

Как Вере хотелось летать! Это было первое в ее жизни самостоятельное решение. Вполне серьезное. А ей не поверили, уж слишком зелена была. Сказали: подрасти сначала. Она, конечно, в слезы, хоть и старалась изо всех сил сдержаться.

Коняшин и Никитин увидели в ней что-то такое решительное, что сердца их дрогнули. И она была принята, правда, условно, вольнослушательницей.

На занятия она прибегала раньше всех. Любое задание выполняла так, как будто оно и есть самое важное. Любой наряд: промывать ли в керосине заржавевшие коробки от приборов, картошку ли на кухне чистить – пожалуйста! Только бы не выгнали!

А первый полет на аэростате!

– Вер, ты помнишь его?

– Еще бы!..

Надо же – первый полет – и почти катастрофа! Не всякая стала бы после этого снова летать.

Они стартовали тогда в Останкине. В корзине два парня и Вера. Когда сбросили часть балласта, земля сразу ушла вниз, Москва вдруг показала свои крыши, качнулась там, уже да-

леко... И все. Дальше они услышали странный свист и треск рвущегося перкала. Аппендикс – тот самый, что придумал на их беду Шарль – оказался завязанным (а должно ему было быть развязанным), и образовавшееся на высоте сверхдавление в шаре разорвало оболочку. Спасло только то, что нижняя часть лопнувшей оболочки мгновенно втянулась внутрь, образовав вместе с верхней частью купол, как бы парашют. Они быстро выбросили за борт тяжелые мешки с балластом, приборы, все, что можно было...

Все же удар о землю был основательный. Не сразу пришли в себя. Но ни ног, ни рук никто не поломал, а синяки да шишки не в счет.

Упали посреди площади, где трамвай делает кольцо, чуть не на головы прохожих. Тотчас же к ним подбежал возмущенный нарушением порядка милиционер. Тяжело переводя дух, сердито сказал:

– Надо знать, где садиться! Нарушаете...

Но, увидев смущенные, расстроенные лица, разорванную оболочку, сразу подтянулся, отдал честь:

– Прошу прощения.

И обернулся к сбежавшимся людям:

– Граждане, граждане, расходитесь. Ну, чего не видели? Обыкновенный воздушный шар.

– Мы тогда решили: «Ну все, больше Верка в корзину не полезет», – потягивая из блюдечка чай, забасил Саша.

– Да нет, – засмеялась Вера, – все произошло так быстро,

я даже испугаться не успела. А потом мы зачинили, заштопали оболочку и через неделю продержались в воздухе уже восемнадцать часов.

Да, девушки умели встречать опасность и в решительный момент делать именно то, что нужно.

А прыжки с парашютом! По-разному к ним привыкали. Кто быстро, кто не очень. Миша Никитин, заядлый планерист, перед прыжком неизменно бурчал:

– Пусть медведь прыгает, у него четыре лапы! – И... прыгал.

– Ой, девчонки, а как мы все без памяти в Колю Гудованцева влюблены были?! Саш, ты не слушай! – вздохнула Люда.

– Еще бы! – загорелась Женя. – И боялись! Как глянет синими глазами...

– Помните, как расхрабрились, пригласили его в Большой театр? – продолжала Люда. – Раздобыли четыре билета. В ложу! Я вот, Вера, Женя... Сидим в ложе, ждем. Его нет. Уже свет стал гаснуть, сейчас увертюра начнется. Вдруг вбегает... Запыхался, вспотел... наш старый начальник порта. Плюхнулся в кресло, скосил глаза: – «Так это вы-ы тут?! А я-то думал... У Николая полет. Отдал билет мне. Иди, – говорит, – в великолепную компанию попадешь!»

– А что, плохая компания? – вспыхнула Вера. – Нам тогда только-только парадную форму выдали. Весь Большой театр на нас засматривался!

– Хотите, покажу одну вещь?.. – таинственно подмигнула Вера и, вынув из-за спины, кинула на стол толстую, сшитую грубыми нитками тетрадь.

– О-о, журнал Воздухоплавательной школы! – уважительно повертел его в руках Саша. – Год 1930-й. Сейчас посмотрим. Та-а-к, прямо, Вер, на тебя и попал. «Объявить выговор Митягиной В. Ф. за озорство в столовой...» Неплохо. Идем дальше. «За баловство в строю поставить на вид Чаадаевой Е. В.». Это тебе, Катя.

– Ну-ка, ну-ка, дай сюда, тут и про тебя, наверно, найдется.

Катя схватила журнал.

– Вот, пожалуйста: «...Иванову А. И. и Эйхенвальд Л. В. за хищение тарелок в столовой...» Ого!..

– Так это же из-за вашего пса Цеппелина, – пробурчал Саша. – Подобрали этого лохматого бродягу! Надо же было его из чего-то кормить.

Несмотря на столь пышное имя, пес был на редкость непредставительный, но удивительно добродушный и привязчивый, невозможно было не откликнуться на его ласку.

– А здесь вот что, смотрите. – Катя высоко подняла журнал. – «...поставить в пример выдержку и самообладание Эйхенвальд Л. В., проявленные ею в аварийной ситуации полета». Это когда в гондоле вдруг запахло горелой резиной и все бросились выяснять причину, помните?

Минута была тогда очень тревожной. Где горит? Что?

Стоявшая у штурвала Люда не повела глазом – делала свое дело, вела корабль.

...В квартиру заходили новые люди – их друзья. Сережа Попов, Володя Шевченко. Вчера все так были огорчены, что не им довелось лететь. Володя находился в моторной гондоле, помогал запускать мотор. Вот уж кому не хотелось сойти с корабля! С досады даже шмякнул ушанку оземь. На корабле улетели лучшие друзья: Сергей Демин, Тарас Кулагин... Но сейчас ничего, все смирились. Нельзя же всем лететь на одном корабле.

Подсаживаясь, рассказывали разные истории. Как всегда, было шумно, говорливо и компанейски, быть может, даже слишком говорливо? Все же каждому чего-то не хватало.

– Эх, Сережки нет, – посетовал Володя Шевченко. – Без него что-то все не то...

Кутаясь в теплый платок, в дверях показалась Тоня Новикова.

– Ой, сколько вас тут, я и не думала...

– Заходи, заходи.

Вера вскочила наливать еще чаю.

За столом все потеснились. Тоня откинула на плечи платок.

Люда подошла к стене, осторожно сняла зазвеневшую в руках гитару.

– Тонь, спой, а?

– Аллочку разбуджу, – колеблясь, посмотрела на детскую

кроватьку Тоня. – Ну ладно, я тихонько. Хотите, Костину любимую?

Знали: ее Костя ни петь, ни играть не мастак. Но вот слушать... Не даст Тоне пол вымыть, отберет тряпку – сам пою!

Тоня заберется на кушетку, возьмет гитару и поет ему. Он драит пол – старательно, размашисто, как всегда все делает. Остановится, поднимет голову, улыбнется, – пой еще!..

...Дорогой длиною
да ночью лунною...

Все чуть слышно стали подпевать Тоне, сливая голоса, тревоги свои...

Вера наклонилась над кроватью.

– Всего несколько дней потерпим, Алка, а? Всего несколько дней, и Сережа вернется!

...Давно погашен свет в тесной комнатке трехэтажного дома на улице Разина. Раскачивающийся на ветру фонарь бросает украдкой с опустевшей улицы пучки света на приоткрытую стену.

Обхватив колени руками, прильнув к ним подбородком, сжалась тугим комочком на диване Лена. Рядом разбросанные, так и не раскрытые учебники.

За окном, как и вчера, мечутся в диком хороводе, ищут себе пристанище бесприютные снежинки. Лена смотрит на них неотрывно...

IX

В шестнадцать часов на корабле была произведена последняя перед Мурманском смена вахт. К штурвалу глубины встал Иван Паньков, к штурвалу направления Виктор Почекин. Штурман Георгий Мячков сменил Алексея Ритсланда. Всего лишь час отдыха в гамаках, кажется, и вздремнуть-то не успели, а встали освеженные, в каком-то особенно приподнятом настроении. Паньков, обыкновенно не позволявший во время вахты ни себе, ни другим ни малейшего размагничивания, тут, повернувшись к друзьям, как-то особенно лихо подмигнул:

– Скоро конец земли!

Мячков и Почекин поняли. За Мурманском действительно земля кончается, и они пойдут над северными морями – сначала Баренцевым, потом Гренландским. Над морем нет резких перепадов восходящих воздушных потоков, нет таких болтанок, как над сушей, значит, дальше, к цели, они смогут идти на предельной скорости.

Позади почти сутки нелегкой борьбы с метелью, шквалистым ветром, неистовой болтанкой, когда всей корабельной оснастке приходилось принимать на себя напор не в меру разгулявшейся непогоды. Радостно было знать, что корабль выдержал все это, ни один узел, прибор, ни одна деталь не получили повреждения, не вышли из строя.

А погода опять стала портиться. По хорошей проскочить так и не удалось. Вдоль горизонта, преграждая им путь, темной стеной поднимался и наступал на них циклон. Он быстро приближался, обволакивал все серой густотой. Становилось темно. Появившаяся справа еле видная ниточка железной дороги то и дело исчезала. Холмы, впадины сглаживались.

С наступлением полной темноты завывла пурга. Снег ударял в окна, бешено метался, не желая уступать дорогу. Ветер, тоненько напевавший в трос-визире, загудел басовитее, распаяясь, по-волчьи завыл в такелаже. Перемена погоды не пугала, только еще больше настораживала. Они пробьются, одолеют эту чертову куролесицу!

Мячков, прильнув к окну, всматривался в снежную кутерму. Она била в глаза, запутывала своей бессмысленной круговертью, не давала уловить, что за ней. Ничего зримого, того, что можно ощупать взглядом, охватить мысленно.

Свободный от вахты Алексей Ритсланд оставался за штурманским столиком. Так же напряженно всматривался в мятущуюся темноту.

Вернувшиеся с осмотра корабля Тарас Кулагин и Николай Коняшин коротко доложили командиру о состоянии материальной части и отошли к печурке. Радуюсь теплу, растирали замерзшие руки, встряхивали плечами, выгоняя холод – в киле, а особенно на мостиках моторных гондол мороз крепко прихватил.

В радиорубке тонким бисером звенела морзянка. Вася Чернов посылал в Долгопрудный, в Дирижабельный порт рапорт: «Корабль, экипаж, полет – все в полном порядке».

Гудованцев и Демин, разложив на столе в пассажирском салоне бумаги с перечнем взятого груза, пересматривали их, мысленно взвешивая все взятое. Из-за тех злосчастных двух тысяч кубометров водорода, что не довели им на Кильдин-озеро, придется что-то из груза оставить в Мурманске. Но что?

Посадку – они сразу это решили – будут делать, не выпуская из оболочки ни кубометра газа, на повышенной скорости, придав кораблю отрицательный дифферент – это позволяет низкая температура в Мурманске. Стартовая команда справится, Ободзинский наверняка ее отлично подготовил. Заливку горючего в баки постараются провести в самые сжатые сроки. Немного времени надо дать ребятам, чтобы смогли обогреться в теплой избе и поесть на дорогу. Впереди ведь Ледовитый океан!

...Звонящий треск, грохот ломающегося льда не смолкали.

Неожиданно в мешанину звуков, в перепалку льда и ветра ворвался крик. Звал на помощь Эрнст.

Схватив палки с железными наконечниками – без них ветер валит с ног, – бросились к нему.

Шелковая палатка, в которой находилась радиостанция,

не выдержала: лопнула как пузырь. Эрнст лежал на ней всем своим длинным телом, отчаянно удерживая. Ветер вырывал обрывки шелка, провода.

Их радиостанция! Случись что с ней, кто их найдет в этой искореженной, искромсанной на куски ледяной пустыне?!

– Товарищ командир!

Чернов озабоченно доложил:

– Слышимость резко упала. Антенну опустил до конца, все сто пятьдесят метров. Улучшения нет. Пурга. И летим низко. – Он чуть задумался. – Не зацепить бы антенной, Николай Семенович.

Гудованцев понимал: корабль основательно кидает, и антенну может захлестнуть за верхушки деревьев на каком-нибудь из поднявшихся высоко холме и оборвать. Надо идти выше. Кстати, там и слышимость должна улучшиться.

Он прошел в рубку управления и отдал приказ идти на высоте пятисот метров.

– Есть на пятьсот, – не оборачиваясь, ответил Паньков и переложил штурвал влево.

– Справа по борту огни, – удивленно сказал вдруг Ритсланд. Все разом посмотрели туда. Гудованцев подошел ближе к окну. Внизу, еле проглядывая сквозь пелену облаков, кутерьму снега, проплывала рассыпчатая цепочка оранжевых огней. Что это? Кемь? Они ее уже прошли. А для Канадалакши еще рано...

Когда светлые пятна затерялись в темноте, Ритсланд и Гудованцев, не сговариваясь, глянули на карту, хотя оба твердо знали, что никаких селений на их пути не должно быть. Карта подтвердила это. Что же это за огни?! Самое неприятное – неизвестность.

В рубке было тихо. Все напряженно всматривались в темноту. Через несколько минут все еще стоявший у окна Мячков сказал:

– Огни прямо по курсу.

Значит, это все же Кандалакша? Других огней здесь быть не могло. Очевидно, они подошли к ней раньше, чем рассчитывали. От Кандалакши им надо будет менять курс, идти восточнее, к Мурманску, уже напрямик.

Вновь появившаяся цепочка светлых пятен проплывала под кораблем, а дальше опять ничего не было видно. Где же город?..

Ритсланд резко раздвинул плексигласовое окно. Снежная пылюга ворвалась в рубку, всплеснула краями лежавших на столе карт, запорошила людей, мигом обежала все углы. Высунув голову наружу, в хлещущий ветер, Ритсланд пытался разглядеть эти огни. Задвинув окно, смахнул с лица ледяную мокроту.

– Костры, – повернувшись ко всем, сказал он. – Это горят костры. Кому они нужны в такую погоду?..

Гудованцев сосредоточенно сдвинул брови.

– Чернов! – позвал он.

Радист молниеносно вынырнул из своей рубки.

– Слышимость наладилась, командир! – довольно доложил он. – Будет приказ?

– Запроси Мурманск: для чего жгут костры?

– Есть.

Впереди по-прежнему чернота – такая, что в окне видно лишь собственное отражение. Смотришь самому себе в глаза.

– Может, дать прожектор? – повернулся к Гудованцеву Почекин.

– Давай, – решительно сказал Гудованцев.

Почекии потянул висевшую над головой ручку. Мгновенно непроглядная чернота снаружи обернулась такой же непроглядной белизной. Отблеск ее ударил в глаза, осветил лица, рубку. А впереди перемешивающиеся, слепящие белые потоки... Теперь они заслоняли, отгораживали все, что было за ними.

Гул моторов то нарастал, и тогда казалось, что они придвинулись вплотную к гондоле, то неожиданно замирал, заставляя Коняшина с тревогой вслушиваться, поглядывать на сигнальную лампочку корабельного телеграфа – не подаст ли сигнал кто-либо из вахтенных бортмехаников.

С подъемом на высоту началось обледенение всех металлических частей корабля. Дюралюминиевые переплеты окон быстро утолщались, тоненький трос-визир на глазах превращался в канат и поблескивал ледяной коркой. Обледеневали,

конечно, и моторы, и даже дающие тысячу шестьсот оборотов винты. Срывающиеся с них кусочки льда с силой ударяют в оболочку, предусмотрительно усиленную здесь дополнительными слоями перкаля. К счастью, самое большое на корабле, по объему – его стометровая оболочка – не обледеневает, потому что она все время как бы дышит, то чуть сжимаясь, то расширяясь, и ледяная корка на ней непрерывно ломается и отлетает. Порою эти кусочки льда ударяют по гондоле, и тогда кажется, что снаружи кто-то кидает камешки. Паньков время от времени помогает «дыханию» оболочки – открывает клапаны, выпускает из баллонета немного воздуха, а затем открывает заслон на носу корабля, и встречный ветер снова наполняет баллонет.

Неожиданную беду обледенение принесло Арию Воробьеву. Отказали оба его радиополукомпаса: и тот, что у штурвала направления, и тот, что в радиорубке. Погасли, явно обесточили. Воробьев проверил ручку включения. Контакт. Осмотрел проводку – обрыва тоже нет. Может, что с динамо-машиной? Она снаружи, за иллюминатором. Там темно, ничего не видно. Не раздумывая, Воробьев открутил зажимы, и иллюминатор распахнулся. В лицо хлестко ударил морозный ветер со снегом. Воробьев высунул руку, дотянулся до укрепленной на кронштейне динамо-машины с ветрячком. Они были покрыты толстым слоем льда. Все стало понятно. Никакому ветру не повернуть такие обледенелые крылышки.

Весь изогнувшись – иллюминатор небольшой, с головой в него не высунешься, – Воробьев на ощупь, торопливо обкалывал отверткой намертво приросший лед.

Ветер жег руку, пальцы немели, вот-вот выпустят отвертку...

За спиной Чернов нетерпеливо просил:

– Давай я.

Пока Воробьев, отогревая, тер руку о меховую куртку, дышал на нее, Вася так же упорно обкалывал лед пассатижами. Ветряк надо освободить во что бы то ни стало. Вот-вот Кандалакша, от нее на Мурманск пойдут опять по радиомаяку, и приборы должны работать.

Ветер попутный, корабль идет со скоростью сто десять километров в час. До Мурманска лета два часа с небольшим. Скорее бы туда, там сейчас ясно!

Вспомнив, как мало остается у него времени, Гудованцев подсел к Ритсланду за штурманский столик, я они занялись уточнением дальнейшего курса – от Мурманска до льдины папанинцев. К старту с Кильдин-озера у штурманов должна уже быть детально разработанная навигационная карта дальнейшего пути.

Скоро девятнадцать. И Николай Коняшин поднялся по трапу в киль, направляясь в последний перед Мурманском обход. В киле мороз, ветер гуляет, зато свежо. Все свободные от вахты отдыхали в гамаках, зарывшись с головой в спальные мешки. Только Кондрашев почему-то еще не улегся, си-

дел в гамаке, свесив ноги, покачивался.

– Чего не спишь? Скоро ведь на вахту, – сказал ему Коняшин.

– Так... – неопределенно ответил тот.

И вдруг светлые глаза его сощурились в улыбке.

– Знаешь, какое дело, – немного смущенно сказал он, – у Ксении сегодня день рождения.

– Да что ты?! – обрадовался Коняшин. – Ну поздравляю. Так с тебя причитается.

– Понятно, – с готовностью согласился Кондрашев. – Вернемся – обязательно отметим.

– Поспи все ж таки, – сказал Коняшин, отходя, – чашок-полтора у тебя еще есть.

Он пошел дальше, останавливаясь у бензомеров.

Кондрашев стал неторопливо укладываться. Когда уже лежал в гамаке, невольно заскользил взглядом по чуть вздрагивающей перкалевой стенке, по четким дорожкам тянущихся по ней швов, которые, он знал, были прострочены, проклеены, тщательно проверены заботливыми Ксениными руками.

Разве это просто – сделать так, чтобы газ во всем огромном мешке не мог найти даже игольной дырочки, чтобы вытечь? Недаром все ребята говорят: «Если ты, Ксения, строчила, летим спокойно!»

Коняшин, ослепленный снежной заварухой, ветром, который стегал по лицу и рвал одежду, уже шел по мостику к бортовой моторной гондоле. Когда отодвинул дверцу и шагнул

в нее, сидевший там Алеша Бурмакин широко открыл глаза:
– Что там твори-и-тся! А здесь и не видно.

От мотора приятной волной шло тепло. Коняшин смахнул ладонью снег, вроде как умылся.

– Как ты тут? – спросил громко, чтобы Бурмакин услышал.

– Песни пою, разве в киле не слышно? – перекрикивая грохот мотора, кинул Бурмакин.

«Шутит, значит, все хорошо», – довольно подумал Коняшин. Глянул на приборную доску, проверил количество оборотов, подачу горючего и масла, особенно внимательно послушал голос мотора. Сейчас он четкий, отлаженный. А в порту перед стартом этот мотор им с Алешей дал жару. Не хотел заводиться, вскидывал свой рев до высокой ноты и замирал... Алешка, должно быть, до сих пор переживает, хоть и не показывает.

Коняшин глянул на Бурмакина, еще раз посмотрел на приборную доску и попрощался:

– Счастливо. До Мурманска.

В кормовой, у Новикова, Коняшин пробыл еще меньше. Убедился, что все там в норме, перекинулся с Костей парой незначительных фраз. Только бортмеханики знают цену этим простым, мимоходом брошенным словам, как сразу дают они разрядку состоянию человека, часами находящегося в тесном гроыхающем ящике.

– Порядок, – уверенно кивнул Новиков на прощание и

снова уселся в кресле.

Таких, как Митя Матюнин, в моторной гондоле могло бы поместиться сразу двое. Тонкий, весь подобранный и деловитый, он был как-то очень на месте в сжатом возле мотора пространстве.

Дверца гондолы еще не отодвинулась до конца, а Матюнин уже вскочил.

«Ну что там?» – молчаливо, одним лишь взглядом спрашивал он «старшего».

«Как у тебя?» – так же молчаливо спрашивал Коняшин.

Он проверил показания приборов, прислушиваясь к мотору – нет ли хоть намека на сбой ритма. Запорошенные снегом коняшинские брови делали его лицо начальственным и строгим. Матюнин искоса посматривал на него: ищи, мол, не ищи – у меня порядок!

Мотор действительно работал отлично. Снежинки на лице Коняшина, потемнев, растопились, и оно опять стало молодым и свойским.

– Скоро Мурманск? – наконец не удержался Матюнин.

– До Мурманска два часа осталось, – ответил Коняшин. – Горячей ущицей или флотским борщом подзаправишься. Ободзинскому уже спецзаказ передали. А там... Командиры дальнейший маршрут разрабатывают.

Матюнину ужасно хотелось задержать «старшего» подольше, поговорить. Но вот как раз этого он и не умел делать – завести разговор, найти нужные слова... Он только спро-

сил:

– Как дома-то у тебя? Как твои девахи?

И Коняшин сразу отпустил ручку двери, за которую он уже взялся.

– Девахи мои одна лише другой, – прищурился он от удовольствия, – но о них, Митя, потом...

И ушел, шагнув на простреливаемый ветром и снегом мостик.

Ну чтобы задержаться ему еще совсем немного, рассказать бы Мите, как его четырехлетняя Люська вцепилась в полу его реглана с «птичками» на рукавах, когда он уходил, и никак не хотела отпускать. А Катя подхватила ее, плачущую, на руки. А он подхватил Катю, поднял их обеих – что они обе, крохи, весят! – и закружил по комнате. А потом шепнул:

– Пора. Я же лечу на помощь папанинцам!

– А мы давай полетим вместе на помощь, – тут же нашлась Люська. И побежала доставать свои елочные игрушки – он их подарил ей месяц назад, на елку, под Новый год – серебристый дирижаблик с гондолой, с красными огоньками в иллюминаторах и ватную папанинскую льдину с крошечными палаткой и ветряком и даже с человеческими фигурками, вместо снега обсыпанную блестящей бертолетовой солью. Дирижаблик в Люськиной руке, жужжа, подлетел к льдине и, подцепив «лебедкой» (Люськиным согнутым мизинчиком) антенну, поднял льдину вместе с палаткой и людьми.

– Вот так! – торжествующе сказала она.

Как ругал потом себя Матюнин, что не сумел, молчун, поговорить с Коняшиным! Надо было задержать его. Хотя бы на две-три минуты! Расспросил бы еще. Сам рассказал бы ему хоть о своей Любаше, как во всей Москве не нашел он краше девушки и поехал за ней в родную деревню Большое Попово под Липецком, где леса вокруг шумливые и соловьи поют, как нигде больше. Эх, кабы знал...

...Коняшин вернулся в киль. Ребята уже спали все. Слышалось их спокойное дыхание, легкое похрапывание. «Теперь их из пушки не разбудишь», – усмехнулся Коняшин.

В пассажирском салоне, отложив на время навигационные карты и бумаги, все сгрудились вокруг Ария Воробьева, который, держа в руке какую-то деталь от радиополукомпаса, объяснял ее назначение, особенности работы всего прибора.

В Мурманске из-за перегрузки корабля Воробьеву, возможно, придется сойти, не лететь дальше. Но за сутки полета он успел детально ознакомить Ритсланда и Чернова с радиополукомпасом, они уже могут работать с ним самостоятельно.

Уже сейчас они летят по неосвоенной северной трассе. Пройден Северный полярный круг. Радировали об этом в порт. Впереди пустынное ледяное Гренландское море, куда не заходит ни один корабль, не залетает ни один самолет. Там этот прибор будет просто незаменим. Папанинцы не могут давать свои точные координаты, их льдина все время движется, да и закрытое тучами небо часто не дает им

возможности определиться. Радиополукомпас, ловя позывные Кренкеля, и в ночь и в непогоду точно приведет корабль к дрейфующей где-то между Гренландией и островом Ян-Майен льдине. Даже если с ходу они проскочат папанинский лагерь, стрелка прибора сразу покажет, что источник радиоволн уже позади. Разворачивайся и подходи!

– Представляете, как трудно будет их увидеть, – призадумавшись, сказал Ритсланд. – В ночи, среди вздыбленных льдов! Ни палаток, ни других ориентиров там сейчас нет.

– Костер запалят, – уверенно решил Лянгузов. – В ночи костер очень далеко виден.

– Скорее все же они первыми увидят наш прожектор. – Гудованцев кивнул в сторону рубки, где по-прежнему все было залито светом. – Кренкель по радио сделает окончательную доводку.

– Прошу учесть, – обращаясь ко всем, заявил Устинович. – Я к спуску на льдину за папанинцами готов. – И, многозначительно взглянув на Демина, добавил: – Безусловно, преимущество здесь имеет человек наилегчайшего веса.

– Допустим, – согласился Демин. – Я себе представляю это так: спускаем Устиновича на льдину, поднимаем на борт всех папанинцев и на радостях... – Демин глубоко вздохнул, и полные губы его расплылись в невинно-детской улыбке, – ...забываем Володьку на льдине. Ну, в самом деле, братцы, ведь легко не заметить во льдах такую скудную фигурку!

Такого оборота не ожидал никто, даже сам Устинович, и

все грохнули таким неудержимым раскатистым смехом, что стоявший у штурвала Паньков недоуменно обернулся к ним:

– Вы что там, орлы?

В радиорубке опять запела морзянка. Чернов выходил на связь с портом. Устинович взглянул на часы.

– Ого, уже без десяти девятнадцать. Пойти прикорнуть на часок?

– Иди, иди, – кивнул ему Гудованцев. – В Мурманске у тебя дел будет невпроворот.

Лучи прожекторов по-прежнему бесплодно рвались вперед, не в силах пробить стену мятущегося на ветру снега. Мячков и Почекин до рези в глазах всматривались в слепящую белизну, пытаясь уловить, что скрывается за ней.

Внимательно следя за приборами, стоял у штурвала глублины Паньков. Корабль размашисто переваливался через широкие, словно океанские, волны. Так же широко дышалось сейчас и Панькову. Несмотря на мороз, он распахнул ворот комбинезона.

Особенный у него сегодня день! Четыре года назад именно в этот день, 6 февраля, в день рождения Шуры (он верил и не верил тогда, что все сбылось), играли они свою свадьбу!

Иван покачал головой. Не так просто все было! Совсем незадолго до этого был у него такой день, что перед глазами белый свет померк. Шура избегала даже намека на какой-либо сердечный разговор, ему было ясно: «Поворачивай, Иван, оглобли, не видать тебе здесь счастья!» Он бродил по пу-

стынному Долгопрудненскому парку, повторяя:

– Пропала моя головушка! Совсем пропала!

А назавтра... Ну бывает же такое! Вдруг все разом пере-
менилось...

...Хотя ветер и попутный, но больше доставалось правому
борту. Ветер шумно лизал его шершавым снежным языком.
Мячков лишь мельком взглянул на компас, на Почекина.

– Дай чуть вправо, нас опять сносит.

– Есть чуть вправо.

Почекин повел штурвал на градус-два.

Ветер гуще ударил в борт. Неохотно заскрипели жесткие
подвески гондолы. Корабль стал круче зарываться в невиди-
мые волны, вскидываться на их гребни.

Паньков цепко держал глазами высотомер. Еще резче за-
работал в его руках штурвал.

Из пассажирского салона слышались голоса. В радиоруб-
ке звучала морзянка. Слышался лишь жесткий хруст цепей
Галля, идущих от штурвала вниз, к передаточным бараба-
нам. За окнами по-прежнему метался исполосованный све-
том прожектора снег.

Вдруг что-то темное, еще неясное, но огромное и непо-
движное проступило впереди, стремительно надвигаясь на
них, закрывая собой все. И, резко выпрямившись, упершись
руками в ветровое стекло, как бы стараясь отгородить всех,
весь корабль, от неминуемой беды, Мячков крикнул, словно
ударил в набатный колокол:

– Гора! Летим на гору!

...Пронзительный треск раскатился по всей льдине, и черные полосы трещин неудержимо побежали по ней. Без того уже небольшой их обломок раскалывался на куски. С грохотом рушились в разводья нагромождения торосов. Грозно гудели льды. Тоскливо завыл Веселый.

– Нарты! Спасать нарты! – закричал Иван Дмитриевич и прыгнул через уже расходящуюся трещину.

Ветер унес его слова, но и без того все было понятно.

Вчетвером подхватили многопудовый груз и почти по воздуху перебросили на свою сторону. Откуда столько сил взялось?!

Вторую нарту тянули уже по перекинутым наспех мосткам. Трещал лед, трещали, гнулись мостки. Под ними недобро плескалась вода.

Опять прыгали на уходящие обломки. Метались пучки света нагрудных фонарей, выхватывая из темноты куски шаткого льда, провалы разводий, уносимые льдом вещи. Перетаскивали все, что могли успеть. Складывали возле незаменимого друга – ветряка, в центре их совсем уже маленького, беспокойно раскачивающегося осколка.

То, что не смогли спасти, – прыгающий на привязи клипер-бот, палатка, в которой они только что сидели, – безвозвратно уплыло в темноту...

– Право до отказа! – одним выдохом кинул команду Паньков. – До отказа!

Почекин, рванувшись всем телом, крутанул штурвал. Паньков быстро откручивал штурвал глубины влево, тоже до отказа, задирая нос корабля. Больше он ничего не успел. Ни дернуть костыльки – открыть балластные баки, ни просигнализировать бортмеханикам команду выключить моторы.

Гора молниеносно навалилась на них, черная, косматая, неотвратимая... По окнам с силой ударили верхушки могучих деревьев. Гондолу подбросило, затрясло, все кругом пронзительно заскрежетало, с треском разламываясь.

Первый удар Паньков ощутил лишь короткой вспышкой света. Ударившись виском о переплет окна, он упал замертво.

Мячкова швырнуло в другой конец рубки. И, падая под рушащимися на него обломками, он на какой-то миг вдруг увидел себя, белоголового казачонка, вцепившегося в гриву ошалелого коня, мчащего мимо белых мазанок станицы куда-то в пляшущие перед ним огни и наступающие черные провалы...

Почекин, пролетев вперед, разбил головой ветровое стекло. Залившись кровью, теряя сознание, пытался подняться и не мог.

Из пассажирского салона, из-под сметенных в одну грудку ящиков, кресел, тюков, всего, что там было, слышались стоны разбившихся, оглушенных, еще не понимающих, что

случилось, людей....

Лязг, хруст ломающегося на куски металла... Выворачивая с корнем огромные, в два обхвата сосны, корабль с лета проламывал собою просеку. Свет сразу погас. Гондола стала наполняться чем-то едким, удушливым.

В киле для тех, кто спал, первый удар был не так ощутим. Их крепко тряхнуло в гамаках, сбило в одну сторону, кто-то в темноте недоуменно подал голос, кто-то даже не проснулся...

Устиновича, который, свесив ноги с гамака, только еще снимал унты, смахнуло оттуда. Ударяясь о стрингеры, он боком проехал вдоль киля, вскочил и сразу же увидел, как на носу корабля всплеснуло пламя. Пожар!

– Ребята-а, гори-и-м! – всполошенно закричал он, стараясь поднять всех на ноги.

Над головой двадцать тысяч кубометров горючего газа. Устинович знал, что это значит! Высота у них сейчас пятьсот метров. Он застыл на месте. Парашютная сумка у гамака, в головах. А главное – ребята! И он снова закричал:

– Вставайте, гори-и-м!!!

А может, ему только показалось, что он кричит изо всех сил? Может, голос зажало где-то в горле?.. Он понимал: ребятам уже не добежать. И ему тоже. Гайдропный люк, в который можно было бы выброситься, далеко впереди, у носа.

Сверху полыхнул такой неистовый жар, что сразу пригнул Устиновича к самому килю. Комбинезон на спине, шлем за-

горелись. К люку! Может, еще успеет... Чем гореть заживо, лучше лететь с высоты. Он снова рванулся. И тут же почувствовал, что летит, проваливаясь сквозь разодранный перкаль. В лицо хлестнули ветки, тело ощутило удар о корявые сучья. Он схватился за них и, машинально перехватываясь, обдирая лицо и руки, соскользнул по стволу дерева вниз, в рыхлый снег, уйдя в него с головой.

Огонь с быстро нарастающим гулом уже полыхал по всей оболочке. Уткнувшись в гору, корабль медленно и тяжело заваливался набок.

...Когда к Почекину вернулось сознание, он не сразу понял, где он, что с ним. Он слышал треск, что-то ломалось, с визгом корежилось. Слышал крики людей, чей-то прерывающийся, зовущий его голос:

– Витька, сюда-а!

Кто его зовет? Зачем?.. И вдруг разом вспомнил все. Только что у самого его уха Мячков закричал:

– Гора! Летим на гору!

Потом он и сам увидел эту гору, вставшую перед ним из снежной белизны. А сейчас он ничего не видел. Чернота! Он провел рукой по залитому чем-то липким лицу. Ошеломила мысль: ему выбило глаза! Боли он не чувствовал, только голова стала как большой котел, и в ней что-то все било, било... Остервенело, одурманивающе... Голос по-прежнему звал из темноты, настойчиво, не смолкая:

– Витька, где ты? Сюда!!

Он вдруг понял: это же Тарас Кулагин! Он спасся и ищет его, хочет помочь. Он потянулся на этот голос, попробовал ползти, но тут же наткнулся на что-то громоздкое, искореженное и, обессиленный, свалился. Тщетно пытался отозваться, крикнуть: «Я тут!» Губы беззвучно открывались и так же беззвучно закрывались. Грудь наполнило что-то горькое, удушливое, и сознание снова ушло...

Оглушенный, погребенный под чем-то тяжелым и давящим, Гудованцев с трудом приходил в себя. Сознание на миг прояснилось, высветом молнии охватывая весь ужас случившегося, и снова уходило, готовое оборваться. Нельзя, чтобы оно оборвалось! Гудованцев мучительно напрягся, удерживая его, сопротивляясь обволакивающей слабости. Дышать было нечем. Хотя бы глоток воздуха! Он ловил его пересохшим ртом. Но воздух горел, он раскалился нестерпимым жаром. Горело все. Навалившиеся на него ящики, одежда.

Где-то рядом погибали товарищи, он слышал чье-то прерывистое дыхание, стон. Надо спасти их! Он командир. Он должен сделать даже невозможное. Ведь сделал же он невозможное тогда, в Донецке!..

Сжимая в напряженный комок остатки сил, выкарабкиваясь, сталкивая все это, навалившееся на него, тяжелое, пылающее, он нащупал чью-то руку, горячую, безвольную. Он сразу узнал ее. Сотни раз он жал ее при встрече. И сейчас он так же крепко сжал ее и потянул за собой. Тело друга было невероятно тяжелым. А сил не было. Но он тянул, замирал

на миг, проваливаясь в цепенящий какой-то дурман, и, очнувшись, снова тянул, не видя куда, сквозь огонь, дым, удушьющий жар...

Горькая, безысходная боль билась внутри, пронизывая сознание. В одно непоправимое, несправедливое мгновение рушилось все, что было в жизни дорого и свято. Надежда прийти на помощь людям. Рушился, погибал в огне их корабль. Его, Николая, беззаветные мечты.

Обостренно, с невероятной ясностью возникли перед ним изломанная льдина и люди на ней... Легко плывущие в небе дирижабли... Зовущее откуда-то из далекой дали, полное надежды лицо Лены... Суровое, окаменевшее лицо матери...

...Страшный взрыв пиротехники разорвал стены гондолы, приподнял навалившийся на нее сверху стальной киль, выбросил на десятки метров горящие куски переборок, жестяные коробки с продовольствием, обломки еще не совсем сгоревших ящиков, разметал по сторонам стальные швартовые тросы.

Грохот взрыва перевалил через гору, через Кандалакшский залив. Его услышали в Кандалакше, за восемнадцать километров.

Гудованцев его не услышал...

Весь корабль был уже как один ревущий огненный вулкан. С грохотом рвались бензобаки, баки с маслом, балластные баки, цинки с патронами. Пламя гигантским столбом вскидывалось к облакам. Ветер рвал его на куски, гнул, погонял.

Огонь пожирал все. Куски горячей оболочки оседали, накрывая развороченную взрывом и ударами о стволы деревьев гондолу и уже притихшие моторы огненным покрывалом. Горели вывороченные, подмятые кораблем деревья. Их хвойные шапки вспыхивали трескучим фейерверком, и ветер мгновенно срывал их и уносил.

Х

В полузабытьи, задыхаясь, ничего не видя, чувствуя только наваливающийся на него сверху жар, Виктор Почечкин упорно, в каком-то исступлении проталкивался между торчащих кусков разломанного металла, путаницы тросов, осколков плексигласа.

Откуда-то вдруг прорвалась к нему, пахнула в лицо струя воздуха – еще горячего, смешанного с дымом, но воздуха!.. Он судорожно глотнул, его, и сознание стало яснее. Вокруг трещало, выло, бушевало пламя. Ни голоса Тараса, ни других голосов он больше не слышал. Краем глаза он неожиданно увидел впереди багряный снег, багряные пляшущие деревья... Значит, глаза целы! Они залиты кровью, но видят!

Он рванулся к снегу, ткнулся в него лицом и, почувствовав облегчение, стал зарываться, заползая в его спасительный холод. Радости, даже просто сознания, что он жив, что может дышать, не было. Все закрывало какое-то тяжелое, давящее оцепенение.

– Кто еще живые? Отзовитесь! Отзовитесь, живые! – раздался вблизи глухой, прерывающийся голос.

Устинович бежал, проваливаясь в снег, падал, вскакивал, бежал дальше, надсадно крича:

– Живые, отзовитесь!

Его голос терялся в гуле ветра и разъярившегося огня.

В ответ лишь беспокойно шумели верхушки ели, да заряды снега хлестко стегали по деревьям. Гонимые ветром тучи снежинок стремительно неслись к гигантскому пожарищу, но, не долетев и десятка метров, растворялись в накаленном воздухе. На смену им неслись новые, сплошной пеленой, безуспешно стараясь побороть огонь.

– Живые, отзовитесь!

Из-за сугроба, как-то странно выставив одно плечо, поднялась и двинулась навстречу Устиновичу худощавая фигура.

– Алеша! Бурмакин! А еще есть здесь кто?

Устинович быстрым взглядом ощупал все вокруг, надеясь увидеть еще кого-нибудь. И никого не увидел.

– А с тобой что?

Бурмакин молча сунул руку под меховую куртку у ворота. Пальцами нащупал перебитую ключицу. Он даже не поморщился. Молча смотрел на Устиновича. Потом стал смотреть на горящий корабль. И в его широко открытых глазах метались отблески оранжевого пламени.

– Со мной ничего, – наконец ответил он куда-то в пустоту.

Устинович уже отбежал, продолжая еще с неослабевающей надеждой звать уцелевших.

У тыльной стороны уже занимающейся огнем сосны увидел привалившегося к ней Ария Воробьева.

– Цел? А еще кто есть?..

Воробьев растерянно пожал плечами. Он ничего не пони-

мал и ничего не помнил. Когда, как и через какой пролом его выкинуло из гондолы? Очнулся в снегу. Где остальные? Рядом все охватившая, палящая стена огня. Отбежал, схоронившись от нее за широким стволом дерева. Руки, ноги, голова целы, ни одной царапины, только ноет все, будто избитое, и в ушах несмолкающий звон. Он все оглядывался, ища остальных, и никак не мог смириться с тем, что их нет. Ведь только что все были тут, рядом с ним!..

Неожиданно державшее его оцепенение спало, и, сорвавшись с места, он бросился вслед за Устиновичем, с последней, отчаянной надеждой зовя:

– Отзовитесь, живые!!!

Костю Новикова они нашли метрах в двадцати пяти от пожарища, почти засыпанного снегом. Он лежал неподвижно, и только хриплое дыхание давало понять, что он жив. Обожженное, воспаленное лицо, обгоревшие волосы... Они не сразу смогли даже узнать его. От меховой одежды остались ключья, одна нога почти босая – ни унты, ни мехового чулка на ней не было, только шелковый носок с пятнами крови.

Устинович огляделся. В стороне чадил не совсем еще догоревший выкинутый из гондолы тюк. Устинович подбежал к нему, засыпал огонь снегом, затоптал. Потом выхватил кусок брезента и осторожно подsunул под обессилевшего, неподвижно лежавшего Костю. Другим куском старательно укутал его. Костя с трудом приоткрыл глаза, пристально вглядываясь...

...Когда штурман Мячков крикнул: «Гора! Летим на гору!» – и Паньков задрал нос корабля, первый, самый сильный удар при столкновении с горой пришелся на кормовую моторную гондолу, потому что она расположена ниже других. Костю Новикова вышвырнуло из кресла и с силой ударило затылком о радиатор. Новый удар швырнул его грудью на мотор. Сразу мелькнула мысль: «Остановить мотор!» Света уже не было, и он, с трудом повернувшись, шарил в темноте, отыскивая выключатель зажигания. Наконец нашел и повернул. Его опять бросило грудью на мотор, а потом головой. Только его могучий организм мог выдержать такое. В глазах поплыли красные круги, но сознание осталось.

Катастрофа. Он осознал это с первого удара, с первой секунды, как только его выбросило из кресла. Из-за чего – он не мог знать, да и думать об этом было некогда. А гондола вдруг приобрела необыкновенный покой. Ее больше не ударило, не бросало из стороны в сторону. Костя искал дверь, шаря в темноте руками, и не мог найти. Сверху нестерпимо наступала жара. В проломе стенки он увидел снег – пламенеющий, словно горящий. Он подтянулся на руках, пытаясь выбраться через этот пролом, но смог вылезти только по пояс – дальше не пускала зажатая разломанной стенкой нога. Он висел вниз головой и пытался выдернуть ногу, упираясь другой ногой во что-то. Ничего не помогало. Сверху медленно опускалась на него, накрывая, горящая оболочка. Он отталкивал ее, обжигая руки, а она все опускалась. На нем

уже горела одежда, шлем... Он из последних сил рванул ногу, стальные тиски разжались. Помог шелковый носок. Нога выскользнула, и он упал в снег. Попробовал подняться. Не смог. Сил не было. Тогда, с трудом переваливаясь, он покатился, сбивая на себе огонь. При каждом повороте разламывало грудь, дыхание останавливалось, но он все равно катился, преодолевая боль, почти теряя сознание, пока не уперся в ствол поповшегося на дороге дерева. Здесь и нашли его Устинович и Воробьев.

...Почекин не сразу отозвался на зов. Он подходил медленно, качаясь, держа у рассеченного лба пропитавшийся кровью ком снега. Мутным взглядом обвел собравшихся. Хрипло спросил:

– Где остальные? Где Тарас?

Ему не ответили.

– Где Тарас? – настойчиво переспросил Почекин. – Он же звал меня!

И видя, что Устинович и Бурмакин отворачиваются, вдруг осекся. Сорвавшимся голосом почти выкрикнул:

– Так он звал на помощь?.. А я-то!.. Я-то...

Он рванулся к горящему кораблю, не в силах понять, что ничего уже сделать нельзя. И вдруг, упав ничком в снег, замер, судорожно сжав беспомощные сейчас руки.

...Митя Матюнин лежал за вывороченным с корнями деревом, с ужасом смотрел на гибнущий в огне корабль, на багряные облака, которые лизало вскинувшееся высоко, до са-

мого неба, в погоне за быстро утекающим газом пламя. Никого рядом не было, но Матюнин был уверен, что все живы, ведь дверь гондолы на другой стороне, и, вероятно, все выбежали оттуда. Он не мог даже подумать, что многих уже нет. Ведь корабль никуда не падал, были только сильные толчки. Это произошло сразу же после того, как от него ушел Коняшин. Он понял, что-то случилось, и быстро выключил мотор. Только после этого его неожиданно подбросило и с силой ударило головой. Он потерял сознание. А когда пришел в себя, корабль уже горел. Гондола была разломана. Он с трудом выбрался из обломков и, гонимый страшным жаром, укрылся за этим поваленным деревом.

Он был цел, у него ничего не болело. Удивляло только: почему в ушах стоит сплошной шум, а в отдельности он ничего не слышит: ни ветра, ни полыхания пламени, ни голов. Все онемело. Метался, дыбился огонь, жар от него был нестерпим и здесь, за корягой, за двадцать метров. И все это в какой-то невообразимой тишине...

Матюнин повернулся на другой бок, и тут пришло все сразу – сквозь шум в ушах пробились и зловещий гул огня, и свист ветра, и отдаленные зовущие голоса... Он сразу догадался, что от удара оглох на одно ухо. Сунул пальцы под шлем – крови не было. Только половину головы разламывало.

С той стороны все звали. Он подумал, что его. И встал. Пламя быстро опадало. Водород горит намного жарче

бензина, но и сгорает быстрее. Быстро спадала и жара. И он стал обходить догоравший корабль со стороны кормы. Мороз быстро леденил подтаявший снег, и он уже хрустел под ногами, ломаясь.

На той стороне он увидел только четверых. Потом увидел пятого, лежащего на снегу. Пять... Он шестой. А где остальные? Он еще не успел осознать случившегося, а ноги сразу стали ватными. Он остановился, не в силах шагнуть дальше.

К нему подбежал Устинович:

– Там еще кто есть?

Устинович смотрел с надеждой, ждал, что он скажет: «Да, есть!»

Матюнин покачал головой.

Устинович что-то еще спросил, но уже негромко, и Матюнин, не расслышав, показав на ухо, сказал:

– Я не слышу, говори громче.

– Ты, Митя, счастливый, не слышишь, – горько сказал Устинович. – А я слышал... Все...

И, тяжело пригнув плечи, пошел туда, откуда только что пришел Матюнин. Он хотел еще проверить – вдруг кто-то отзовется...

Корабль еще горел. Запоздало, с глухим чавканьем рвались масляные баки, выбрасывая гейзеры огня, тучи искр и смрада. Еще ярко тлели, раздуваемые ветром, дымились стволы деревьев. Но мороз уже пробирал даже сквозь меховую одежду.

...На их зов никто больше не откликнулся, а они все ходили. И звали. Где-то внутри теплилась надежда: может, кто-нибудь заполз, зарылся в снег и лежит там, не в силах подняться, не в силах дать о себе знать. Когда огонь отступил, когда ему уже не на что было бросаться, они подошли ближе.

Все тринадцать были тут, среди обломков искореженного металла. Все. Значит, некого больше искать, никто уже не отзовется. С этим невозможно было смириться. Невозможно было это принять – дикое, невероятное... Они стояли и никак не могли отойти. Ветер, колючий, безразличный, жестко толкал их...

Тринадцать их товарищей. Все в их жизни – все стремления, поиски, удачи и промахи, огорчения, надежды – было так тесно у них всех переплетено, слито, неразрывно связано, что казалось невозможным, чтобы это все могло вот так оборваться!..

Они ушли на самом взлете своей молодой, бьющей энергией жизни. Много уже сделав и так много еще не успев...

Командир корабля, командир эскадры дирижаблей Коля... Николай Гудованцев. Так стремившийся к новым, далеким и неизведанным дирижабельным трассам. Сдержанный. На первый взгляд замкнутый. Не сразу за этой замкнутостью можно было разглядеть душевную щедрость, сердечность.

Иван Паньков. Упорный, порою даже упрямый. Самозабвенный, невероятно трудолюбивый. Он так никогда и не

узнает, что родившегося через два месяца сына назовут в память о нем Иваном.

Сергей Демин. Сережка!.. Да ты ведь одними плечами мог раскидать, разбросать все это!.. Как же это может быть, чтобы не было больше на свете твоего смеха, твоего будоражащего голоса... И все твои задумки будут осуществлять теперь другие.

Володя Лянгузов – всегда пунктуально-точный, ответственный. И всегда с полными карманами конфет для всей малышни их большого дома.

Тарас Кулагин – весь нараспашку, всегда радостно-увлеченный, так легко, на лету все схватывающий.

Неусыпные их штурманы – Алексей Ритсланд и Георгий Мячков. Глаза и уши их корабля.

Бессменный, неустояющий бортрадист Вася Чернов, самый молодой, нетерпеливый, всегда куда-то рвущийся.

Их синоптик Давид Градус. Душевный и горячий, вспыхивающий, как порох, «властелин погоды» – их Додик Градус.

Бортмеханики Николай Коняшин, Константин Шмельков, Николай Кондрашев, Михаил Никитин. Серьезные и веселые, бесшабашные и строгие, разговорчивые и молчаливые – и все свои, родные ребята, на любого всегда можно было положиться, знать, что никогда не подведет...

...Гулко, с какой-то звенящей пустотой хрустел под ногами снег. Мороз все крепчал, обжимал лицо, сковывал движе-

ния. Он брал реванш у только что бушевавшей здесь жары.

Они развели костер. Осторожно подтянули к нему на брезенте Костю Новикова, уложили поудобнее. Сидели молча. Слов не было. Лишь раз Митя Матюнин глухо, на одном выдохе сказал, ни к кому не обращаясь:

– А Коля Коняшин только что был у меня, в моторной. Ну побудь он со мной еще минуту, две...

Мозг отказывался понимать, что никого из этих ребят они уже не увидят. Не услышат их голосов. Корабль они построят новый. Обязательно. Но кто может вернуть им друзей?!

Арий Воробьев механически отрывал куски недогоревшей оболочки и бросал в костер. Пропитанный резиной перкаль быстро схватывало пламя, он скручивался, чернел, рассыпался.

...Где-то там, на пройденном ими пути, все еще горят виденные ими сверху, с В-6, костры. Они не знали, что эти костры были зажжены специально для них и всю ночь неизвестные им люди заботливо поддерживали в них огонь. Эти костры должны были служить им светящимися вехами в разбушевавшейся снежной неразберихе. Если бы они шли по этим вехам, они обошли бы гору стороной. Но они ничего об этом не знали. Та заботливая душа, что подумала об этих кострах, не довела дела до конца, не сообщила об этом им, на корабль. А может, сообщить должен был кто-то другой? Сейчас это уже не имело значения...

...В Мурманске их ждали с нетерпением. Три дня назад

здесь проводили в Арктику на помощь папанинцам ледокольный пароход «Таймыр». Только что снялся со швартовых и ушел следом за ним «Мурман». Теперь предстояло встретить и незамедлительно проводить дирижабль.

На Кильдин-озере все было готово к его прилету.

Еще утром, прорезав в снежных наносах глубокие колеи, на лед озера съехали грузовые машины с бочками горючего. Время от времени они урчали моторами – водители прогревали их, не давая застыть. Пришвартованные к бортам машин, покачивались, терлись друг о друга туго надутыми бочками два десятка газгольдеров с водородом. Крепко морозило, и солдаты швартовой команды то и дело забегали обогреться в стоящую на берегу жарко натопленную избу. Но долго не задерживались там, выбегали опять на мороз, вглядываясь в горизонт. Никто из них никогда еще не видел дирижабля, и нетерпеливое любопытство не давало им покоя.

В избе почти непрерывно звонил телефон. И дежурный громко, раз от раза с нарастающей тревогой, отвечал одно и то же:

– Нет, не прилетел еще. Да, время уже вышло, но дирижабля нет...

Иван Ободзинский, с красным от мороза лицом, заиндевелый, нетерпеливо вышагивал по хрусткому насту, не отрывая глаз от на редкость чистой линии горизонта, каждую минуту ожидая увидеть там крошечное облачко – серебристую оболочку дирижабля, уловить отдаленный, радующий

душу гул моторов. Над головой по-прежнему полыхало в ясном небе, то чуть замирая, то снова разгораясь пламенным светом, северное сияние, и Ободзинский уже проклинал его, это сияние, думая, что из-за него, из-за связанных с ним магнитных бурь прервалась радиосвязь с В-6 и, возможно, по этой причине корабль так долго не появляется, блуждая где-то над тундрой.

В тревожных его мыслях возникало всякое, чему не хотелось верить, что хотелось отогнать... Появлялись и виденные у Кандалакши неясные очертания двух гор, промелькнувшие под быстро летящим самолетом, когда летел он два дня назад в Мурманск. Летчик кивком головы указал ему на них. Ни в карте летчика, ни в его карте, взятой им в Ленинграде, эти горы не были обозначены. И они решили тогда, что это был мираж...

...Снегопад кончился. Ветер затих, и мороз сковывал все сильнее. Облака вдруг разорвались и рассеялись, и на небе всплыла луна, огромная, вся наполненная ярким голубым светом. И все вдруг переменялось. Той непроглядной темноты, которая только что обступала их, уже не было. Заголубился, заискрился снег, заголубилась даль. Чернели только тени от деревьев, изломанные, причудливые, как провалы пещер, будто в них и спряталась на время чернота ночи. Видимость стала на десятки километров – зачем она теперь?! И среди бесконечной этой голубизны черное, уродливое, все еще дымящееся пепелище. Да по сторонам такие же черные

с уродливо обгоревшими сучьями ели.

Только сейчас увидели они верхушку горы, голую, без единого деревца или кустика. До нее было каких-нибудь пятьдесят-семьдесят метров. Шли бы они чуть выше, и эта злополучная гора прошла бы под ними!

Луна все плыла, тихая, умиротворяющая. И все вокруг было так мирно, словно ничего не случилось. Что же это – насмешка над ними?.. Как только свершилась страшная, непоправимая катастрофа, все кругом прояснилось. Вот же – все как на ладони видно! То, что рядом. И то, что далеко... Может, не надо было при старте сетовать на Бурмакина за то, что он так долго возился с мотором, пусть бы мотор еще с полчаса не заводился... Может, не надо было радоваться попутному ветру, который увеличивал скорость их полета? Пусть бы дул встречный, пусть они бы боролись с ним и пришли бы к этой горе на час позже, когда здесь не было ни снегопада, ни темноты... Тогда они издалека увидели бы ее, эту гору, и вон ту, соседнюю...

Тяжело, с каким-то надсадным хрипом дышал Костя Новиков. Как ему помочь? Что можно сделать здесь, на снегу и морозе?! Конечно, их хватятся, будут искать, они не сомневались в этом. Но когда еще найдут? Кругом леса, на сотни километров.

Устинович поднялся.

– Попробую добраться до людей. Надо сообщить, где мы. Косте нужна срочная помощь.

С минуту он внимательно осматривал все кругом. Куда идти? Сколько ни вглядывался, ни малейшего намека на жилье не увидел. Лес да снег. Ни просеки, ни дорожки. Суровый, дикий край. Можно пройти и двадцать и тридцать километров, не встретив жилья, человека.

Все же он стал спускаться с кручи, придерживаясь за еловую ветвь, не обгоревшую, но пожухлую от жара. При первом прикосновении подсохшие иголки разлетелись, обнажив всю ветвь. Она была крепкая и гибкая, держаться было удобно. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как провалился по пояс. Снег, как всегда в лесу, был рыхлый, не утрамбованный ветром. И глубокий. Едва выбрался, снова ушел по плечи. Стало ясно: по двухметровым наносам без лыж не пройти. Он повернул назад, к костру.

Под руку попала плитка шоколада. Этих плиток тут было разбросано много, их выкинуло из гондолы взрывной волной. Он отломил кусочек, машинально сунул в рот, пожевал его, но, кроме горечи, ничего не ощутил и бросил обратно в снег.

Сколько прошло времени – час? пять часов? Тридцатиградусный мороз люто прохватывал сквозь одежду, плотную поджигал всех к костру. На Костю накинули все, что смогли найти: остатки обгорелой меховой одежды, брезент.

Алешу Бурмакина знобко потрясывало. Он сидел, неловко привалившись к еловому стволу, придерживая рукой ноющее плечо. Размяться, согреться он не мог. Боль постепен-

но ожила, жестоко пронизывала.

Пламя в костре суетилось, перескакивая с места на место. Виктор Почекин, не мигая, смотрел на эту суету. Перкаль быстро сгорал. Виктор вставал и, шатаясь, шел на поиски нового. Из-под наскоро намотанной на голове повязки все еще сочилась кровь.

Его опережали Матюнин и Устинович. Обходя обглоданные огнем, торчащие в стороны стальные ребра корабля, пробирались, увязая в снегу, отдирали примерзшие к заледенелому снегу куски перкаля, хотя сил, чтобы отдирать, вытягивать из снега ставшие пудовыми ноги, и у них не было. Задубелый, звенящий на морозе перкаль приволакивали к костру.

Поддерживать огонь. Это было главное, что нужно сейчас делать. Надо, чтобы пламя костра далеко было видно. Тогда их скорее найдут.

...А в Долгопрудном еще никто ничего не знает. Не знают, что нет больше тринадцати самых лучших их парней. А с изуродованного остова корабля ветер сметает черные хлопья пепла.

Но будет все. Сжавший горло жен, матерей стон: Плач осиротевших малышей. Сирены «скорой помощи». Торопливые удары в дверь – какой-то сердобольный человек, желая оградить родных от страшных «последних известий», которые должны прозвучать с первым голосом радио, по ошибке отключит не радио, а электросеть, и звонки замол-

чат. Столько непоправимого горя обрушится на один лишь подъезд дома ИТР, где жили все те, кого уже нет.

Анна Федоровна Гудованцева вместе с Томкой только войдут к себе домой, не успев даже снять пальто, первое, что услышат по заговорившему радио: «Катастрофа дирижабля «СССР В-6». При катастрофе погибли: Гудованцев Николай Семенович – первый командир дирижабля...» Глухо охнув, повалится на пол Анна Федоровна.

Застынет в горе полное жизни лицо Веры Деминой. Так и не сможет справиться со сломившим ее горем Полина Мартьяновна, мать Тараса Кулагина, ненадолго переживет она сына. А маленькая Люся Коняшина всю жизнь будет хранить подаренные отцом елочные игрушки: ватную папанинскую льдину и серебряный дирижаблик с красными огоньками в иллюминаторах гондолы...

Пришлют соболезнования Советскому правительству и семьям погибших аэронавтов правительства многих стран.

Пришлет соболезнование в постигшем их горе строивший вместе с ними дирижабль «СССР В-6» Умберто Нобиле.

Потянутся к Колонному залу Дома союзов длинные вереницы людей. Под трехкратный ружейный салют будут установлены в каменной стене Новодевичьего кладбища тринадцать урн. Застынет над ними металлический контур летящего ввысь дирижабля.

Чтобы заменить погибших братьев, пойдут служить в воздухоплавание и авиацию Алексей Шмельков, Александр Гу-

дованцев, Георгий Кондрашев.

В Донецке, Луганске и Казани улицам будут даны имена Гудованцева, Ритсланда, Лянгузова. В городе Долгопрудном одна из улиц будет названа улицей Дирижаблистов. На доме, где жили они, будет установлена мемориальная доска.

А к вершине этой коварно вставшей на их пути горы (Небло-горы) трудящиеся города Кандалакши проложат по заболоченному склону сквозь густые заросли леса пешеходную тропу и установят там, на пронизываемой северными ветрами высоте, где уживаются лишь мхи и карликовая березка, памятный знак героям-дирижаблистам, далеко видный всем пролетающим по этой трассе самолетам. Пройдут годы, десятилетия, но никогда не будут забыты имена самоотверженных аэронавтов.

...Луна обошла уже полнеба и, слегка затуманившись, светила с другой стороны. А потом и совсем светить перестала. Небо снова заволокли облака. Снова пришла темнота. Где-то наверху с завыванием засвистел ветер, на сидящих у костра посыпалась снежная пыль. Ветер срывал снег с макушки горы и рассеивал его по склону. Зашумели сосны, тут и там с глухим стоном стали падать с разлапистых веток глыбы снега.

Ходивший уже в дальний конец пепелища за кусками перкаля Воробьев вдруг остановился, всматриваясь в темноту. Крикнул:

– Огни!

Все разом вскочили, торопливо отбежали подальше, чтобы не мешал свет костра. Стали всматриваться в шумящую темноту. Но ничего не видели. Поднявшись с земли, подошел Бурмакин. Вытянул шею:

– Где?

Воробьев подбежал, запыхавшись. Показал:

– Вон там.

Тогда они увидели. Далеко внизу, должно быть, у подножия горы то появлялись, то пропадали скрывающиеся чащобой леса, скальными выступами горы, факелы или фонарики – не разберешь. Конечно, это их ищут. Но видят ли костер? Не пройдут ли мимо? И, захватив полную грудь воздуха, они закричали:

– Эге-е-е-ей!!

Вначале получилось недружно и негромко, голос не слушался. Но потом он окреп, и их «эге-е-е-ей» ветер уносил далеко. Все же они не были уверены, что их слышат. Они вернулись к костру, стали распалить огонь, поднимая его как можно выше.

Прошло еще много времени, на востоке засветилась заря, только тогда внизу, но уже ближе и ярче, замелькали огни и слышались голоса:

– Эге-е-ей! Эге-е-й!!

Это кричали им. Значит, видели их костер. К ним шли на помощь.

XI

...Они уже три дня в Кандалакше, в больнице. Врачи, да и все кандалакшцы оказывают им бесконечно много внимания, помощи. Постепенно они начали приходить в себя, но от этого еще острее сжимала болью мысль о непоправимости того, что случилось на Небло-горе.

Они не смогут смириться с тем, что оборвался их путь к гренландским льдам, к папанинцам. Что оборвались тринадцать прекрасных жизней их товарищей.

Завтра траурный поезд отправится в Москву. Но еще здесь, до отъезда, они должны сказать свое слово.

Они сгрудились вокруг стола, все пятеро – Кости Новикова с ними нет, как только оленья упряжка примчала его к ближайшей станции «Белое море», с первым же поездом его отправили в Мурманск, в госпиталь. Но они знают, что Костины мысли, желания те же, что и у них.

За окном сумрачно. В палате неярко горит единственная, без абажура лампочка. Поскрипывая, скользит по телеграфному бланку перо.

МОСКВА, ЦК ВКП(б), СОВНАРКОМУ
ИЗ КАНДАЛАКШИ,
10.11.1938 г.

До боли сердца жаль, что наш полет закончился так

трагически. Горя желанием выполнить ответственное правительственное задание, мы отдали все свои силы для успешного завершения полета по снятию со льдины отважной четверки папанинцев; для выполнения этого задания правительство обеспечило нас всем необходимым. Весь коллектив экипажа был твердо уверен, что без всякого риска достигнет намеченной цели. Больно мириться с мыслью, что мы не выполнили задания правительства. Нелепый случай оборвал наш полет. Глубоко скорбим о погибших товарищах.

Благодарим наше правительство за отеческую заботу о семьях наших погибших товарищей. Гибель дирижабля не сломит нашу волю, нашу решимость выполнять любое поручение партии и правительства. У дирижаблестроения большая будущность, случающиеся аварии не могут снизить достоинства дирижабля. Мы с удвоенной энергией будем впредь упорно работать над постройкой еще более мощных усовершенствованных дирижаблей. Дирижаблестроение советское развивается успешно, будет еще больше развиваться под руководством нашего правительства, нашей любимой партии.

Группа экипажа дирижабля «СССР В-6».

Матюшин, Новиков, Устиновъч, Почекин, Бурмакин, Воробьев.

Они не смогли прийти на помощь папанинцам. Ледяной обломок, на котором находилась научная станция, все еще

гнало со всей массой льда по Гренландскому морю. Четверо исследователей в пятидесятиградусный гренландский мороз, на лютном ветру, под пушечной канонадой ломающегося льда, не прерывая ни на один день, продолжали вести научную работу. Кое-как обогревались у керосиновой лампы, заползая в снежную нору, вырытую ими в плотном, почти как лед, снегу.

Они знали, что не забыты, что сквозь все преграды с Большой земли спешат к ним на помощь люди. Но только через две недели после гибели дирижабля В-6, невероятно долгие две недели, смогли пробиться к ним сквозь тяжелые льды ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман».

19 февраля 1938 года была снята со льдины четверка отважных исследователей, погружено на борт все имущество научной станции, обширный и уникальный научный материал, собранный ими за девять месяцев дрейфа в Ледовитом океане.

Шесть оставшихся в живых членов экипажа дирижабля В-6, едва оправившись после катастрофы, едва залечив раны, с удвоенной энергией взялись за свое родное, понесшее такую большую потерю дело.

Возможно, у кого-либо возникнет вопрос: а нужен ли был тот столь рискованный полет дирижабля В-6? Нужно ли было посылать дирижабль в нелетную погоду по тогда еще неизведанной трассе? Правомерно ли было рисковать жизнью многих людей ради спасения четырех?

Очень точный ответ на это дал сын второго командира дирижабля В-6 Ивана Панькова Иван Иванович Паньков, когда в день тридцатипятилетия со дня героического полета дирижабля В-6 собрались вместе все друзья и близкие погибших дирижаблистов, бывшие дирижаблисты, трудящиеся города Долгопрудного.

– Советские люди всегда придут на помощь своим товарищам, – сказал Паньков. – Они будут делать все и, если надо, отдадут свои жизни, чтобы помочь в беде. Это формула нашей жизни. Тринадцать и четыре... Тринадцать погибли, торопясь помочь четверем на льдине. Среди погибших и мой отец. И мы, молодые, если возникнут такие обстоятельства, сделаем все ради спасения людей... Такова формула жизни советского человека.

Часть вторая. И опять мы в небе

Близился 1941 год.

В предвоенном сороковом на дирижабlistов обрушился еще удар.

Неожиданно в Долгопрудный прибыла авторитетная комиссия. Заглянула в элинг, посовещалась и уехала. В результате – приказ Совета Труда и Оборона: «...Поскольку дирижабли не отвечают неотложным требованиям укрепления обороноспособности нашей страны, строительство их прекратить, имеющиеся дирижабли законсервировать. Эскадру дирижаблей расформировать».

Своими руками разбирали дирижабlistы корабли.

В один из грустных этих дней прибежали в элинг, чтобы в последний раз увидеть свой корабль В-1, на котором они больше всего летали, первые женщины-командиры дирижабля Вера Демина и Людмила Иванова. Остановились на пороге. От В-1, любовно сконструированного инженером Гараканидзе, на земле оставалась лишь груда перкаля. Ребята складывали ее в упаковочный ящик. Консервировали. «Какое ужасное слово, – поежилась Люда, – консервировать можно фрукты, овощи, рыбу, но не дирижабли...» Тут же стояли уже ненужные гондола, моторы. Неужели ничего уже нельзя изменить?.. Неужели не ясно, что они нужны?..

Рядом покачивался на швартовых ДП-16, новый, только

построенный, с наполненной газом оболочкой. Двадцать девять тысяч кубометров водорода вошло в нее! В салоне мягкая удобная мебель. Благоустроены, красиво отделаны пассажирские каюты. Командирская рубка оснащена новейшими навигационными приборами.

Кораблю так и не довелось уйти в полет. Не совершил он плавания ни до Новосибирска, куда намечался первый его рейс, ни до Иркутска, Читы, Владивостока – без посадки десять тысяч километров!.. Дирижабли были готовы к тому, чтобы взять на себя выполнение грузо-пассажирских перевозок. Их работа для народного хозяйства только наметилась, и была прервана в самом начале, на взлете...

Трудно было смириться с этим. Устинович, Попов, Шевченко, Белкин долго отстаивали необходимость дирижаблей стране. Ездили по начальству, доказывали; лозунг «Летать выше всех и быстрее всех» – не для воздухоплавательных аппаратов, у них свои неоспоримые достоинства, совершенно иные, чем у самолетов и недоступные самолетам. К их словам не прислушивались. Будущее показало, какую пользу может принести дирижабль фронту.

Теперь же им всем – командирам, пилотам, штурманам, бортмеханикам, бортрадистам – предстояло проститься с избранной профессией воздухоплателя и искать место, где нужны их знания, умение, опыт. Одни пошли работать на авиационный завод, другие в авиацию. Некоторые нашли свое место в Аэрологической обсерватории, которая находи-

лась тут же, в Долгопрудном.

Повезло в этом отношении старшему инженеру эскадры Владимиру Шевченко и пилотам Андрею Нечаеву и Виктору Бейнарвичу. Узнав о том, что на Черном море формируется новая воздухоплавательная часть аэростатов заграждения, они подали рапорт о зачислении их в кадры Военно-морского флота. И вскоре отбыли в Севастополь.

А что было делать представительницам «слабого пола»? «Может, податься в шоферы? Пусть не за штурвал, хоть за баранку держаться?» – невесело поделилась своими мыслями с ребятами Вера. Те не поддержали. А штурман В-4 Артур Лейзерах даже возмутился: «Воздухоплателю по земле ползать?! Да я первый под твою машину лягу, а не допущу!»

Он шутил, конечно, но «честью мундира» всерьез дорожил. Вскоре он ушел в авиацию. А Вера в шоферы не пошла. Не смогла пойти и на курсы бортрадистов, куда поступили Люда и Саша Ивановы. Помешал недостаточно тонкий слух. Как сама говорила: «Балалайку толком настроить не могу». Понимала: бортрадисту слух требуется отменный, чтобы сквозь грохот моторов в переполненном звуками эфире уловить свой, нужный. Недаром в радисты охотно берут музыкантов. Пошла работать на авиазавод.

Начнется война, и все они снова будут в небе.

I

В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ КРАСНОЙ АРМИИ

В наступивший решительный час Отечественной войны советского народа с озверелым фашизмом, летный и технический состав воздухоплавательной группы Аэрологической обсерватории, в мирное время работавший в системе Главного управления гидрометеослужбы на пользу науки и обороны Родины, выражает свою готовность быть на передовых позициях и встретиться лицом к лицу с заклятыми врагами Советской власти и нашей партии.

Пилоты, имеющие большой летный и парашютный опыт, просят направить их только в отряды аэростатов наблюдения, на самые ответственные и трудные участки борьбы с фашистами, чтобы совместно с артиллерией и в возможно короткий срок, разгромив и уничтожив фашистов, вернуться к научно-исследовательским полетам на пользу советской науке и цивилизации.

24 июня 1941 г. Пос. Долгопрудный. (Письмо подписано воздухоплавателями, участниками митинга в Аэрологической обсерватории)

«Милая, родная Людмила!

Почему нет тебя рядом! В мирные годы всегда были вместе, в воздухе, на земле... Столько довелось вместе встре-

тить – трудного, горького, радостного до невероятности. А сейчас, в войну... Какой далекой кажется теперь так внезапно прервавшаяся мирная жизнь. А ведь двух месяцев не прошло, как идет война.

Меня определили в воздухоплавательный отряд в звании пилота-воентехника 2-го ранга, на петлицах два кубика. Буду с привязного аэростата наблюдения вести корректировку огня нашей артиллерии. Хотела всегда летать на наших мирных дирижаблях, а вот надела шинель. Впрочем, военную шинель надели сейчас все, кто может держать оружие. А уж нам-то, пилотам, тем более место в строю.

Стоим в Кунцеве, в Доме культуры имени В. И. Ленина. Помнишь, наш курсантский лагерь располагался тут, поблизости? Надо же было судьбе забросить нас именно сюда, где проходили наши первые полеты!

Здесь много наших ребят-дирижаблистов: Сергей Попов, он нач. штаба отряда, командир аэростатной точки Виктор Почекин, пилоты Коля Голиков и Валентин Раевский, целая компания бортинженеров и техников – Коля Ларионов, Леня Жильцов, Миша Волков. С Четырнадцатым отрядом, который сегодня отправлен на фронт, ушли пилоты Жора Коновальчик, Саша Крикун, Александр Фомин, Саша Масенкис, Егор Курин. Не хватает тебя и твоего Сашки.

Последняя сводка Информбюро: сдан Смоленск. Гибнут города. Люди... Мимо нас по шоссе идут беженцы. Усталые, запыленные. Гонят такую же усталую, отощавшую скотину.

Знаешь, какая Москва сейчас? Затаившаяся, ночью ни искорки света. С наступлением сумерек в небо поднимается множество аэростатов воздушного заграждения. У них стабилизаторы, поэтому кажется, что плывут дирижабли. Кое-кто так и думает. Каждый вечер воздушные тревоги. Прорвавшиеся фашистские стервятники бомбят. Беспорядочно. Из-за аэростатов заграждения не рискуют снизиться, чтобы бомбить прицельно. Вот и наши воздухоплавательные аппараты приносят пользу.

Дежури́м на крыше, гасим «зажигалки». От грохота стоящей рядом зенитной батареи дрожат стены.

Мы сидим как пришвартованные, ждем машин, а машины сейчас всем нужны, и когда выделяют нам, никто сказать не может. Надо на фронт, скорее! У вас с Сашкой крылья, верю, они уже несут вас в нужном направлении. Где вы сейчас – на южном фронте, на северном?.. Пишу тебе в Свердловск, на вашу авиабазу, по старому адресу, другого нет.

Будет свободная минутка, черкни хоть пару слов – полевая почта № 612-18. Страшно по тебе соскучилась.

Кончаю. Уже заходил Коля Голиков, торопил. Он едет в город, взялся опустить письма где-нибудь в центре, говорят, быстрее дойдут.

У меня крепкая надежда, что встретимся. После войны. Не будет же она вечно! Целую тебя и Сашку, Как он там? Твоя Верка. 15 августа 1941 года».

На лестнице слышались голоса, топот ног, выкрики ко-

манд.

Вера глянула в окно. Машин по-прежнему нет. Теплый ветер дыхнул запахом спелых яблок, не погубила их еще война, созревают. Окна деревенского домика напротив были оклеены крест-накрест полосками бумаги – «мощной» защитой от осколков, от этого он казался нежилым. Хотя у калитки лаяла собака, а в садике у яблонь играли дети, их еще не успели эвакуировать.

Как наяву, Вера увидела своих – Аллочку и Вовку – на вокзале, растерянных, притихших перед отъездом. Удивление и встревоженность в детских глазах, и еще надежда на взрослых: они сильные, защитят... Разве могут малыши понять, что такое война и что она еще принесет?.. Их вместе с бабушкой эвакуировали в Бузулук, за Куйбышев. Как им в этом Бузулуке?..

По шоссе шло воинское подразделение, слышался оркестр, дробный солдатский шаг. На Веру вдруг повеяло каким-то добрым теплом детства, когда, бывало, только слышав, как ухают трубы на Пятницкой, вблизи ее дома, срывалась она и бежала туда опрометью. Пристроится сбоку шеренги, стараясь идти в ногу. Набегут мальчишки, отталкивают – девчонкам здесь не место! Потом полюбила старинные вальсы, под них на катке Спортинтерна «снегурки» сами скользили по льду. Тут оркестр играл незнакомое, но такое близкое и волнующее, что от него жгуче сжало внутри. Казалось, все, чем переполнена была она сейчас, о чем мучи-

тельно думала последнее время, вобрала в себя эта зовущая, полная горечи и мужества песня:

Вставай, страна огромная,
вставай на смертный бой...

В переполненном людьми клубном помещении постепенно стало очень тихо. С улицы все громче, все ближе...

Пусть ярость благородная
вскипает, как волна.

Сгрудившись у окон, все провожали взглядом уходившую колонну. Когда же мы?.. Комплект аэростатных оболочек, баллоны с газом уже получены. Ждать сейчас было тягостно.

Начштаба Восемнадцатого отряда Сергея Попова вызвали в Центр формирования воздухоплавательных отрядов, который находился рядом на биваке дивизиона. Вера пошла с ним, хотелось побывать на памятном месте. Невысокое здание дивизиона, взлетная поляна, окружающий ее лес... – такое все знакомое. Здесь начиналась их летная жизнь.

Пока Сергей договаривался о лебедках для аэростатов, Вера спустилась в овраг, где в тридцатом они собирали дирижабль «Комсомольская правда». Был он неказистый, их первый корабль, оболочка словно из одних заплат. А им казался богатырем. Да он и был богатырем – когда поднялся в

воздух, все это поняли.

Лес по краям оврага поредел. Пусто и тихо тут стало. Не слышно больше переключки голосов, деловой суматохи. Он был их домом, этот овраг, пока не построили эллинги в Долгопрудном.

Под руки попался кусок полуистлевшего перкаля и колышек от палатки, может, даже их, девичьей...

Вера присела на подсохшую траву, обхватила колени руками. Вспомнилось давнее, чего больше никогда уже не будет...

Сережа Демин. Ее Сережа... Так явственно встал перед глазами, что даже зажмурилась. В рубашке апаш, с закатанными по локоть рукавами, взмокшие волосы скручены на ветру, тянет трос, подвешивает гондолу и кричит громко, такой живой, охмелевший от радости:

– Составляй, Вер, график, кто первым полетит! – это когда «Комсомольская правда» должна была впервые подняться в воздух.

И столько было в его взгляде несказанного, что вырвется потом... А сейчас только:

– Мы полетим!

Как-то после длительного и нелегкого полета они, вместо того, чтобы идти отдыхать, забрели к одному из самых дальних и запустелых их Долгих прудов. Плутали по прибрежным зарослям и неожиданно сквозь кустарник и осоку увидели небольшой островок. К нему вел жиденький, в одну до-

сточку, мостик. Не дошли и до середины, как, потревоженные их появлением, с островка шумно взлетели и стали носиться над ними, беспокойно галдя, черноголовые чайки.

– Они здесь гнездятся, бежим назад, – крикнула Вера и, неловко повернувшись, качнулась. Опора ушла из-под ног. Она смешно взмахнула руками. Сережа подхватил ее и бегом под плеск воды из-под гнущихся досточек вынес на сухое место. Ясное доброе небо кружило над ними... С берега любовались стремительным и точным на виражах полетом этих необычных для Подмосковья птиц, разведенных здесь некогда теперь уже забытым любителем.

Закусив губы, Вера старалась сдерживать непослушно жгущие глаза слезы. Так нестерпимо больно и остро не ощущала она Сережу рядом за все долгие три года, что живет без него...

II

Бортрадист транспортной авиации Людмила Иванова войну встретила в Покровском-Стрешневе, окраине Москвы, где после прилета из Свердловска их экипаж ночевал, как обычно, в профилактории для летного состава. Ничего плохого не ждали. Задержались немного в столовой, попивая дымящееся какао, перекидываясь шутками с другими экипажами, и отправились отдыхать.

Утром их подняли рано. И тут узнали: война!

Еще не представляли, какой она будет, казалось, она далеко, враг только перешел границу. Верилось: война ненадолго, наши войска тут же погонят врага вспять.

Этот черный первый день войны. Частые сообщения по радио. Марши, марши из всех громкоговорителей. И безутешные слезы женщин у сборных пунктов. Люда не плакала, может, оттого, что не провожала Сашу на войну. Она просто знала: ему, как и экипажу ее самолета, выдали уже, наверное, новые документы – военные – обмундирование, пистолет (тяжелая кобура непривычно оттягивала сейчас ее ремень), и он, так же, как и она, будет на своем «Дугласе» выполнять задания. Только до духоты что-то сдавило внутри.

Полет по магистрали Москва – Иркутск, на которой они работали, был отменен. Вечером прилетели в Киев. И оказалось: война-то – вот она. На аэродроме глубокие воронки,

разбитые самолеты. Они погрузили партию раненых. Много. Это в первый день войны...

«Дорогая моя Верка!

С начала войны ничего не знаю о тебе. Ты, наверно, пишешь мне в Свердловск, а я давно уже не там. Базируемся в Ленинграде. Летаем по заданию Северной авиагруппы особого назначения. Я по-прежнему бортрадист. Хорошо, что в горькие дни, когда не стало нашей Эскадры, я пошла в авиацию, потому что без полетов не могла никак. Еще когда задиристыми, несмышлеными, но упорными девчонками пришли мы в Воздухоплавательную школу на Большой Спасской, у всех было одно желание – скорее подняться в воздух. Это осталось на всю жизнь. Нашла ли ты свое, как хотела, близкое воздухоплаванию? Война все смешала...

Много хочется сказать тебе, накопившегося за эти кровопролитные беспощадные дни, но даже короткую весточку не знаю куда послать. Где ты? Какие ветры тебя обдувают?.. Пишу домой, больше некуда, хотя уверена, не дома ты сейчас. Но, может, мама или кто из соседей перешлют в твой адрес, скорее всего фронтовой.

Крепко обнимаю. Будь счастлива. Твоя Люда».

Летели опять в Мурманск. Мурманск – незамерзающий порт, северные ворота страны. Это знали и фашисты, поэтому рвались к нему с суши, моря и воздуха, бомбили каждый день жестоко. Так что работы им хватало. Вывозили раненых.

Летали днем, ночей здесь в это время почти нет, на бреющем, чтобы «мессер» не зашел в хвост. В самом Мурманске еще не были, аэродром в стороне, за сопками. Но дымы пожаров видели каждый раз, запах гари преследовал всюду.

Спешили принять на борт раненых. Медперсонала не хватало, и подчас эти обязанности приходилось выполнять Люде, в перерыве между радиосвязью. Хорошо, что от мамы, медсестры, успела кое-что перенять. Помощь надо оказывать быстро и точно. Малые знания в медицине старалась восполнить заботой: напоит, повернет поудобнее, поправит повязку.

Ленинград тоже бомбили. Пролетая, видели: разбитые дома топорщатся глыбами камня и железа. А сегодня, придя на аэродром, увидели обломки своего самолета.

– Теперь мы «безлошадные», – грустно усмехнулся командир. – Будем ждать назначения.

...Еще не успели залатать следы бомбежки, воздух наполнился гулом моторов. Сигналили машины техобслуживания, бензозаправщики. Все жило в прежнем напряженном ритме, даже в столовку люди шли торопливо, быстро ели, посматривая на часы. А их экипажу торопиться некуда, и от сознания этого Люде было не по себе.

Прислонившись к косяку окна в комнате отдыха, она невольно присматривалась ко всем проходившим, не мелькнет ли там Сашкино лицо. Могли ведь и его «дуглас» перебросить сюда.

Последние годы они всегда были вместе. Их любовь в вечно оживленной суеде Эскадры долгое время никто не замечал. А они таили ее от посторонних взглядов, даже друг от друга вначале. Впервые Люда не сумела с Верой поделиться. А Вера не спрашивала, только смотрела все внимательнее...

Открылось все неожиданно просто – и для всех, и для них.

Праздничным вечером гуляли компанией по украшенной иллюминацией Москве. Любовались отражением огней в Москве-реке. Пели любимые песни, хохотали, дурачась, переходили с одной на другую переполненную людьми улицу. Бродили допоздна. Когда подкатил трамвай «аннушка», Люда, быстро попрощавшись, вошла в него, махнула рукой. Трамвай тронулся. И тут по растерянному, вдруг вытянувшемуся Сашкиному лицу, по тому, как рванулся он, будто терял Люду навсегда, и, догнав длинными ногами уходящий трамвай, не вскочил, а влетел в него на полном ходу, все стало ясно...

Невольно все рассмеялись, до того неожидан был этот Сашкин «вираж». А Катюша Коняшина негромко сказала:

– Ребята, ведь это всерьез.

Никто из воздухоплателей не жил за Крестьянской заставой, поэтому никто не видел их вместе. А Сашка скажет, бывало, матери: «Заночую у дяди Троши на Таганке». А сам – провожать Люду в Дубровский поселок по темной притихшей улице, где слышится лишь иногда издали цокот копыт по мостовой редкого уже тогда извозчика. Дойдут-до ее до-

ма, постоят у палисадника, укрытые теплым вечером и россыпью звезд.

Люда скажет:

– Иди, уже поздно.

Он крепко держит за руки.

– Не отпущу. Никогда. Запомни!

– Ну ладно, я немножко провожу тебя.

А это «немножко» – до Таганской площади. А обратно – разве он пустит ее одну! Не заметят, как светать станет, на небе заря вовсю разгорится, погаснут уличные фонари.

К дяде Троше Сашка так и не попадал.

III

Они уже в пути к Юго-Западному фронту. Знакомая Вере по поездкам на юг станция Скуратово. Бывало, и вместе с Людой катили они здесь к морю. Жаркое солнце... хрустящая под ногами галька... плещущие волны... Она и в этом году проезжала тут. Так, с майским сочинским загаром, и едет на фронт.

Другим стало Скуратово. Нет, вокзал тот же, тот же медный колокол бьет при отправке поездов, та же закопченная паровозным дымом водокачка. Но остальное... Множество людей, суета, озабоченные лица. За кипятком очередь, как за хлебом. Эшелоны, эшелоны, все пути забиты. Воинские – на запад, с эвакуированными – на восток.

Перемещаются целые заводы, со станками и оборудованием. В теплушках битком – взрослые, дети, груды скарба, среди которого малыши, несмотря на тяготы пути, заводят игры – живут своей жизнью. Рядом из таких же теплушек подают голос коровы, свиньи. Чувствуется, люди не могут свыкнуться с тем, что пришлось спешно уезжать неизвестно куда. Там, где был их дом, теперь хозяйничает враг.

За Харьковом Вера встретила с войной вплотную. После налета «хейнкелей» вместе с другими уцелевшими кинулась к горящему эшелону с эвакуированными. Помочь раненым, спасти, кого еще можно. Они вытаскивали пострадав-

ших из-под обломков, из искореженных вагонов, рвали рубахи на бинты, перевязывали раны. Дым. Кровь. Стоны раненых. Голоса зовущих, потерявших друг друга людей.

Потом они шли впереди своего паровоза и расчищали путь.

Уже в вагоне, под стук колес, Вера торопливо писала в Бузулук маме, ребятишкам, спешила уверить, что жива. «Вам – только счастья!» То же написала и Люде – в адрес «на деревню, дедушке»...

В вагоне с Верой Попов и Почекин. Попов ее двоюродный брат. Если бы не он, она не скоро стала бы воздухоплавателем. Сергей рано потерял отца и жил в Вериной семье. Он был старше ее на три года и уже работал. А по воскресеньям куда-то исчезал. Однажды на дотошные Верины приставания тихонько признался:

– Летаю.

Она так и ахнула.

В первое же воскресенье он ее взял с собой.

Посреди двора газового завода, куда они пришли, лежала груда материи. К ней присоединили шланг. Груда зашевелилась, стала пузыриться, приподниматься, складки на ней расправились, и на глазах стал надуваться шар. Скоро он поднялся выше заводской крыши. Книзу суженный, он походил на гигантскую каплю. Под ним была подвешена на стропях корзина из ивовых прутьев.

Распоряжался всем высокий, сутуловатый человек с

немного заостренными чертами смуглого лица. В ухе – серьга. Как атаман-разбойник, подумала Вера. Но светлые его глаза были самыми мирными. Фамилия у него была странная – Мейснер, а имя совсем обычное – Иван Иванович.

Рядом с ним Сергей выглядел более крепким, широким в плечах. Мягкие черты лица, полные губы подчеркивали его добродушный характер (правда, Вере хорошо были известны и его упорство, когда чего-то добивался, и даже взрывчатость). Но сейчас сдвинутые напряженно брови все равно не придавали лицу строгости.

Мейснер первым влез в корзину. Еще раз осмотрел аэростат. Застегнул шлем, комбинезон и, когда в корзину влез Сергей, скомандовал:

– Валяйте, братцы!

Крепления отпустили, и аэростат рванулся вверх.

– Скажи маме, вернусь не скоро! – крикнул Сергей.

Вера ошеломленно смотрела, как удалялся аэростат. И тут же твердо решила, что будет летать.

Заметив, с какой заинтересованностью и даже завистью провожает она Сергея в полеты, Мейснер как-то сказал ей:

– На Большой Спасской, в церквушке, тут недалеко, на «букашке» доедешь, открывается Воздухоплавательная школа общества Осоавиахим.

– А девочек туда берут? – сразу наострилась Вера.

– Попробуй.

...Среди всех толпившихся в ожидании ответа у дверей

комнаты, где заседала приемная комиссия, Веру особенно привлекла высокая худенькая девушка с серьезным взглядом карих глаз. В ее молчаливой сдержанности чувствовалось такое же, как у нее самой, неодолимое волнение, и в то же время было в ней какое-то дающее уверенность спокойствие, какого самой Вере, как ей казалось, не хватало.

Люде же как раз пришлось тогда по душе Верины свобода и легкость, с какими ориентировалась она во всем, ее решительность и открытость ко всем, кто рядом.

Домой после всех треволнений этого дня они пошли вместе.

– Тебя кто надоумил пойти в эту школу? – поинтересовалась Люда.

– Мейснер, – обрадованно откликнулась Вера. – Он летает на воздушном шаре. Он друг моего брата Сергея.

– И меня Мейснер, – страшно удивилась Люда. – Он муж моей старшей сестры Валентины.

Обе рассмеялись. Круг знакомых замкнулся. Они сразу подружились. Оказалось – навсегда.

Наконец-то они в деле. После всего, что довелось увидеть по дороге к фронту, хотелось воевать лучше, «не щадя живота», как говорили в старину.

Машина с лебедкой в глубоком овраге. Крутится барабан, то сдавая, то выбирая трос привязного аэростата. В корзине – там, в вышине, – двое: командир аэростата Вера Демина и

капитан-артиллерист. По несколько раз в день поднимаются они для наблюдения за противником и корректировки огня нашей артиллерии.

Раньше Вера не представляла себе, какая это акробатика – быть на привязи. Ей доводилось много летать на самых разных аэростатах, даже на «игрушечных» шарах-лилипутах, сидя на дощечке, как на качелях, ничем не огражденной – на ужас всем, кто смотрел с земли. Но это – в свободном полете. А здесь!..

Когда в первый раз поднялись на восемьсот метров, сразу попали в страшную трепку. Ветер рвал аэростат, гнал дальше, а трос не пускал. Ивовую корзину с ними вместе швыряло из стороны в сторону, кренило, вскидывало вверх и тут же бросало вниз, как в пропасть. Не заметила, как вцепилась в борт обеими руками. Глянула на капитана и вспыхнула от стыда. Она-то воздухоплаватель, а он впервые в воздухе. Побледнел до синевы, немоготу ему, но ни за что не держится – нечем и некогда. Смотрит в бинокль, в другой руке прибор для корректировки, на коленях планшет с картой, а тут еще телефонная трубка. Чем помочь?..

– Держись за строп.

Сама схватила трубку.

– Говори координаты.

Как он нашел противника при неистовой пляске корзины?! Но нашел. Крикнул:

– Есть цель.

И стал называть координаты. А она передавать в трубку. Кричит и чувствует, как сжало голос, должно быть, от волнения. Снизу ей в ответ:

– Кто там пищит, у вас что, детский сад? – и дальше, не выбирая выражений.

Разозлившись, гаркнула как надо, почти по-мужски:

– Прицел сто сорок!

Поняли. Оружие ударило. Эх, недолет! Передала поправку. Перелет. На третий – в самый раз.

Капитан выхватил трубку.

– Цель накрыта! Беглый огонь из всех орудий!

У него даже краска к лицу прилила. Сунул Вере бинокль.

– Смотри, товарищ командир, такое надо видеть!

Бинокль у капитана сильный, но Вера никак не могла найти. А потом поймала: там, далеко, вспыхивают дымки и летят вверх колесами, кутаясь в поднятую разрывами снарядов пыль, вражеские машины, бронетранспортеры, минометы, пушки...

– Вижу за холмом вспышки орудийных стволов. Прошу огня. К корректировке готов, – передал капитан.

А по аэростату уже била фашистская батарея осколочным. Им, конечно, было понятно, для чего он здесь. Снаряды сначала рвались далеко, а потом – совсем рядом, осколки с визгом резали воздух. Хотелось сжаться в комочек, стать с воробышка. На земле можно где-то укрыться, в траншее, в канаве... Они болтались на виду, будто дразнили: вот мы, от-

крыты со всех сторон!.. Но спускаться рано. Надо маневрировать. Вера отдала команду на лебедку:

– Дать высоту.

Взлетели. И опять вниз. Парни на машине с лебедкой старались вывести их из-под огня. Но фашисты вновь нащупали, стали бить по оврагу фугасными, стараясь уничтожить лебедку.

Взрывная волна швырнула хуже ветра. Земля дыбом встала.

...Все время жаркие дни. Боевые подъемы. Разведка. Вера уже свободно читала землю, как военную карту по еле заметным оттенкам на ней.

Почти у горизонта, километрах в пятнадцати разглядела темнеющую полосу на желтом поле. Пригляделась: танки, даже сосчитать смогла – шестнадцать. Отыскала мост, солнце било сбоку, и от него ложилась четкая тень. Когда передали координаты и ударила наша батарея, вместе с осевшим дымом и обломками исчезла и эта тень. Крутые изгибы окопов прослеживались по освещенным и тeneвым их сторонам и зубчикам траверсов. Не по себе стало, глядя на них. Это были наши окопы, их оставили три дня назад. Теперь в них враг.

Ударила где-то пушка – и сразу бинокль в ту сторону. На высоте все звуки земли слышны хорошо. Когда же тихо, что, правда, редко бывает, короткие автоматные очереди все время откуда-нибудь доносятся, даже забавно слышать, как

внизу Почекин распекает нерадивого, кто-то отдает команду, кто-то крикнет: «Кухня приехала!» Вот только запахи кухни наверх не долетают. Там лишь запах тротила от рвущихся вблизи снарядов, но его лучше бы не знать.

Когда они прибыли сюда, их встретили довольно прохладно. Косо посматривали на аэростат – зачем нам этот «пузырь»? Его, как ни маскируй по оврагам, фриц все равно усечет, будет бомбить. Но, когда в первый же подъем они помогли артиллеристам подавить две вражеские батареи и рассеять скопление другой немецкой техники, отношение к ним резко переменялось. Их стали уважительно называть «глаза и уши артиллерии», О результатах их работы наземные части узнавали по тому, как стихали вражеские батареи.

«Пузырик» в очередной раз залатали, подкормили газом. Раздалась команда:

– Наблюдатели, в корзину!

Аэростат пошел вверх. Теперь там Коля Голиков. С ним Вера летала еще на В-1. Бесстрашный человек, недаром Сережа Демин для испытаний новых конструкций обычно брал его. Снаряды рвались вблизи корзины, зажимая ее в кольцо. Смотреть на это с земли, когда там не ты, а кто-то другой, было жутковато.

Вера обернулась на шум подъехавшего «газика». Выскокивший из него Сергей Попов светился радостью, как луна в полнолуние. Только что в штабе дивизии ему вручили письмо от жены, из Бузулука. Лена родила ему сына. Назвала Се-

режей.

– Я, Вер, счастливый, – похвастался он, – если убьют, живет уже в Бузулуке новый Сережка Попов.

«Горе у меня, Люда! Убили моего капитана.

Пишу тебе в «никуда», не веря, что письмо дойдет, но не могу не поделиться, ведь всегда радость и горе делили пополам...

Мы столько раз поднимались с капитаном вместе для корректировки. Пережитая вместе опасность роднит. А мы в корзине, под огнем врага – вдвоем, никого рядом. Не раз доводилось прыгать с горящего аэростата. И сегодня пришлось прыгать. Фриц подкрался, паразит, со стороны солнца, так что мы и ребята на земле не сразу его заметили. Зенитная батарея прикрытия открыла огонь. Но поздно. Чувствую, падаем – значит, горим, только из корзины нам это еще не видно.

Капитан крикнул мне:

– Прыгай!

Он старался меня уберечь. Он старший по званию. Но я – командир. Поэтому приказываю:

– Прыгай первым, капитан.

Он вывалился из корзины. Я – за ним. Считаю до пяти... до восьми – высота позволяет. Дергаю за кольцо. Парни на лебедке помогают нам, пускают машину на аварийной скорости, стараются оттянуть от нас пылающий почти в три тысячи градусов факел, его жар на расстоянии достает. Все же

от беды не ушли. Фриц, сделав свое черное дело, не убрался восвояси, вернулся и дал несколько очередей. Я приземлилась благополучно. А капитана смертельно ранило. Глянула в его сторону – ветер парашют треплет. Надо погасить его, может поволочить за собой. Но капитан не шевелится. Кинулась к нему.

– Василь Иваныч, миленький, как же так?..

Чуть дышит, гимнастерка в крови. Положили мы его на плащ-палатку, осторожно подняли в полуторку. За всю дорогу он лишь раз открыл глаза. Было в них удивление и как бы чувство вины: вот, подвел я вас, лежу...

Мы надеялись: довезем. Не довезли.

Обязательно будь жива, Люда!

Твоя Вера».

IV

Экипаж Людиного самолета неожиданно вернули в Москву, и тут она узнала, что Вера и другие дирижаблисты отправлены с воздухоплавательными отрядами артиллерийского наблюдения на фронт. Затосковала. Захотелось быть с ними.

Но для грусти времени не оставалось. Начались полеты. Опять на транспортном, но уже переоборудованном. Мягкие кресла на нем были заменены скамьями, наверху оборудовано место для «шкаса» (скорострельного пулемета – турель. С ними стал летать еще один член экипажа, стрелок. Они были уже не так беззащитны, как прежде, когда не имели возможности отвечать огнем фашистским «мессерам».

Саша тоже летал на транспортном, в другом отряде. Люда со Свердловска его не видела. На аэродроме спросит – говорят: был вчера. Или: полчаса назад вылетел на задание. Главное – цел!

Полетов много: в тыл врага, к партизанам. Доставляли оружие, боеприпасы, десантников для подкрепления.

Они и сегодня с десантом. Люда смотрит на безусых, видимо, только со школьной скамьи ребят. Сидят, обхватив винтовку, сосредоточенные, в напряженном ожидании. Кто-то поправит сумку с патронами, лямки парашюта, неловко, непривычно еще... О чем они думают? О маме? Или о де-

вушке, которой не хватило смелости сказать, что нравится?.. А может, дом уже напрочь отгорожен от них и в мыслях только: как вступят в первый бой?..

Ночь. Линию фронта перелетели, как всегда, на бредущем. За иллюминатором красные черточки трассирующих пуль, всплески света и грохот разрывов зенитных снарядов.

Огненный порог позади. Снова чернота.

И вот команда:

– Приготовиться к выброске!

Все вскакивают. В самолете очень тихо, привычный гул моторов не в счет.

– Мы над точкой приземления, – раздается голос командира Масленникова, – начинайте выброску.

Дверца самолета распахивается. Снаружи, захлебываясь, с шумом врывается леденящий ветер. На лицах парней капельки пота.

Люде не раз приходилось прыгать с парашютом. Ей знакомо охватывающее перед прыжком невольное чувство боязни. Но одновременно к нему присоединялось трепетное и радостное ожидание полета под раскрывшимся парашютом. Она прыгала к ожидавшим внизу друзьям. А эти, может быть, в лапы врага...

– Не отставать, – командует их командир, младший лейтенант, – за мной!

И первым исчезает в проеме двери. Следом за ним прыгают и остальные, друг за другом, глядя лишь на спину впе-

реди стоящего. Так легче подойти к двери, шагнуть в пустоту. Некоторым это трудно, кое-кто жметя к стене, уступая очередь другим, бесцельно ощупывает на себе снаряжение. Люда торопит. Знает: приземлиться нужно всем вместе, на выбранной поляне, иначе потеряют друг друга, заблудятся в лесу.

Следом за десантниками они выбрасывают тюки с боеприпасами, продовольствием.

Пройдя в свой «радиозакуток», Люда настроилась на радиопривод аэродрома. Еле слышное «ззз» – длинное, как до рога в степи... Но вот коротко прозвучало: «лкс» – как бы невзначай радиопривод назвал себя. Доворот ручки, и звенящее «ззз» придвинулось вплотную. Стрелка индикатора радиополукомпаса, вздрагивая, коснулась нулевой отметки.

Масленников кивнул:

– Порядок. Теперь дотопаем до хаты.

Поймав позывные базы, Люда передала по коду:

– Я семь ноль. Задание выполнили. Легли на обратный курс.

V

Вера шла молча, боясь, что голос дрогнет и идущие рядом Почекин и Волков поймут, как трудно ей, раненной в ногу, поспевать за ними, рослыми и крепкими. Только брови, непроизвольно вскидывались при каждом шаге. Рана была нетяжелой, но доктор в полевом госпитале так и не успел ее обработать, был убит разорвавшимся вблизи снарядом. И рана все больше давала о себе знать.

В последний раз на аэростате они с артиллеристом-наблюдателем поднялись возле небольшой деревушки, названия которой Вера не запомнила. Эти дни и ночи они все отходили, и сколько деревушек осталось позади... Поднялись в воздух на рассвете. Тут же налетели два «мессера». С горящего аэростата прыгали с парашютом. На другом конце деревни была уже слышна автоматная трескотня.

Уходили по безлюдной, оставленной войсками дороге. Щемило неприятное чувство потерянности. Машин не было. Кончились боеприпасы. Вера видела, как, выпустив по врагу последний снаряд, артиллерист со слезами целовал ствол орудия, прощаясь с ним.

Впереди показались военные. Сразу не разобрали – чьи. Потом увидели – свои, человек двадцать. Они прибавили шагу. Встретившись, остановились. Невысокого роста, суховатый, серый, как и все они, от пыли, с окровавленной по-

вязкой на голове, майор сумрачно спросил:

– Куда идете?

– К своим, – ответили они. – Позади немцы.

– Мы тоже к своим. Позади нас тоже немцы.

Все вокруг будто сжалось, стало тесным – дорога, поля, высокое небо... Окружены. Они и прежде догадывались, но старались отогнать эту мысль, слишком чудовищна она была. Сейчас горькая истина встала во всю явь. Они смотрели друг на друга, ища ответа: куда теперь? Казалось невероятным, чтобы кольцо так вот намертво сомкнулось, где-то можно пробиться к своим. Надо.

Старший лейтенант – артиллерист-наблюдатель – достал из планшета карту, и они с майором, присев на обочине, стали изучать ее. Остальные, сбросив на землю немудреную солдатскую амуницию, тоже присели, стали крутить сигарки. Вера скинула сапоги. Ноги горели.

Решили пробиваться в сторону Миргорода, там должна проходить линия фронта.

На Полтавщине лесов и пригорков, как в средней полосе России, нет. Попадались глубокие балки, все остальное – ровная как стол степь. Балками они не пошли, там частые селения, а значит, гитлеровцы. Шли степью. Пшеница местами не была убрана, война помешала, а теперь и убирать было нечего, поле все изъезжено машинами, танками, изрыто воронками. Стояла лишь отдельными куртинами, желтая, высушенная, без живинки. Переходя от одной куртины к другой,

они хоть на время бывали укрыты от чужих глаз. Рвали на ходу уцелевшие зерна, жевали. Провиант давно кончился.

К большаку подошли под вечер. Не увидели, а угадали по гулу моторов. Засветло не проскочить, тем более, что неубранная пшеница кончилась, дальше – голое поле. На нем возвышалось лишь несколько копен соломы. В них и решили дождаться темноты.

Если бы знали, что ждет их здесь, обошли бы эти копны подальше стороной. Но они были рады укрытию. Закопавшись в солому, Вера лежала в неясном, опутавшем ее тумане. Сладко ныла каждая жилка, даже рана поутихла. Виделось: они уже по другую сторону большака, еще немного усилий – и выйдут из окружения...

VI

В середине ноября, вырвавшись из почти уже затянутого кольца окружения, обросший бородой, почерневший, Сергей Попов прибыл в Кунцево, в Центр формирования воздухоплавательных отрядов. И тут же получил назначение в Шестнадцатый Отдельный воздухоплавательный отряд, базировавшийся в его родном Долгопрудном, где до войны он командовал группой аэростатов Аэрологической обсерватории. Отряд входил в Московскую зону обороны, его задачей было наблюдение с воздуха за противником в секторе между Ленинградским и Дмитровским шоссе. Гитлеровцы наступали здесь со стороны Клина. В ставшем уже прифронтовым поселке был ясно слышен гул артиллерийской канонады. С крыши эллинга, где находился наблюдательный пункт формирующейся здесь стрелковой дивизии, в бинокль можно было видеть на дорогах передвижение вражеских частей.

Аэростатные точки располагались широким фронтом. Их отряда – у Дмитровского шоссе, в Долгопрудном и у станции Ховрино. Дальше – аэростаты соседей, Семнадцатого отряда.

Ночами к передовой непрерывно шли стрелковые части, громыхали танки, катила всякая другая техника. Казалось, даже воздух был пропитан ожиданием начала нашего наступления. Попов был рад тому, что его установленное на

автомашинах хозяйство мобильно и вместе с войсками сможет идти вперед.

Когда прибыли два полка корпусной артиллерии, Попов связался с батареями и вместе с майором-артиллеристом, с которым ему предстояло работать, поднялся в корзине аэростата.

Перед ними открылась местность, знакомая Попову каждым оврагом, речкой, лесной опушкой. Когда-то до войны он исходил вдоль и поперек эти пахнущие земляникой и лесными цветами места. Много раз, несомый воздушным потоком, пролетал тут на свободном аэростате, проплывал на дирижабле. Сейчас знание местности очень пригодилось.

Сориентировав карту по местности, майор помечал на ней цели.

– Вон за тем кустарником глубокий овраг, – подсказывал Попов, – минометы скорее всего оттуда бьют. А за мостом должны быть их пушки.

Майор вскинул к глазам бинокль.

– Точно. Вижу дымок из одного ствола. Ведет пристрелку.

Они передали на батарею координаты, чтобы там тоже могли пристреляться.

Приказа о наступлении еще не было, и невероятно трудно было им, видя с высоты всю панораму расположений позиций врага, сдерживать нетерпение. Попова, еще недавно испытывавшего сполна жгучую горечь отступления, теперь захватило такое же жгучее, но радостное ожидание близяще-

гося удара по врагу.

Шестого декабря аэростат, как всегда, был в воздухе еще с ночи. Попов и майор-артиллерист уже знали о предстоящей большой работе и нетерпеливо посматривали на светящиеся стрелки часов. Внизу, в напряженной тишине, прострекотал мотоцикл связиста. Резко раскачиваясь, скрипела их корзина. Они всматривались в даль, стараясь по еле заметным в темноте светлячкам фар уловить передвижение вражеской техники. Стыли руки. На высоте ветер был особенно злым, в ледяной кулак забирал лицо, прохватывал сквозь нагольный полушубок.

На востоке чуть проклюнулась полоска света, когда тишину разорвало громовым гулом. И покатило грохочущее несмолкаемое эхо. Содрогнулся воздух даже на их тысячеметровой высоте. Земля засветилась всплесками огня. Били сотни наших орудий. Сотни снарядов рвали мерзлую землю окопов. Ответили и вражеские пушки. Те, что были помечены у майора на карте, и другие, что до сих пор скрывали себя. Попов с артиллеристом еле успевали передавать на батарее координаты целей.

– Недолет. Правее ориентира 23, – кричал в трубку хриплым от мороза голосом майор. – Теперь в самый раз. Цель накрыта!

Вдруг голос его замер. В сторону врага, распарывая темноту, неслись непонятные пылающие связки огненных дуг. Справа, потом левее... Так вот они «катюши»! Реактив-

ные... Заиграли. О них много слышали, но видеть в деле еще не доводилось. Их грохочущий завывающий голос выделялся из общего рева орудий.

В телефонной трубке раздался резкий голос:

– В корзине, в корзине, вы что там? Координаты давайте.

Спохватившись, они стали снова работать.

Стороной прошли штурмовики. Вскоре они уже утюжили огнем скопления гитлеровцев. Кажущиеся сверху маленькими, упорными, выбрасывающими огонь жуками, шли в сумеречном свете танки, увлекая за собой тьму черных точек на снегу – пехоту.

Как только аэростат обозначился на светлеющем небе, гитлеровцы открыли по нему огонь. Снаряды рвались справа, немного выше оболочки.

– По нашу душу, – досадливо ругнувшись, кивнул в ту сторону майор.

Кольцо разрывов сужалось. Гремело так, будто колотили по железным бочкам. Ушли вверх. Успели лишь размять затекшие колени да раза два посвободнее вздохнуть, как по ним снова ударили.

– Нашел, – сдержанно, без лишних эмоций объявил майор. – Вон, левее деревни.

За длинным сараем вспыхивали орудийные дымки. Передали координаты. Теперь кто кого. Или вражеский снаряд разнесет аэростат и оставит наши батареи без корректировщиков, или наши батареи разнесут их орудия.

– Воздух! – предупреждающе крикнула трубка.

Не от линии фронта, а откуда-то со стороны к ним неслись, быстро увеличиваясь в размере, два стервятника.

Ударил прикрывающая аэростатчиков зенитная батарея. Заплясали огненные вспышки разрывов впереди «мессеров». Поток трассирующих пуль понесся к ним от спаренных пулеметов. В быстро приближающемся самолете Попов увидел застывшее лицо летчика. Сейчас он даст очередь зажигательными по наполненной горючим газом оболочке... Рука машинально потянулась к лямке парашюта. Он на месте, за спиной. У майора тоже. Но что это? «Мессеры», словно натолкнувшись на невидимую стену, резко вильнули в сторону и стали удаляться. Яки! Наши Яки! Попов увидел их, когда они вынырнули из-за оболочки аэростата и понеслись наперерез уходившим «мессерам».

Зенитки умолкли. Вражеские снаряды – только сейчас Попов заметил это – больше не рвались рядом. Он вскинул бинокль. На месте приземистой постройки и того, что пряталось за ней, была лишь взрытая снарядами черная заплата на снежном поле. Майор, наскоро потеряв о полушубок застывшие руки, уже делал доводку батареи на новую цель.

– По танкам бьют, – кивнул он Попову.

Дремавший поутру ветер с приходом дня налетел порывисто, швырнул корзину аэростата. Насквозь промерзшая, заиндевелая, она угрожающе скрипела.

Попов повел бинокль вдоль линии фронта. Огонь буше-

вал всюду. От залпов орудий, разрывов снарядов землю затянуло дымом. Вдали, по обе стороны от них раскачивались в небе затуманенные дымкой другие аэростаты. Там тоже шла работа.

VII

«Бывают же и на фронте счастливые минуты, Верка, родная!

Наверно, не найдет тебя мое письмо, Верка, родная, а я пишу, просто иначе не могу. Представь себе: на освобожденный от немцев аэродром-«подскок» слетелось несколько десятков транспортных самолетов. Прибыли машины с десантными частями. Тысячи людей... И в этой людской толчее вдруг вижу Сашку! Господи, с начала войны не встречались! Поговорить толком не удалось, успела лишь ткнуться носом в распахнутый комбинезон, на миг ощутить его тепло...

Теперь в полете, слушая воздух, бывает, узнаю знакомый почерк морзянки. И радостно на душе, что Сашка рядом...»

Самолет то падал в пустоту, где, казалось, нет воздуха, который держал бы его, то лез вверх. В канистре булькала вода, выплескивалась через открытое горлышко. Вконец измотанные раненые лежали отрешенно, кто молча, кто трудно стоял. Некоторым болтанка убаюкивала боль, они даже засыпали, у других распяляла. Люде казалось, только вчера они выбросили этих ребят с парашютами, за сутки они успели пройти «огонь, и воду, и медные трубы», и вот, в бинтах, летят с ними назад, успев обрасти уже бородами.

Опять швырнуло. Кто-то охнул.

– Муторно. Дай водицы.

Напоила и других, к кому смогла подобраться. До всех не дотянешься, лежат сплошь.

– Потерпите, ребята, фронт позади. Вон уже Москва.

Глянула в иллюминатор. Под ними растянулся серыми крышами поселок. И вдруг что-то екнуло внутри – это же Долгопрудный! Точно. Вон элинг, добрая пристань их кораблей. Но наглухо закрыты его гигантские ворота. И не кружит над ним, как прежде, встречая их, луч маяка. А как радовались они ему при возвращении из ночных полетов, когда возникал он вдруг у горизонта, вначале только периодическими вспышками света, их видно было за пятьдесят километров, а уж потом низко бегущим по земле лучом. Не для кого теперь выкладывать на летном поле посадочное Т...

Время для сна вырывали только днем. А тут вдруг разнеслась весть: прибыли артисты, будет концерт! Не поверилось – здесь, в фронтовой обстановке, на переполненном людьми и техникой аэродроме, где в любую минуту можно ждать фашистский налет... И все же он будет. Про сон Люда забыла.

Люда любила театр. Вспомнился Большой, эскадра даже имела там постоянную ложу для летного состава. Разнобой настраивающегося оркестра. «Князь Игорь»... «Пламя Парижа»... Лепешинская... Козловский... Лемешев... Сашка больше любил Дормидонтыча, наверно, потому что сам басовит.

Концерты шли в церкви, в деревушке, что была недалеко. Весь день, много раз подряд. А зрители менялись. Бойцы, офицеры, летчики, десантники...

Подошла очередь и их транспортного. Народу битком. В полушубках, меховых комбинезонах, при оружии, с ним расставаться не положено. Скамей, конечно, нет, стояли впритику, так даже теплее. Снаружи мороз под двадцать, а в церкви еще лише: она насквозь промерзла. Пар от дыхания поднимался облаком, и стены с изображением святых покрылись инеем, этих святых уже и не видно стало.

На певицу в открытом концертном платье на таком морозе, по правде говоря, смотреть было страшновато. А туфельки ее изящные, на высоком каблучке сразу напомнили Люде, как к Сашке на свидание в таких бегала. Голос нежно, как льдинка, бился под куполом. Пожалела бы... Но сейчас, видно, никому ничего не жалко. Своды, казалось, рухнут от аплодисментов.

А как хлопали танцовщице! Она на пуантах, на заледенелом полу, легкая, будто ветром вскинутая, взлетала в руках партнера. И чувствовалось, хорошо ей, и так же, как и им, всем, хотелось, чтобы танцу конца не было...

Когда заиграл и запел бандурист с необычной, запоминающейся фамилией Круча, в расшитой украинской рубаше, в шароварах, как у Тараса Бульбы, «шириною в Черное море», в заломленной шапке:

Взяв бы я бандуру,
Тай заграв що знав... —

и все замерли, так потянула за собой песня, раздавалась команда:

– Экипажи «дугласов», на выход!

Люда протолкалась к двери.

Упруго хрустел снег под унтами. Бежалось легко. Отпустили накопленные напряжение и усталость. Казалось, даже в Большом не испытывала она такого щемящего душу волнения, какое охватило ее только что в промерзлой церквушке. Очень соскучилась по красоте. Каждый день только война...

Делали по два-три вылета в ночь. Январь, зима, ночи длинные. Летом столько не налетаешь. Их задача была перебросить парашютно-десантную бригаду на помощь конной армии генерала Белова, которая действовала в тылу у гитлеровцев. После разгрома под Москвой гитлеровские дивизии откатились на запад, но под Вязьмой клином врезались в нашу оборону и крепко окопались там. Надо было перерезать железную дорогу западнее Вязьмы, тогда немецкий клин будет ликвидирован.

Взлетали тройками. Хорошо, что чаще бывало облачно, ни луны, ни звезд, темень. Летели с погашенными бортовыми огнями, почти невидимые для фрицев. Но, конечно, все настороже: и командир, и стрелок. По возвращении, по-

ка шла заправка горючим, пока принимали новую группу десантников, осматривали самолет. На нем было полно маленьких дырочек, следов от на вид безобидных, даже красивых красных угольков, что несутся к ним с земли, когда перелетают линию фронта.

«Сегодня довелось пережить такое, Вер! Сейчас, когда все позади, могу рассказать.

Я слышала, как Сашка запрашивал на аэродроме посадку, выбежала из самолета, ждала его. Мороз крепкий, думала – вот подрулит, вместе побежим греться. И вдруг вижу, как к его самолету понеслись пучки красных нитей. Фриц проклятый подкараулил, когда он на миг зажег бортовые огни. Охваченный пламенем, самолет пошел вниз, но не к аэродрому, а дальше, к лесу. Завыли сирены: воздух!.. Рядом кто-то громко отдавал команду. Я все смотрела туда... Ждала – сейчас грохнет... Сердце куда-то падало... Взрыва не было. Лишь на низком небе разгоралось зарево...

Опомнилась, когда увидела Сашку – живого, в обгоревшем комбинезоне, с опаленным лицом, без шлема – а мороз такой, что и в шлеме голова мерзнет. Он бежал за розвальнями, на которых везли раненых. Летчик сумел посадить горящий самолет на заснеженное поле. Жив!..

Я не смогла пойти с ним в медсанбат. Наш самолет заправили уже горючим, надо было вылетать.

Прими, Верушка, мое не подвластное никаким расстояниям пожелание жизни!»

Их сбили на взлете, когда вывозили от партизан раненых. Люда не видела, как налетел фриц. Только почувствовала боль, услышала грохот. Очнулась в стороне, втиснутая в сугроб. Самолет горел. Партизаны вытаскивали из огня людей. Она старалась разглядеть, кто уцелел? Своих, из экипажа, никого не увидела. Что с ней, еще не знала, только подняться не могла.

Ее отнесли в ближнюю деревню Грядки, положили на солону в избе одиноко живущей сейчас колхозницы. К сломанной ноге приладили доску. Но перелом, Люда чувствовала, плохой, срастется не скоро. Рваную рану на бедре вовсе лечить нечем было.

Пришел командир Масленников, с забинтованной головой, прихрамывая. Сел рядом.

– Жива!

От него узнала, что погибли второй пилот, бортмеханик и много раненых.

В это всегда трудно бывает поверить, хотя она и понимала: на войне надо ждать всякое.

Партизанский аэродром фашисты разбомбили. Когда Люду смогут перебросить на Большую землю?..

Ухаживала за Людой хозяйка, тетя Поля, женщина сердечная, заботливая. У нее своих забот и тревог было через край – двое сыновей и дочка у партизан, муж погиб в начале войны. Принесет свежей соломы, подоткнет, поможет удобнее лечь. Шепнет:

– Не горюй, касатка, встанешь. Не таких выхаживала.

Сварит чугунок картошки, благо она еще была, накормит.

Первое время, когда фашисты налетали на деревню, она костила их самыми черными словами, сыпала на их голову проклятья, а потом, должно быть, решив, что они и того не стоят, лишь сокрушенно качала головой. Желая утешить Люду, говорила, что избы, где лежат раненые, все целы. Люда чувствовала проникающий снаружи запах гари и думала: так ли?..

Ночами охватывали воспоминания. Они помогали выжить. Хоть больше года она уже летала на самолетах, в мыслях все возвращалась к аэростатам и дирижаблям. Что может сравниться с их серебристыми кораблями!

...Встреча Нового года за облаками. Бывает же такое! Аэростат ВР-5, даже объем запомнила – 900 кубов. В корзине она, Попов, Вера и Ваня Демидов, практикант.

Когда пробили серую тяжесть облаков, резануло яркое солнце. Над ними синее небо, чуть качается оранжевый аэростат. А внизу – ни Москвы, ни пригородов, ни предпраздничной уличной суеты, только облака без конца и края и скользящая по ним тень аэростата.

В полночь, когда все было укрыто призрачным лунным светом, прозвенел будильник. Они трижды прокричали на всю заоблачную тишину «ура!», поздравили друг друга с Новым годом, пожелали счастья.

Потом Ваня и Сергей подремывали, а они с Верой остаток

ночи проболтали, понемножку сбрасывая балласт, чтобы не окунуться в скучные облака.

Все сбылось, было у них счастье!..

Разные бывали полеты. Порою такие, что требовали от них мгновенной собранности и находчивости. Не забыть полет на дирижабле В-3, когда горючее кончилось раньше, чем они дошли до базы, и пришлось идти на вынужденную посадку. Садись вблизи неожиданно вставшего на пути строения. А штурвалы из-за того, что часть газа была уже выпущена, бездействовали. Люда схватила штуртрос голыми руками и потянула что было сил. Боль резанула обжигающе. Летевший с ними уже известный в то время полярный радист Эрнст Кренкель бросился к ней на помощь. Навалившись, они в две свои всего лишь человеческие силы сумели повернуть руль. Строение прошло в двух-трех метрах от них. Корабль мягко принял на себя заснеженные ели.

С какой радостью встала бы Люда опять за штурвал и снова пережила все тревоги! Но дирижаблей сейчас нет, если и будут, то когда-нибудь не скоро, после войны...

VIII

Могла ли Люда даже предположить, что время вступления в строй дирижаблей совсем близко, и даже больше того: В-1, кровный их с Верой корабль, уже покачивается на швартовых в эллинге в Долгопрудном, готовый к несению службы для фронта.

Возглавил его сборку, взяв на себя всю ответственность, все тот же неумный Сергей Попов.

После того как фашистские дивизии были отброшены от нашей столицы, изрядно потрепанный в боях 16-й воздухоплавательный отряд был оставлен в резерве, в Долгопрудном. Пользуясь появившимся у него промежутком относительно свободного времени, Попов обратился к командованию Красной Армии, поверяя давно волновавшие его соображения. «Воздухоплавательные аппараты могут быть использованы для дела войны намного шире, чем это делается сейчас, – писал он в рапорте. – Преступлением было бы оставить эти возможности нереализованными».

Он предлагал массовую подготовку парашютно-десантных частей проводить с привязных аэростатов. При этом, отмечал он, высвободятся так нужные фронту самолеты, большое количество высокосортного горючего. Тренировочные прыжки с парашютом можно будет проводить непосредственно по месту нахождения парашютно-десантной части,

на ближайшей к ней просторной поляне. Транспортировку газа будет делать дирижабль.

Командующий воздушно-десантными войсками генерал-майор В. А. Глазунов откликнулся заинтересованно: «Это предложение достойно похвалы, – написал он, – нужно провести необходимые испытания и использовать аэростаты и дирижабль».

И тогда Попов решил, не теряя времени, собрать дирижабль, поскольку знал, что сразу же после проведения испытаний тренировочных прыжков десантников он понадобится.

«Поднять» дирижабль в одиночку, даже при активной помощи друга и соратника, тоже воздухоплователя, начальника штаба Алексея Рощина, Попову скорее всего не удалось бы. Но ведь он находился в Долгопрудном поселке, который родился на базе Дирижаблестроя. Как только разнеслась весть, что он собирается расконсервировать дирижабль, все те из «дирижабельного племени», кто волею судеб были здесь – служил в воздухоплавательном отряде или трудился на местных предприятиях, – потянулись к нему, отрывая часы от и без того недолгого сна или передышки. Пришли мастера такелажного дела Е. Курин, В. Воробьев, инженер, конструктор дирижаблей Б. Гарф, бортмеханики К. Новиков и Д. Матюнин. Из воздухоплавательного отряда – пилоты Г. Коновальчик, М. Гурджиян, А. Белкин, механики С. Горячев, Н. Мурашко и другие. Привычно занял свой пост комендант эл-

линга И. Фадеев.

Разложив на полу элинга такелаж, мастер Гузеев, бывший командир дирижабля инженер Устинович, другие дирижаблисты проверяли расчалки, узлы креплений. Только они, своими руками собравшие в тридцатом году первый воздушный корабль эскадры «Комсомольская правда», могли быстро разобраться во всех хитросплетениях тросов и штуртросов. Работали увлеченно, дорвались до заветного. Мастер по ремонту оболочек Ксения Кондрашева чуткими пальцами прощупала каждый шов оболочки. Мотористы принялись опробовать долго пребывавшие в бездействии моторы.

«Кажется, Ленка, есть надежда на воскрешение одного из первенцев дирижаблестроения, – писал Попов жене в далекий Бузулук. – Грустно и радостно собирать по крохам растерянное так недавно... Работы очень много, но она не пугает, ведь любимое дело. Планов еще больше. Ты скажешь, я по-прежнему фантазер? Ну и что из того?!..»

Водород для В-1 собирали, как говорится, «с бору по сосенке». Наполнившись газом, он повеселел, складки и вмятины на нем разгладились. Несказанно рады были ему, «живому», заново рожденному, трудившиеся над ним люди.

На летном поле Долгопрудного в это стылое мартовское утро было необычнолюдно.

Вокруг выведенного на середину поля, играющего на ветру привязного аэростата, потопывая и переминаясь от холо-

да, сгрудились солдаты парашютно-десантной части. Среди них инструкторы – мастера парашютного спорта, имеющие на счету по несколько десятков прыжков, большинство же – новички, которым сегодня предстояло совершить свой первый прыжок. С чувством невольного недоверия посматривали они на рвущийся вверх аэростат, на жиденькую ивовую корзину, в которой им предстояло подняться под облака.

С минуты на минуту должны были начаться испытания, которые Попов и его друзья давно ждали.

– Помните: каждая секунда дорога, максимум внимания к инструктору, – давал последние указания стоявшим на лебедке красноармейцам Попов.

В том, что аэростат сработает точно и четко, он был уверен. Настолько все отлажено, проверено на практике – еще в боях на Полтавщине и в дни битвы за Москву, когда требовалось умело уводить аэростат из-под обстрела, бросая его вверх или прижимая к земле. Да и сейчас, находясь в резерве, они не жалели времени на тренировки.

Несколько в стороне стояли представители комиссии Военного совета воздушно-десантных войск Красной Армии. В нее входили инспекторы ВДВ, ВВС, испытатели НИИ ВВС, генерал-майор Губаревич – командир 7-го воздушно-десантного корпуса, в котором, если испытания пройдут успешно, воздухоплатателям доведется служить. Возглавлял комиссию главный инспектор ВДВ полковник Спирин.

– Лебедка, аэростат проверены, – доложил Устинович. –

В полном порядке.

Попов четким шагом подошел к председателю комиссии.

– Аэростат к подъему парашютистов готов, – отрапортовал он.

– Начать испытания, – тотчас распорядился генерал-майор Губаревич.

Пилот-инструктор Гурджиян уже в корзине. Рядом заняли места еще трое, все мастера парашютного спорта. Им первым предстояло совершить прыжки.

Команда на лебедку, и аэростат легко идет вверх. Двести, триста метров... пятьсот.

– На лебедке: стоп.

Аэростат, вздрогнув, замер. И тотчас же от корзины отделились три крошечные фигурки. Напряженные, всегда кажущиеся очень длинными секунды – и над ними раскрылись светлые купола парашютов. Ветер относил десантников в сторону. Они, медленно покачиваясь, шли к земле.

А барабан лебедки уже наматывает трос. Попов, Устинович, Рошин удовлетворенно переглянулись, когда корзина аэростата мягко коснулась земли. Шесть минут понадобилось на то, чтобы поднять парашютистов на нужную высоту, выбросить их и подтянуть аэростат.

Дальше все пошло без заминки: не успевала одна группа парашютистов опуститься на землю и погасить купола, как другая уже шла вверх.

Среди наблюдавших за испытаниями членов комиссии не

было равнодушных. А строгое лицо полковника Спирина выражало решительное одобрение. Ему была хорошо знакома не раз возникавшая критическая ситуация, когда требовалось срочно подготовить фронту десантную часть, а самолетов не хватало. Аэростаты – это находка!

Между тем погода стала резко портиться. Облака, отяжелев, пошли вниз. Они плыли в восьмидесяти-ста метрах от земли, то и дело скрывая аэростат. Стало сумрачно, видимость резко упала. Все отлично знали, что в таких условиях тренировка парашютистов с самолета невозможна. А с аэростата она продолжалась. Где-то там, в вышине, невидимые с земли, из корзины вываливались парашютисты. Их появления ожидали особенно напряженно. И когда они выныривали из облаков, всегда неожиданно и не там, где их ждали, раздавались аплодисменты. Тем самым подтверждалась возможность проводить прыжки при плохой погоде, а значит, и ночью.

«Комиссия считает, – говорилось в акте, составленном после окончания испытаний, – полностью подтвержденной эффективностью использования привязанных аэростатов в деле парашютной подготовки личного состава воздушно-десантных войск Красной Армии».

– Надеюсь, в ближайшее время будем совместно проводить подготовку десантников, – крепко пожал руку Попову генерал-майор Губаревич.

– Служу Советскому Союзу, – счастливо отчеканил По-

пов.

Вскоре пришла подписанная маршалом Б. М. Шапошниковым директива Генерального штаба Красной Армии о создании первого воздухоплавательного дивизиона воздушно-десантных войск. Командиром дивизиона был назначен капитан Попов. Нач. штаба – капитан Рощин, инженер-капитан Устинович назначался зам. командира дивизиона и одновременно командиром дирижабля.

IX

«Самый родной, самый близкий мне друг, Люда!

В мыслях говорю с тобой из далекой черной дали. Уж это-то мне никто не запретит, я в этом никому не подвластна. А во всем остальном... Трудно осознать это. Трудно произнести. Я в фашистском плену. Неотступно гнетет мысль: мы все, кто здесь, в неволе, выбиты из строя. На Родине идут кровопролитные бои, а нам не быть со всеми... Шлю тебе эти горькие слова, делюсь, как прежде, мне так нужно сейчас твое участие...

Ледяной ветер гуляет по переполненному людьми бараку, а мне кажется, воздуха так мало, не дышится на чужой стороне. В щелях густые хлопья инея. Вокруг колючая проволока и чужая недобрая речь.

Мы уже почти дошли до своих, оставалось так немного...»

Очнулась она тогда, задыхаясь в дыму. В лицо било жаром. Первая мысль: горит аэростат. Судорожно искала на груди кольцо парашюта. Но под руками только солома. И тут как обухом по голове – совсем рядом отрывистые выкрики гитлеровцев. Пронзила догадка, от которой внутри все сжалось: фашисты настигли их. И подожгли копны. Огонь все жарче, у самого лица. Она пыталась отползти и попадала в такой же палящий жар. Быстро отстегнула планшет, чтобы не попал к врагам. В нем партбилет, пилотское свидетельство,

удостоверение парашютиста, фотография детей, а также та, где снята вместе с Людой.

Давясь дымом, почти теряя сознание, метнулась в сторону. Гитлеровец выхватил ее из горящей копны и швырнул на землю. Ее душил кашель. Шинель на ней горела, она машинально стала гасить ее.

Копны пылали, ветер рвал пламя.

Началась горькая дорога пленных.

Х

Ослабевшую, с капельками пота на лице Люду привезли из операционной. Надежда ее сбылась. Партизаны подготовили новый аэродром, подвезли ее прямо к самолету. И вот она в Москве, в Тимирязевской академии, где сейчас располагается госпиталь. Лежит на настоящей кровати, с бельем, пусть стареньким, застиранным... Рядом сестры, врачи, лекарства.

Нога, пока лежала в избе у тети Поли, оказывается, срослась. Радоваться бы! Да только рано. Неправильно срослась. Пришлось ломать. Поставили как надо, наложили гипс. Может, теперь все будет хорошо? Она верит, терпеливо переносит боль и тяжесть гипсовой колоды. Но еще рана на бедре... Растравилась пуще прежнего. Врачи хмурятся, по их глазам, по-латыни, на которой переговариваются, захолодила мысль, что дела ее не очень-то... Спросила напрямик:

– Худо?

Они замялись.

– Запущено. Потребуется длительного лечения.

Только почему они смотрят не на нее, а куда-то мимо?..

На стене рядом с Людиной кроватью мелко начертано: «Ира + Вачик=...» Чему равняется, не сказано, наверно, война помешала. Раньше здесь было студенческое общежитие. Когда Люде становится особенно тяжело, она начинает

повторять: «Ира + Вачик... Ира + Вачик...» – и как-то легче становится.

В палате, кроме нее, еще трое, от этого не так тоскливо. Молодые, почти девчонки, так же, как она, прикованные злой войной к постели. Люде видно, как мечется напротив нее на подушке пылающее Катино лицо. Катю тоже привезли из партизанского края. Обморожены ноги, она долго пролежала в снегу, пока подобрали. К ней никто не приходит, хоть она и москвичка. Она сама сказала, чтобы не пускали. Когда поправится, тогда... Правда, родных все равно в Москве сейчас нет. Ей приносят передачу – печеную картошку, кулечек слипшихся конфет – девчонки с завода «Динамо», она там до войны работала. Конопатенькая Шурочка (она лежит на наклонной доске, на «вытяжке», у нее поврежден позвоночник), хрустя подгорелой корочкой, говорит о Катиной картошке, что она слаще довоенных пирожных, которые они уже и не помнят, когда ели.

Шура вначале на фронт не собиралась, но однажды в бомбежку кинулась спасти пострадавших, спешно делала перевязки. Неумело – откуда ей было знать, как надо? Пошла на курсы медсестер. Ее определили в санитарный поезд. По дороге на фронт их разбомбили. Так и не довелось ей оказать помощь ни одному раненому.

У двери – самая из них тяжелая, Таня. Балерина, только закончила балетную школу, как началась война. Ушла на фронт добровольцем. У нее забинтованы голова, грудь, нога

в гипсе – по ней прошла автоматная очередь. Из этой опутанной бинтами «куколки» порой высвобождается другая, легкая, с круто выгнутым подъемом ножка. Может, девочке снится, что она на сцене, в танце...

К Тане каждый день приходит мама. Вообще-то часто бывать здесь не разрешают, но Танину маму пускают всегда, она даже ночует. Она ухаживает и за ними, сейчас беспомощными. Сидя возле дочки, говорит ей что-то, кормит с ложечки. Тане и это трудно.

Еще Таню навещает старший лейтенант, он из одной с нею части. Рассказал, что Таня вынесла с поля боя двенадцать раненых. Тринадцатой оказалась сама. Постоит возле двери, боясь потревожить. А сегодня пришел проститься. Уже во всем военном. Его выписывают, едет на фронт.

Наклонился, бережно взял за руку.

– Ну, суженая моя, буду ждать.

У Тани дрогнули ресницы. Что-то с надеждой блеснуло из-под них.

При Шурином «приподнятом» положении (ее кровать стоит у окна) она видит все, что происходит снаружи. Желая отвлечь их, лежащих, от дурных мыслей, комментирует уличную жизнь:

– Вчера снега не было, а за ночь опять насыпало. А им что – ходят нараспашку. Ой, провалилась! Куда ж ты лезешь, бестолковая!

В Шурином голосе столько веселого участия, она забыла

про свое отчаянное состояние, про то, что, может, никогда уже не встанет или встанет калекой. Ей самой бы в мячик поиграть или в «классы», не так давно это у нее было...

Им всем очень хочется туда, к спешащим людям.

«Только представь себе, Верка, лежу, скучная и нудная от долгого лежания. Так же нудно, не переставая, ноет рана. И конец этому так далек, что смотреть ни на что не хочется.

И вдруг... открываю глаза и в дверях вижу... Сашку! Загорелого на диво и со следами ожогов, что тот самолет горящий ему оставил. Улыбка до ушей. В руках огромная охапка – не могу понять чего... Оказалось – бананы! Мы их сроду не видывали.

Он стал раздавать их всем, раскладывая по тумбочкам. И когда руки освободились, подхватил меня осторожно, я и боли не почувствовала, поднял.

– Живая! Ну, здравствуй, – говорит.

А я дух перевести не могу. Втайне все время ждала, каждый день, каждую минуту, надеялась – вот придет... Только надежда была какая-то нереальная, ведь война...

Как же он разыскал-то меня?

Опустил на койку.

– Еще не ходишь?

– Нет.

– Ничего, будешь ходить...»

...Им не верилось, что оба живы, что довелось свидеться. Люда спросила, где загорел так сильно и откуда эти невидан-

ные бананы. Оказывается, они летали в Египет, в Каир, к союзникам, что воюют там с армией генерала Роммеля.

Он побыл совсем мало, а может, ей так показалось?.. Сказал: командир на свою ответственность отпустил: поезжай, только, сам знаешь, на месте надо быть вовремя. Пожелал всем в палате скорее поправиться.

– Ешьте бананы, – сказал, – в них сила несметная! Витамины!!

Неизвестно, что в этих бананах было скрыто, но в Люду силы сразу влились от одного Сашкиного прихода. Долго еще в ней звучал Сашкин голос, сотканный из доброты, любви и тревоги. Даже неловко стало перед другими, которым не выпало этой радости. У кого из них мужа убили, кто давно вестей с фронта не имеет. А ей такое счастье привалило – только что был здесь, высокий, красивый, целый и невредимый!..

Два желтых, самых спелых банана Люда отложила для Тани на завтра.

На этот раз Люда крепко уснула. Так крепко, что ничего больше не слышала. А когда проснулась, место, где стояла Танина кровать, было пусто. Ночью Тане стало совсем плохо, санитары увезли ее из палаты. На блюдечке лежал надкушенный банан.

XI

В очередной, уже рабочий, полет дирижабль В-1 пошел на рассвете, когда аэростаты заграждения шли вниз, их ночная вахта кончалась. Небо было светлым, а на земле еще лежали сумерки.

У деревни Дергаево, под Раменском, где располагался 1-й отряд ВДВ, издали увидели идущий вверх аэростат и вскоре – светлые «одуванчики» парашютов под ним. Работает, трудяга!

– Держите! – громко, хотя моторы были уже приглушены, крикнул Попов, сбрасывая ожидавшей внизу швартовой команде тяжелый гайдропный канат.

От крайней избы, где размещался штаб, к ним бежал командир отряда старший лейтенант Белкин.

– С прилетом, братцы! – обрадованно и в то же время озабоченно приветствовал он экипаж. – Заждались «мамку-кормилицу», на последних каплях газа работаем.

Красноармейцы уже тащили пустые газгольдеры и длинный шланг, который присоединили к пуповине оболочки дирижабля. Открыли заглушку улавливателя воздуха. Все пошло как надо. Струи воздуха от винта наполняли баллоны, и тот, раздуваясь, вытеснял газ из оболочки в газгольдер.

Чем-то походил на большого благодушного кита сонно покачивающийся на швартовых, шевелящий на ветру рулями,

как плавниками, дирижабль. А газгольдер – на китенка, вкусно сосущего материнское молоко и на глазах растущего.

– Толстей, – похлопал его по крутому боку Попов.

Красноармейцы катили от гондолы бочку с горючим для лебедки, несли мешки с продовольствием.

Запись в бортжурнале, которую сделал по возвращении Устинович, заканчивалась словами, ставшими у них традиционными: «Задание выполнено».

XII

Письма. Люда высыпала их на кровать, целую груду – Аннушка, Анна Ивановна, хозяйка их свердловской комнаты, где они с Сашей прожили последние предвоенные месяцы, принесла, как только Люда дала ей знать, где находится. Все сберегла.

В свердловский госпиталь Люду переправили из Москвы как длительную лежачую больную. Надежда на скорое выздоровление не сбывалась.

От Жени Ховриной, Кати Коняшиной, Лены Михайловой, Володи Устиновича... Девочки из Тимирязевки. Получила привет от Артура Лейзераха. Его самолет подбили, и он тоже, оказывается, лежал в Тимирязевке, только выписался раньше, чем Люда попала туда.

Люда искала письма от Веры. Нашла три: два из Кунцева и одно, отправленное с дороги на Юго-Западный фронт. Больше ничего. Из Долгопрудного писали: пропала без вести. Тяжелым камнем легло это известие. И все же верилось: «без вести» – это еще не убита...

Одно письмо, полученное с большим запозданием, было для Люды неожиданным. Если говорить правду, Володя Шевченко всегда ей казался несколько недоступным, пугало его острословие, которым он – теперь-то отлично поняла это – лишь прикрывал свою дружескую теплоту к ним, возду-

хоплавательным девушкам, боясь показаться сентиментальным. А в трудную минуту – вот ведь, откликнулся. Хотя не до писем ему должно быть сейчас. У них в Севастополе все это время было достаточно жарко.

«Здравствуй, наш славный покоритель воздушных пространств, гордость воздухоплателей Долгопрудного и, более того, любимая всеми нами Людмила Иванова!

Дошла к нам сюда, к Черному морю, недобрая весть, что в лютых боях фашисты частично поломали тебе крылышки, и ты находишься сейчас на излечении, доказывая врагу, что жива! Не сгинула! Не пропала!! Шлет тебе категорическое пожелание успеха в этом зам. командира 1-го Отдельного воздухоплавательного дивизиона Черноморского флота, инженер-капитан, небезызвестный тебе Володька Шевченко. В самом деле, Люда, будь непременно жива и здорова!»

Володя писал о том, как, защищая с воздуха Севастополь – главную базу Черноморского флота, – они каждый вечер поднимают в небо вокруг всей бухты и на рейде аэростаты заграждения. На суше это делать просто, а вот в море...

«На большой волне поставить аэростат на якорь не просто. Море не хочет думать о том, что катерочки наши рассчитаны максимум на трехбалльное волнение, и выдает куда более сильное. Да и ветер тянет его с такой силой, что моторы еле справляются.

Все темное время суток – время обычных налетов вражеской авиации – аэростаты покачиваются на высоте трех-пяти

тысяч метров.

Бои идут почти непрерывные. Нет с нами уже многих, с кем начинал здесь служить. Фашистские «мессеры» обстреливают наши окопы и разбрасывают листовки, содержащие «объективную» информацию о том, как «плохи наши дела» и как «хорошо в плену». Каскад соленых матросских изречений, подкрепленный пулеметными очередями, бывает обычно им ответом. Однако стоп травить! Чтобы не отнимать у тебя драгоценное и невозвратимое время на разбор моих каракулей, кончаю. Скажу только, что всегда помню вас с Верой, героических женщин нашего, в общем-то, мужского воздухоплавательного содружества, без жалоб принявших на себя нелегкую фронтовую судьбу. Знаешь ли что-нибудь о ней?

Главнее всего и прежде всего – поправляйся. Будет еще резвость в ногах!

Братцам-долгопрудненцам передавай от меня черноморский привет.

Володя. 1942 года, апреля, 12-го дня».

XIII

«Возвращаюсь с «того света», Люда, так говорят те, кто вырвал меня у смерти в тифозном лагерном изоляторе. По миру, в который вернулась, искореженному и поруганному людьми с паучьей свастикой на рукаве и в душе, ступаю с трудом, зыбок он под ногами... Но надо помогать выжить другим. Вместе с санитарями мою прибывающих больных. Воды полагается два ковша на душу. Часто и они бывают ни к чему. Пока снимаем одежду, чтобы бросить в дезкамеру, глянем, а ему уже наша помощь не нужна...

С болью узнала, что здесь кончилась жизнь Миши Волкова. Доктор Березкина показала запись в регистрационной книге: «Волков Михаил из Долгопрудного». Еще недавно билось здесь, не сдаваясь, Мишино сердце.

Отвести беду от другого стараются все. Когда доводится дежурить на кухне, выносим тайком картофельные очистки для самых слабых. Недавно охранник чертовски избил меня за это. Забившись в угол, зло думала: все равно еще буду... Галина Ивановна Березкина спасает санитарку Евгению Михайловну Коган, выдавая ее за родственницу, значит, за русскую. За укрывательство – расстрел. Но не нашлось предателя, никто не выдал.

Голод нас забирает все больше. На считанных деревьях ободрана и съедена кора. Трава буйно и свободно растет

только среди рядов колючей проволоки. Лопух, большущий, как ухо слона, высунулся из колючки. Отчаявшиеся пытаются ночью подползти. И протянет кто-то руку, схватит... Автоматная очередь с вышки – и уже не сорвать ему крупицу жизни.

Охранники непрерывно рыщут по лагерю, выискивая среди военнопленных комиссаров, коммунистов. У них особая ненависть к людям, сильным духом, которые дают поддержку остальным.

Обреченные уходят за ворота с пением «Интернационала», взявшись за руки, плечом к плечу, бросая остающимся прощальный взгляд – в нем пожелание жизни, последний привет Родине... Мы слышим, как автоматные очереди обрывают гимн, и все встаем, приподнимаются даже те, кто по многу дней уже не в силах был подняться...

Смерть над лагерем летает совсем низко. Как остро чувствуется жизнь там, где ее совсем мало, – небо, леденящий воздух и чудом пробившаяся травинка на истерзанной лагерной земле...

Если тебе сейчас дышится вольно, Люда, дыши полной грудью!»

XIV

«Только тебе, Верка, больше никому, признаюсь: временами от меня уходит надежда. Уже восемь месяцев лежу. Будет ли конец?..

Смотрю на тех, кто ходит, на врачей, сестер, им это так легко дается. Даже на тех, кто на костылях... Истомила постоянная горизонталь – пол, койка, на которой лежу, потолок... – он давит. От того, что пишут ребята, голова пошла кругом.

В-1 расконсервирован, летает! Перед глазами все время наши корабли. Статный, красивый В-6, стройный В-8, немножко «беременные» В-2, В-3, В-4, недолговечный В-5, милый «огурчик» В-1. Запах водорода плюс резины, который знают все воздухоплаватели, который другим никому не нравится, а нам кажется самым сладким запахом на свете. Летом в эллинге прохладно, и стоят, как живые, корабли, живые по-настоящему, их уже нельзя оставить без присмотра – то газку дать, то воздуху, то привязать покрепче, чтобы не раскачивались.

Родные корабли, дайте мне силы!..

Остеомиелит. Так называется мое заболевание. Что оно значит, не знаю, но врачи сказали: неизлечимо, на всю жизнь. Как услышала, помертвела. А потом все во мне встало на дыбы. Это мне-то всю жизнь лежать, ничего самой не

делать и только принимать помощь от других? Мне, привыкшей свободно двигаться по земле и в воздухе, стоять у штурвала! Дудки! Они же не знают моего характера. Я упрямая. Много боли довелось вытерпеть, но, если надо, стерплю и не столько, а встану, вопреки всем законам медицины.

У меня под подушкой Сашкино письмо. Порою крепко сжимаю его в руке.

«Дорогая моя Людмилочка! Я считал бы себя счастливым, если бы у тебя пострадали даже обе ноги, лишь бы ты осталась, моя дорогая! ...Ходить будешь, я сам тебя научу».

Его наградили орденом Отечественной войны 2-й степени. Вручали в Кремле. Эх, хоть бы в этот день быть с ним!»

О том, что сама награждена орденом Отечественной войны 1-й степени, Люда еще не знала. Награда найдет ее только в сорок пятом.

«На тебя, Вер, пришла похоронка. А я не верю и не поверю ни за что! И мои слова найдут тебя. Где-то ты есть. Может, на краю гибели и тебе сейчас неважно. Если бы я могла, собрала бы свои силы и перекинула тебе через все расстояния. Может, ты ранена или тяжело больна и лежишь где-то беспомощная, как лежала недавно я. Если так, пусть и возле тебя окажется другая тетя Поля – на Руси много таких женщин, желанных и безотказных в своем милосердии, – и спасет тебя!»

Ты будешь жить! Мы с тобой увидим конец войны и конец фашизма».

«Как прекрасен вертикальный мир, Верка, родная! Я пробыла в нем несколько зыбких секунд, потом все закружилось и, обессиленная, я упала на койку. Но ведь они были, эти секунды! Вертикальные стены, спинка койки, в которую я вцепилась, сестричка Олечка, поддерживающая меня, я сама... Опрокинутый мир встал наконец на свое место. За окном зеленели липы, успела ухватить взглядом верхушки.

Через некоторое время, собрав силы и закусив губы, ведь больно до чертиков, снова встала на непослушные, не держащие меня ноги. Не верилось: неужели стою?!

Пришло письмо от Попова из Долгопрудного: «Я, Почекин, Коновальчик и Раевский подали рапорт об отправке на передовую. Почекин уже назначен командиром 7-го Отдельного воздухоплавательного дивизиона аэростатов артиллерийского наблюдения. Коновальчик – командиром одного из отрядов АН этого дивизиона. Они отбывают на Волховский фронт. Со дня на день должны получить назначение и мы с Раевским. Гарфа и Устиновича пока не отпускают, им поручено строительство нового дирижабля конструкции Гарфа. Кораблю уже и имя дали – «Победа». Хорошо, правда?

Здесь уже все налажено. В отрядах ВДВ непрерывно идут тренировочные прыжки парашютистов-десантников с привязных аэростатов. Недавно собранный В-12 летает к аэростатным точкам у Звенигорода, Тулы, Каширы, Серкова, Медвежьих озер, поселка Гаврилов Посад Ивановской области и другим. Доставляет газ, подкармливает аэростаты.

С нашим уходом пилотов здесь остается катастрофически мало. Не верю, что болезнь тебя сломила, Люда. Жду! Если бы еще и Вера нашлась...»

XV

Долгое время о том, как воюют воздухоплавательные отряды на Ленинградском фронте, долгопрудненцы знали только понаслышке. А тут неожиданно появился живой свидетель – бывший пилот дирижабля, окончивший здесь вместе с другими пилотами Воздухоплавательную школу, сейчас командир 31-го Отдельного воздухоплавательного отряда артиллерийского наблюдения Ленинградского фронта майор Джилкишев. Как только была прорвана блокада Ленинграда, Джилкишева вызвали в Москву, в Главный штаб артиллерии, где ему было поручено формирование нового воздухоплавательного дивизиона и подготовка воздушных наблюдателей-артиллеристов.

Попав в Москву, Джилкишев не упустил случая побывать в Долгопрудном, подскочив туда на попутке. Поселок, где проходили его первые полеты, встретил ошеломившим его подарком. Подъезжая, он, к несказанному своему удивлению, увидел в воздухе идущий на посадку дирижабль. Не поверил глазам. На ходу спрыгнул с машины, бегом добежал до летного поля. Навстречу ему шел друг и однокурсник капитан Гурджиян.

– Ну, Алма-Ата-Саид, жив-здоров! – обрадовался Мелик, крепко трясая Сайда Джилкишева за плечи. А у нас тут смотри, какие дела делаются, – кивнул он в сторону дирижабля,

который уже заводили в эллинг. – Собрали. Фронт потребовал.

Среди воздухоплателей были люди разных национальностей, но казах только один – Саид. И почему-то это всех удивляло: бросил свою необъятную пустыню, ее «кораблей»-верблюдов и уехал за тридевять земель, в Москву, чтобы научиться летать. А вот получилось так. И не жалеет об этом Саид.

Вечером в общежитии Джилкишев рассказывал окружившим его друзьям о блокадном Ленинграде, за который в эти месяцы неизвестности душа у всех болела.

Их отряд держал оборону от Финского залива до Пулковских высот, оборонял Кировский завод, где, несмотря на разрушения от обстрелов и бомбежек, продолжалась работа. Мины, снаряды, отремонтированные танки и орудия немедленно поступали с него на передовую, которая была совсем рядом.

– Люди работали, лишённые всего, что нужно для жизни, – говорил с грустью Саид, – без еды, топлива, даже воды. Их героизм был не меньше, чем у солдат на фронте.

Большую часть времени мы находились в готовности № 1: сами в корзине, аэростат «на узде». При первом выстреле врага по городу шли вверх, чтобы скорее подавить их батарею.

Довелось выполнить и совсем необычное задание, – улыбнулся он, – замаскировать блестявшие на солнце позолотой,

служившие немцам ориентиром купола и шпили самых высоких зданий Ленинграда: Исаакиевского собора, Инженерного замка, Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Мы с капитаном Судаковым сразу вспомнили про наши малютки «шары-прыгуны». На них и пошли вверх, дождавшись сумерек, чтобы не работать на виду у фрицев – город от них просматривался в простые полевые бинокли. Моросил дождь. Болтало изрядно. Снизу нас придерживали канатами, наводили на верхушку шпиля красноармейцы. С трудом разобрали отяжелевший от дождя чехол, набросили на кораблик, что на шпиле Адмиралтейства. Нас потянули вниз, мы расправили чехол. Так потом замаскировали и другие шпили. Маляров-верхолазов, обессиленных – в городе уже всю разгуливал голод, – поднимали на купола тоже на «шарах-прыгунах», привязывали их там, чтобы не упали. Потом поднимали к ним в ведрах краску.

Работа на высоте не каждому по вкусу, не вам это объяснять, – закончил свой рассказ Саид. – Буду отыскивать подходящих ребят-артиллеристов, готовить кадры воздушных наблюдателей. Их немало, предрасположенных к работе в воздухе, надо только не проглядеть. Бывает, на вид незаметный, маломощный паренек оказывается пригодным для сильного дела.

XVI

Каждое утро, когда пленных выстраивают на плацу для переклички, девушки поют, несмотря на то, что это запрещено. Вера, хоть голос срывается от слабости, поет вместе с ними. Началось случайно, вылилось неподвластным даже чувству осторожности протестом. Неожиданно зазвучал в шеренге одинокий, надорванный голос. Смолк. Но когда послышался снова, к нему присоединились другие. Потом уже без этого не могли. Пели неслаженно, голоса охрипшие, застуженные, а у кого-то еще звенели, нерастоптанные... Составившиеся молодые лица, огромные, впитавшие в себя все страдания глаза...

Фрицы кричали: «Молчать!» – угрожали расправой. Как-то вызвали даже взвод автоматчиков. А им уже было все равно. Они смотрели мимо. Воля вольная дышала в стылом воздухе.

...Бежал бродяга с Сахалина...

Слова «бежал», «побег» гитлеровцам понятны и действуют на них, как на быка красное. Почему они не открыли по девушкам огонь? Нет, жалости они не знают.

Прояснилось позже. В сапоге умершего пленного санитары нашли обрывок газеты «Правда». Они передавали из рук в руки изодранный, наполовину протертый листок, по многу раз перечитывали. В сообщении Совинформбюро гово-

рилось, что еще в декабре сорок первого были разгромлены под Москвой отборные фашистские дивизии. Наступление советских войск продолжается. А им-то охранники по лагерьным репродукторам нагло твердили, что Москва Гитлером взята и Ленинград тоже.

А тут еще в один из весенних дней – как струя живой воды – над лагерем низко и стремительно пронеслись три самолета с красными звездами на крыльях.

Надо было видеть лица фрицев! Опомнившись, они стали запоздало палить вверх из автоматов.

Пленные не отрывали глаз от переставшего быть чужим неба...

XVII

Она снова в полете. И еще не может этому поверить. Она снова командир, пусть пока не дирижабля, а субстратогоста. Над нею две тысячи двести кубов водорода, они несут ее легко и неслышно.

Непростым было для Люды возвращение к воздухоплаванию. Больше года на госпитальных койках. Потом, стиснув зубы, по одному шагу училась ходить. И когда наперекор унылым прогнозам врачей смогла отбросить опостылевшие костыли (сколько она на них топала по длинным коридорам!), еще год осаждала неумолимые медицинские комиссии, добиваясь разрешения летать. Выбирала время, когда рану немножко затягивало, и шла к ним. Пять комиссий отказало. Шестая не устояла. В заключении было сказано: «Разрешается летать без физических нагрузок».

С этим и пошла в Центральную аэрологическую обсерваторию.

Надо представить себе, какими глазами посмотрел на нее директор ЦАО Георгий Голышев, когда она протянула ему этот маловдохновляющий документ.

– Какие могут быть полеты «без физических нагрузок»?! – буркнул он недоуменно.

Но потом – золотая душа, он же свой брат – воздухоплаватель – мог ли не понять ее! – махнул рукой:

– Иди оформляйся на должность командира аэростата. Инвалидность в анкете можешь не указывать.

Это было необыкновенно – после истомившего бездействия начать наконец существовать не зря!

Поднимая субстратостат на нужную исследователям (сотрудникам ЦАО и различных институтов Академии наук) высоту, она предоставляла им возможность проводить метеорологические и аэрологические наблюдения.

...Три тысячи метров. Земная жара, от которой хотелось сбросить меховой комбинезон, осталась внизу. У них свежо и приятно. Огни Москвы и зарево от них уплыли в сторону. На черном небе скопище ярких немигающих звезд.

Люда глянула на светящуюся шкалу вариометра. Подъем проходил без рывков. Подсветив нагрудным фонариком, записала в бортжурнал скорость полета.

Четыре... пять тысяч метров. Надели кислородные маски. Их обнял холод. Андрей Казарев, научный сотрудник Академии наук и коротковолновик Центрального радиоклуба Белоусов застегнули комбинезоны. А Люде не хочется. Полет у них сегодня особенный, и они с нетерпением ждут...

Барограф показывает высоту семь тысяч метров. Подъем замедляется. Люда сбрасывает немного балласта, и они опять идут вверх. Мороз прохватывает, теперь и у Люды комбинезон застегнут на все застёжки. Такелаж покрывается инеем, седеет.

И вот они увидели, как в вышине замелькали тонкие

огненные прочерки. Ради них и поднялись сюда. Огоньки вспыхивают то с одной стороны неба, то с другой... Люда мечется взглядом между ними. Их все больше, они уже по всему небу – яркие, четкие, мчатся, обгоняя друг друга, гаснут, вспыхивают новые. Люде хочется задержать их полет, такой короткий...

– Началось! – кричит Андрей и щелкает фотоаппаратом. А Белоусов вызывает морзянкой коротковолновиков. Ему поручено наблюдение за эфиром во время «звездного дождя».

Им довелось в чистоте разреженного воздуха увидеть редкое явление – встречу нашей планеты с потоком мельчайших метеоритных частиц. Ворвавшись в земную атмосферу, они сгорают в ней, опадая бесчисленным «звездным дождем».

– Есть Ленинград... Москва... Свердловск... – радуется Белоусов. И Люде, тоже радисту, понятно его состояние. Он оборачивается к ним.

– Всем привет из Ливерпуля... Отозвалась Филадельфия!..

Их шарик тихо плыл под завораживающими вспышками огненных лезвий.

Андрей громко смеется и кричит Люде:

– Это вам, товарищ командир, подарок за стойкость!

...Один за другим шли полеты. Все – с научными целями. Нередко в них исследования земной атмосферы сочетались с подъемом на рекордную высоту и с рекордной длительно-

стью полета.

«Группа женщин-аэронавтов, – сообщали об одном из таких полетов газеты, – во главе с известной рекордсменкой Людмилой Ивановой на субстратостате «СССР ВР-62» находилась в свободном полете свыше 47 часов, покрыв за это время расстояние по прямой более 1000 километров. Этими показателями были значительно превышены существовавшие международные рекорды».

День Победы! Его приближение чувствовалось остро. Накануне Люда спать не ложилась вовсе. Среди ночи несколько раз в невыключенном репродукторе слышалось: «... Будет передано экстренное сообщение». И опять тишина...

В пять утра – позывные. Стук сердца, казалось, заглушит их. Показавшаяся невероятно долгой пауза.

И... голос Левитана, который всегда ждали с возрастающим волнением. Фашистская Германия капитулировала. Победа! Говорилось еще много радостных слов, но Люда слышала только эти.

Она не отходила от репродуктора. А потом стучала в соседские двери: «Война кончилась!» И слышала в ответ: «Ой, дождались!» Стучала не только она. Повсюду слышалось: – Конец войне! Победа!

Никому не пришло в голову сердиться за то, что их разбудили в такую рань, а многие, как и Люда, в ту ночь не спали. Вечером, когда вернулся из полета Саша (его не так дав-

но отозвали в дивизион ВДВ), они двинули в Москву. Сжатые тесной толпой, бродили по Красной площади, под грохот салюта и треск взлетающих в небо разноцветных огней. Всплескивали песни. Их подхватывали знакомые и незнакомые. Чужих не было...

Не успели оглянуться, как были подхвачены десятком сильных – не вырваться! – рук и под ликующее «ура!» брошены вверх.

– Братцы, не забудьте поймать! – отчаянно вопил Сашка и, едва оказавшись на ногах, сам уже подбрасывал кого-то.

Качали всех, на ком была военная шинель.

Неожиданно вспыхнули и скрестились в небе лучи прожекторов. Они высветили там распахнутое, с бегущими по нему, играющими на свету волнами складок огромное алое полотнище. Все, запрокинув головы, смотрели туда. А они двое – и выше, где, почти неразличимый в черном небе, скрытый от всех глаз, плыл аэростат. Их аэростат нес над Москвой знамя страны.

Идут с запада эшелоны. Возвращаются солдаты. Возвращаются и в Долгопрудный. Когда на улице появляется кто-то новый, в военном, все прилипают к окнам. К кому-то в дом приходит радость...

Сергей Попов, Виктор Почекин, Георгий Коновальчик, Саид Джилкишев участвовали в освобождении Прибалтийских республик, а в конце войны были переброшены под

Берлин.

...Газета «Правда», 9 октября 1944 г.

«1-й Прибалтийский фронт. ...Командир отряда Георгий Коновальчик, проверив людей, подает команду:

– В воздух!

Аэростат набирает высоту. В маленькой гондоле идет сложная боевая работа. Корректировка с воздуха здесь безошибочна, и наши артиллеристы обрушивают огонь своих орудий на ожившие батареи противника. ...Гитлеровцы открывали по аэростату огонь бризантными снарядами, а затем стали бить и по опушке леса. Воздушные корректировщики работы не прекратили, и советские батареи по-прежнему наносили немцам поражение за поражением».

14-й и 10-й Отдельные воздухоплавательные отряды артобследования участвовали во взятии фашистской столицы.

Фронтовая газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины». Внизу – знакомая всем фронтовикам надпись: «Прочти и передай товарищу». Наверху – крупно: «До столицы гитлеровской Германии остались считанные километры».

«18 немецких артбатарей обнаружили и засекли наблюдатели воздухоплавательного отряда трижды орденноносца капитана Самойленко. Ими же были обнаружены скопления врага и три танковые колонны. ...Результаты наблюдений с аэростата были переданы нашей артиллерии, открывшей по врагу меткий огонь. Отважные наблюдатели вели корректировку огня».

Фото: «В гондоле старшие лейтенанты Кораблев и Кисляков».

Приятно было читать все это.

«Верка, родная моя Верка! Что же нет тебя?! Я жду весточки каждый день. Ворвется кто-нибудь из наших и выпалит:

– Верка вернулась!..»

Произошло все почти так. Прибежала Ксения Кондрашева и сказала, что объявилась Вера, уже все в Долгопрудном говорят об этом, толком, правда, никто не знает, откуда сведения.

Выяснилось: не было еще Веры, но были письма к ее сестрам Любе и Зине от Вериных друзей, тех, кто был с нею рядом за колючей проволокой. Они видели ее в мае, после того как их освободили войска союзников. С группой военнопленных она пошла к Гамбургу, чтобы оттуда морем скорее попасть домой. Удалось ли ей это, они не знали, но были уверены, что она жива и, может быть, уже дома. Просили сообщить им об этом. «Верина судьба нас всех очень волнует, – писала Галина Ивановна Березкина, – потому что после пережитой вместе фашистской каторги она всем нам дорога и близка, много участия и поддержки исходило от нее».

XVIII

Сейчас трудно установить, кто первым в штабе Флота предложил использовать дирижабль для отыскания в море оставшихся после войны мин. Возможно, сам командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский вспомнил, как еще в тридцатых годах над Севастополем парил дирижабль В-1. С медленно летящего воздушного корабля просматривалась глубина моря.

Построенный в военном 1944 году дирижабль «Победа» был направлен в распоряжение командующего Черноморским флотом для выполнения специального задания. Ответственным по руководству летным отрядом был назначен заместитель командира воздухоплавательного дивизиона инженер-майор В. А. Устинович.

В тот же день он, капитан Гурджиян и старший лейтенант Белкин выехали в Севастополь подыскать удобную стоянку для их корабля и подготовить швартовую команду. А через три дня с летного поля Долгопрудного дирижабль поднялся в воздух и взял курс на юг. Командиром корабля летел капитан Рощин, пилотом старший лейтенант Мутовкин, старшим бортмехаником – капитан Горячев, бортрадистом – старший лейтенант Салабай.

Очень жалели москвичи, что не застали в Севастополе друга, Володю Шевченко. Когда началась война с Японией,

его дивизион аэростатов заграждения был переброшен на Тихий океан.

Местом для открытой стоянки «Победы» выбрали овраг Килен-балки. Швартовая команда была для экипажа дирижабля непривычной – матросы. Едва сбросили пеньковый гайдроп, они разом схватились за него, подтянули корабль к земле и накрепко пришвартовали. Конец сентября – начало штормов на Черном море, а дирижабль – вон какой парус! Эта предусмотрительность позже оправдала себя.

От штаба Флота прибыли офицеры, с которыми воздухоплателям предстояло вместе работать. Энергичные, выдержавшие жестокие испытания, они знали толк в работе и не растеряли при этом живой моряцкий огонек и всегда сопутствовавшее им чувство юмора. У воздухоплателей с ними сразу налажился полный контакт и взаимопонимание.

Задача, поставленная моряками перед воздухоплателями, была ясна. Просмотреть прибрежные воды Крыма, отыскать в них затонувшие суда и оставшиеся после немцев мины, которые все еще не дают безопасно ходить судам и которые не смогли обнаружить тральщики – электромагнитные мины подчас не поддаются тралению. Заодно по заданию НИИ рыбной промышленности города Керчи провести работы по обнаружению рыбных косяков – путина уже началась.

26 сентября. 8 часов 50 минут тихого южного утра. Над морем никаких перепадов восходящих-нисходящих пото-

ков, значит, нет болтанки. Они идут на высоте ста метров и видят дно, все в зарослях зеленых водорослей, неподвижных, будто заснувших – от них и море к берегу зеленое, у горизонта синее. И идут от него к дирижаблю отраженные свет и тепло. Моторы неторопливо гудят. Мимо проплывают террасами уходящие вверх крымские берега.

– Проходим Симеиз. Гора Кошка, – объявляет штурман. – Ливадия... Ялта...

Пусто у прежде шумного и толкотливого ялтинского мола. Притулилось к нему лишь несколько рыбачьих фелюг. Только чаек по-прежнему много, быстро проносятся они над фелюгами или светлыми поплавками качаются на воде.

Когда развернулись на обратный курс, у мыса Ай-Тодор, недалеко от знаменитого Ласточкина гнезда, стоявший у левого борта гондолы Устинович вдруг резко отдал команду:

– Малый ход!

И показал рядом стоявшему моряку на что-то темное, неясным очертанием видневшееся на дне.

– Судно, – определил тот, вглядываясь. В дни обороны их тут немало полегло – транспортных и военных, что пробились к осажденному городу. – Товарищ командир, – обратился он к Рошину, – дайте лево руля.

«Победа» медленно пошла по кругу. Все напряженно всматривались в укрытые толщей воды следы произошедшей здесь трагедии. Штурман засек это место на карте. Моряк сделал несколько снимков.

Полет, продолжавшийся четыре часа двадцать минут, для экипажа и офицеров флота был обнадеживающим. Все, что лежит на дне моря, на глубине до ста метров, с дирижабля можно увидеть.

На завтра намечался следующий полет. Но утром служба погоды объявила: приближается шторм. Всем кораблям предлагалось укрыться в бухте. Дирижабль остался на стоянке.

При ярком солнце, в полном безветрии море вдруг зарябило, побежали волны. Налетел ветер, засвистел, поднимая с земли все, что плохо лежало. Срывая с деревьев листья, понес их в замутневшую даль. Дирижабль развернулся по ветру. Гремя цепями якорей, развернулись у своих бочек корабли. Море гудело. Волны с силой ударялись о прибрежные камни.

Ветер рвал дирижабль со швартовых. Воздухоплаватели и матросы крепили его по-штормовому дополнительными поясами. Тревожно посматривали: выдержит ли оболочка... Приехавший из Москвы конструктор «Победы» инженер-майор Гарф заверил: по всем расчетам корабль должен устоять. Только по напряженно сжатым губам можно было заметить, насколько сильно волнуется и он.

Трое суток свирепствовал шторм. А затих так же неожиданно, как и начался. Только море долго еще не успокаивалось, все катило крутые белопенные волны. Воздухоплаватели улыбались.

– Молодчинище, корабль, такую трепку выдержал!

Когда снова пошли в полет, море было таким смирным, ласковым и гладким, хоть смотришь в него, как в зеркало.

– Хитрит Черное, товарищ командир, – остановился возле. Рощина летевший с ними представитель штаба Флота старший лейтенант Мещерский, – прячет от нас глубину.

– Перехитрим, – усмехнулся Рощин.

Он немного изменил курс, и тень корабля оказалась сбоку.

Глубина как бы распахнулась, просматривалась каждым камешком, кустиком, кустом водоросли, сновавшими между ними черточками – спинками рыбешек.

– Мыс Херсонес, – объявил штурман. – Подходим к минным полям.

Когда после восьмимесячной осады гитлеровцам удалось захватить Севастополь, они, опасаясь десанта с моря, поставили здесь целую систему минных заграждений. Наши тральщики хорошо потрудились, но окончательную работу предстоит сделать дирижаблю.

«Победа» ходила параллельными галсами, осматривая сверху каждый метр каменистого, в темных провалах морского дна. Прошло около часа, прежде чем один из моряков объявил:

– По правому борту мина!

И бросил на воду вымпел. Слегка окунувшись, вымпел вынырнул и заблестел умытой краснотой. Бортрадист стар-

ший лейтенант Салабай стал вызывать тральщик.

– Передай: мину загорживает большой камень, – пояснил моряк. – Трал может не взять. Взрывать надо глубинной бомбой.

Летали каждый день. Море просматривали на восток до мыса Меганом, на запад – до Каркинитского залива. Рощина и Мутовкина сменяли Устинович, Белкин и Гурджиян.

При входе в Северную бухту неожиданно обнаружили глубинную электромагнитную мину. Сначала глазам не поверили. Где-где, а уж здесь-то тральщики столько раз все прощупали! Как до сих пор на ней никто не подорвался... Правда, лежала она не на фарватере, а несколько в стороне. Из гондолы мина была ясно видна, светлым пятном выделялась среди прибрежных камней. Когда прибыл тральщик, они выстрелом из ракетницы показали ему место, где она лежит. Но не сразу трал смог ее захватить, прошел рядом, не зацепив. В другой раз, казалось, совсем уже поймал – ан нет! – прошел над ней, а она осталась лежать, будто смеялась над ними. Они снова наводили на нужное место. Моряки на тральщике горячились, заиграло самолюбие. А тут еще подначка моряков с «Победы»... Не будем воспроизводить красочные реплики, которыми они обменялись между собой, но, возможно, они-то и помогли. На четвертый заход трал зацепил мину и потащил в море, чтобы там, вдали от города, уничтожить. Хорошее это дело – уничтожать смерть.

Летавший с ними рыбак из Керчи – черноволосый, черно-

глазый, с морщинистым прокопченным лицом, неразговорчивый, с виду мрачный – долгое время был, как им казалось, в бездействии. А однажды вдруг оживился, обвел всех загоревшимся взглядом, спросил:

– Видел ли кто-нибудь, как среди моря течет быстрая река? Не видели? Посмотрите.

Они не сразу поняли. Но когда глянули, увидели – на протяжении длинной и широкой полосы поверхность моря вздрагивает, рябится, будто кто-то толкает ее снизу. Кому-то тесно стало в Черном море. Рыбный косяк! Он действительно рекой течет, переполненной, выплескивающейся.

– Передавай, друг, в Керчь: кефаль идет, – торжествующе обратился рыбак к Салабаю. – Хорошо идет!

XIX

«За вагонным окном бегут поля, перелески, речки, все такое родное, свое... Даже деревья – вольные, раскидистые, их кроны не картинно-округлые, как там, на чужбине. Голова кружится, Люда, будто в полете, хотя поезд тащится еле-еле. Вагон переполнен. Много демобилизованных. Все очень оживлены, ведь едут домой! Кругом вкусный русский говор, по которому так истосковалась.

Поезд подошел к станции. Разобрать, какая, не могу. От вокзала остались лишь обломки стен. В вагоне стало еще более шумно. Мне по сердцу эта живая деловитая суета, мне очень долго ее не хватало. Люди, плохо одетые, много натерпевшиеся, уже живут мирными заботами, хлопочут, исправляя свою жизнь и жизнь других.

Не верится, что уже близка к дому. Теперь все позади. Даже Козельск, где довелось два казавшихся нескончаемыми месяца проходить проверку, мучительно вспоминать и рассказывать все, о чем вспоминать невыносимо. Увижу ли маму, Аллочку с Вовой, тебя, всех своих? Когда думаю об этом, холодею. Война столько жизней унесла...

Хочу только одного – чтобы Вы Все Были Живы и Здоровы!!!»

Не так много времени было отпущено судьбой воентехни-

ку 2-го ранга, командиру аэростата артиллерийского наблюдения Вере Деминой, чтобы бить врага. Но и в тех непрерывных боях, в которых довелось ей участвовать, постоянно находясь под обстрелом вражеской артиллерии, она была самоотверженным и бесстрашным бойцом. Об этом говорит медаль «За отвагу», которой она была награждена. Своевременно вручить награду ей не смогли, и она ждала ее теперь в Москве.

Каким-то неизвестным, шестым или седьмым чувством Люда угадала, что Вера приехала. Поверила ему, прибежала. Замерла в дверях.

Они кинулись друг к другу и долго не могли сказать слова. В горле застряли слезы.

– Худая какая... – прошептала Люда.

– Ничего...

В усталом Верином взгляде пробилось что-то от прежнего, улыбочное, даже, как когда-то, озорное... Обоженные войной, в чем-то уже другие, они все же были прежними – мужественными и нежно-женственными, открытыми дружбе и порыву.

– Почему не сообщила? Мы бы встретили.

– Не знала, когда, каким поездом смогу выехать. Народу столько! Двое суток на станции прождала, пока села. И тащились!..

Опять мешали слезы. Только к ночи, когда уснула, при-

жав к себе подаренного кем-то лохматого довоенного мишку, Аллочка, разговорились.

– Хромаешь, была ранена? Саша цел? Какой он, изменился? – засыпала вопросами Вера. – Кого еще война не взяла? Не летаешь больше?

– Сейчас все расскажу. Дай посмотреть на тебя как следует. Я же еще не верю, что это ты...

Люда чуть откинулась к спинке дивана. Они пристроились рядышком, поджав под себя ноги.

– Летаю. На свободном аэростате.

– Неужели правда?! – захлебнулась Вера. – Это с перебитой-то ногой... Какая же ты молодчина!

– Гольшев посочувствовал, – рассмеялась, вспомнив знаменательное медицинское заключение, Люда.

– Думаю, не только посочувствовал. Такими, как ты, пилотами не разбрасываются. А дирижабли так и сгнули?

– Не сгнули! В-1 и В-12 еще в сорок втором расконсервировали. Ты же ничего не знаешь! Это Сергей Попов поднял дирижабли, вытащил из забвения. Помогали все наши ребята, кто был в это время здесь. Вот Сергей вернется, все тебе расскажет. Он и Прохоров сейчас на В-12 летают над Кировскими лесами, определяют пожароопасные места, помогают сберечь лес от огня. Сашка тоже там.

– Не могу поверить, – зажмурила глаза Вера. – Наверно, отвыкла...

– А «Победа», новый дирижабль, выполняет спецзада-

ние на Черном море, отыскивает мины и затонувшие корабли. Белкин пишет: «Легко на душе становится, когда ухватит взгляд спрятавшийся на дне смертоносный гитлеровский «подарочек» и вызванный нами тральщик приканчивает его. Пусть Черное море будет чистым!» Но ты о себе-то расскажи.

Вера не сразу отозвалась. Длинная лента плена туго раскручивалась перед глазами. Она протянула руку к детской кровати и долго держала не отпуская.

– Все дни были похожи один на другой, Люда, и каждый – как год... – На ее лбу остро обозначилась горькая морщинка. Раньше ее не было. – Когда уже близко к концу войны гитлеровцы без всякого смысла перегоняли нас, полуживых, из одного концлагеря в другой, от Седлеца к Варшаве и дальше на запад, по ледяной грязи, пристреливая отстающих, как в сорок первом, казалось – это уже конец...

Но это было еще не все. Когда пригнали в глубь Германии, в один день всех рассортировали кого куда – мужчин по новым лагерям, девушек – батрачками к богатым фермерам, в полное их распоряжение. Мы даже попрощаться друг с другом не смогли. Это было особенно тяжело. Общая беда сблизила нас. Мы друг о друге знали всё, от самого рождения. У кого какие родители, братья, сестры, дети, всех по именам знали. По фотографиям, у кого какие сохранились. Домашние адреса Галины Ивановны, Лиды Блаженец, Фаины Григорьевны, Сонечки, Тоси-цыганочки, Павла Демья-

ненко, Коли-санитара я знала наизусть. Надеялись: вернемся домой, еще встретимся.

Когда война приблизилась к границе Германии, немецкие власти вдруг проявили «демократию», разрешили нам переписку между собой. Мы получили возможность хотя бы послать привет, обменяться добрым словом. Больше всего писем послали мы друг другу к новому, 1945 году, который, верили, принесет нам освобождение. «С Новым годом! С верною любовью к Родине! С верой в счастье и справедливость!» – желали мы друг другу.

Люда слушала молча. Все, что в годы войны посылали они друг другу на неизвестный адрес, могли наконец сказать глядя в глаза.

– Если бы не пленный француз, что работал со мною вместе на скотном дворе, не знаю, смогла ли бы я выжить. – Вера говорила негромко и будто не про себя, а про кого-то другого. – Окрики, брань хозяев, да и пинки тоже, всего там хватало. Только сил не было. Жак был добрый человек, ко мне относился по-отечески. Самую тяжелую работу брал на себя. И все молча, потому что не знал русского, а я – французского. Но каким-то образом мы все понимали.

За стеной постепенно умолкли голоса, видно, там все улеглись. Ветер шуршал занавеской, обегая комнату. И опять наступала тишина. Они знали, что сегодня им не заснуть, да и не нужно это было...

– Ох и переполох же был, когда к ферме подошли тан-

ки! – покачала головой Вера. – Хозяева заметались: самим ли спастись, или добро спасть. Они знали, как ведут себя на чужой земле их солдаты. Я побежала навстречу танкам. Радость застилала глаза, ноги не слушались. Конец рабству! Конец всему злодейству!

Танки были американские. Без царапин и вмятин. Солдаты не такие измотанные в боях, как наши, говорливые, приветливые. Они улыбались и показывали нам жестом, что мы свободны и можем идти, куда хотим.

Я уже ни одной минуты не могла оставаться на ферме.

У ворот стоял Жак. Я помахала ему и пошла на восток, надеясь скоро встретиться со своими. Жак помахал мне и пошел в свою сторону, в сторону Франции.

Сколько шло нас – женщин, мужчин, не по своей вине попавших на чужую землю и стремившихся на Родину! Забыв про еду, про сон, про сбитые в кровь ноги, мы шли, не останавливаясь, видя перед собой свой дом.

– Ты все такая же, Верка, не стала другой, – приглядываюсь, все понимая, повторяла Люда. – А то горькое, что еще держит тебя, уйдет бесследно, поверь.

– Расскажи и ты еще, – опять просила Вера. – Кто вернулся? Кто летает? Кого нет...

– Увидишь сегодня всех, кто вернулся. Как прослышат, что ты здесь, прибегут. Ты не знаешь, Верка, как тебя ждут! – Люда помолчала. – Нету Коли Голикова, Коли Ларионова, Володи Самойлова, Саши Фомина... да и других... А Сашка

Крикун вернулся. Ему тоже много вынести довелось...

Уже светало. Из соседней комнаты вышла Анна Николаевна, Верина мама. Глянула на спящую Аллочку, привычно поправила на ней одеяло.

– А вы, полуночники, так и не ложились? Чаю хоть попейте, я поставлю.

– Не надо, мама, мы лучше пройдемся. Утро-то какое!..

Они вышли на улицу. Сразу обдало прохладной свежестью чистого, не помутненного еще земными испарениями и поднятой машинами пылью воздуха. Они всегда любили такую рань, в это время обычно и уходили в свои – когда короткие, когда длительные – полеты. Ступали по обкатанному до блеска булыжнику еще пустынной улицы, желая поверить, что все наяву. Под ногами шуршали опавшие за ночь листья, новые, срываясь с деревьев, неторопливо ложились на землю. Люда старалась уменьшить хромоту, в такой день хотелось шагать легко.

Пожилая женщина-дворник в белом фартуке поверх телогрейки размашисто сметала метлой листья и мусор. Она не подняла на них взгляда, лишь, когда они уже прошли, спохватилась:

– Ой, девонька, а я тебя сразу-то и не признала, – приветливо закивала Вере. – С возвращением благополучным!

– Спасибо, тетя Дуся.

Та же тетя Дуся... Все, как четыре года назад.

До боли знакомая дорога к порту. Сколько раз она снилась

Вере, и теперь тоже – как во сне... Облицованные в «елочку» потемневшими за годы дощечками двухэтажные дома с прилепившимися палисадниками. Стоящий в отдалении и все же возвышающийся над поселком огромный, царственный элинг, теперь уже не пустующий.

Из-за угла вдруг ураганным вихрем налетел на них, чуть не сбив с ног, кто-то огромный и шумный, в неуклюжих унтах и летном комбинезоне, закричал на всю улицу:

– Верка, это ты?..

Подхватил, закружил. Поставил на землю, не выпуская из рук.

– Дай взглянуть на тебя. Изменилась? Да нет, прежняя Верка, ей-богу, только совсем невесомой стала.

– Ой, Сашка Крикун, – обомлела Вера. – Вернулся!.. Да отпусти же, медведь, задушишь!

Вот и встречаются они, кто вернулся с войны, в Долгопрудном. Много ли их?..

– Все хорошо, Сашка, правда? Все, как прежде...

Он, как бы желая утвердить это, крепко поцеловал ее в обе щеки и отпустил.

– Спешу. Вечером увидимся, поговорим. Много рассказать надо.

И вперевалку побежал к порту. Обернулся, гаркнул зычно, недаром он «Крикун»:

– Рад за тебя, Верка! Безмерно!

– У них с Полосухиным сегодня высотный полет, – пояс-

нила Люда, – наконец-то дорвался. Вот и не терпится. Я полечу завтра. Сегодня я вольный казак, сегодня мы с тобой весь день вместе будем, да, Верка?

– Конечно.

Когда подходили к летному полю, Вера с трудом сдерживала шаг. Хотелось бежать бегом, но видела, что Люда не может. Всмотривалась во все происходящее там.

Субстратостат уже готовился к подъему. Возле него хлопотно возились люди, переливали из газгольдера в оболочку газ. Она вырастала, словно гриб из земли и, превратившись в огромную складчатую «грушу», нетерпеливо закачалась, удерживаемая швартовыми.

Аэронавты были в гондоле. Саша Крикун и Полосухин Порфирий Порфириевич, или просто Порфиша, а еще проще – Володька (когда он знакомился со своей будущей женой, назвал себя этим более подходящим для молодого парня именем, с тех пор и все его так зовут). Он такой же крупный и мощный, как Саша, а может, и еще покрепче. Поэтому им, сильным и выносливым жизнелюбам, чаще всего поручают высотные полеты к границам стратосферы.

Сброшен взлетный балласт. Отданы швартовые. Субстратостат пошел вверх. Он на глазах уменьшался и скоро стал как шарик от пинг-понга, такой же легкий и светлый. Торопился поскорее достать до синевы неба.

Они смотрели на него, еле видного в вышине, щурясь от солнца, которое светило уже вовсю, играло на застекленных

ПОЛОСАХ ОКОН ЭЛЛИНГА.

Послесловие

Завершая повесть о наших первых дирижаблях, об их строителях и пилотах – комсомольцах тридцатых и военных сороковых годов, – хочется немного заглянуть в будущее.

Безусловно, в самом скором времени неутомимые труженники воздуха – дирижабли – возродятся. Они будут построены из современных материалов, на современном уровне техники. Они будут более мощными, прочными и надежными, чем первенцы дирижаблестроения.

Изготовленная из сверхпрочного синтетического материала оболочка вместо горючего водорода будет наполняться инертным, невоспламеняющимся гелием. Современные навигационные приборы дадут возможность уверенно водить корабли и в ночь, и в туман, и в снегопад.

Ищут новые структуры дирижаблей энтузиасты общественных конструкторских бюро Львова, Свердловска, Киева, Новосибирска, Якутска, Ленинграда. Уже построены летающие модели. Студенты Московского авиационного института в курсовых и дипломных проектах предложили конструкцию дирижабля, совмещающего в себе принципы монгольфьера и шарльера.

Дирижабли будут выполнять такие работы, которые недоступны другим видам техники.

Нашей промышленности, разбросанной по всей стране

новостройкам крайне необходим большегрузный воздушный корабль – дирижабль-кран. Такой дирижабль сможет доставлять по назначению крупногабаритные грузы, которые невозможно перевозить по железной или шоссейной дорогам. Такие грузы, как, скажем, турбины для строящихся на сибирских реках гидроэлектростанций, сейчас приходится возить водным кружным путем, по Северному морскому пути, и дальше, вверх по северным рекам. Этот путь долог и дорог.

Дирижабль-кран сможет опуститься прямо на заводской двор, захватить турбину стальными лапами и перенести ее за тысячи километров на новостройку. Точно так же он доставит с завода на строительство моста готовую секцию и, зависнув над рекой, даст возможность монтажникам установить ее. Висеть в воздухе, поддерживая груз, дирижабль сможет столько времени, сколько понадобится. Таким же образом сможет он доставить на строительство домов целые секции-квартиры – прямо на пятый, седьмой, шестнадцатый этажи...

Он поможет в короткий срок построить поселки, доставляя готовые жилые домики, ясли, школы, клубы в самые отдаленные от дорог и рек места, где геологи найдут новые залежи полезных ископаемых.

Незаменим будет дирижабль и при работе в горах. Он может доставить нужные стройматериалы на любую высоту.

С лесоразработок, из самых недоступных мест он будет

вывозить древесину и поможет этим бережно использовать величайшее наше богатство – лес.

Буровые вышки и другое тяжелое оборудование на Крайнем Севере сейчас приходится тащить к месту установки волоком, губя при этом зеленый покров тундры, оставляя за собой на вечной мерзлоте на многие годы омертвелый след. Уже стало ясно, какую грозную опасность представляет загазованность городов и загрязнение рек и морей. Дирижабль самый гуманный вид транспорта, он сберегает природу и не загрязняет атмосферу.

Будут пассажирские дирижабли, которые станут перевозить людей в отдаленные от дорог и аэродромов места.

Будут туристские, с палуб которых не из заоблачных высот сверхскоростного лайнера, а с неторопливо плывущего на высоте птичьего полета корабля люди смогут увидеть широко раскинувшиеся просторы нашей Родины.

Пожалуй, нет такой области в народном хозяйстве, где дирижабль не был бы остро необходим.

Очень нужно молодежи и спортивное воздухоплавание. Энтузиасты-спортсмены своими руками строят спортивные шары-монгольфьеры и поднимаются на них в воздух. Вот из кого стоит готовить пилотов новых дирижаблей.

Каждый год в Калуге, в Доме-музее имени К. Э. Циолковского 17 сентября, в день рождения великого ученого, проводятся Чтения, посвященные развитию идей Циолковского в области дирижаблестроения, ракетостроения и космопла-

вания. В этот день съезжаются ученые, космонавты, студенты, конструкторы космических кораблей и дирижаблей. Они привозят на обсуждение свои идеи и проекты.

Не случайно в доме К. Э. Циолковского встречаются вместе люди, занимающиеся проблемами космоплавания и воздухоплавания. Они близки – эти проблемы. Уже есть этому пример: доставленный космическим кораблем к Венере аэростат, плавающий в атмосфере, передавал на Землю научные сведения, которые собирали там установленные на нем приборы.

Человечество никогда не согласится, утверждают ветераны воздухоплавания, с положением, что сила земного притяжения сейчас преодолевается только тяжелыми авиационными средствами, требующими затрат огромных мощностей двигателей, с расходом многих тысяч тонн топлива и непростительным загрязнением окружающей среды.

– Возьмите бесплатную Архимедову силу, которую дарит нам природа! – не устают повторять они. – Возьмите наши знания, чтобы не пришлось начинать все с нуля.

Заветные мечты зачинателей дирижаблестроения, наших первых воздухоплателей-дирижаблистов, обязательно осуществляются!